

А. Я. КВАША

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
В СССР

*Мне с удовольствием
Михайлов
дочка
С. Я.*

МОСКВА
«ФИНАНСЫ И СТАТИСТИКА»
1981

ББК 60.7
К32

Кваша А. Я.

К32 Демографическая политика в СССР.— М.: Финансы и статистика, 1981.— 200 с

1 р 20 к

Рассматривая современные тенденции развития населения в СССР, автор особое внимание уделяет проблемам разработки эффективной демографической политики в стране, воспроизводству населения, взаимосвязи демографической политики с социально экономической политикой партии, направленной на всемерный рост благосостояния трудящихся и всестороннее развитие личности. В работе анализируются основные методологические подходы к определению объема расходов на проведение демографической политики в целом по стране и в отдельных ее регионах.

Книга рассчитана на демографов экономистов, социологов и других специалистов, интересующихся проблемами народонаселения в СССР.

К $\frac{10805-020}{010(01)-81}$ 51—81(С) 0703000000

ББК 60.7
312

ВВЕДЕНИЕ

« Разработка эффективной демографической политики в СССР стала в последние годы важнейшим направлением исследования проблем народонаселения. «Из поля зрения советских ученых,— отмечалось на XXV съезде КПСС,— не должны выпадать обострившиеся за последнее время проблемы окружающей среды и народонаселения. Улучшение социалистического природопользования, разработка эффективной демографической политики — важная задача целого комплекса естественных и общественных наук»¹.

Необходимость активного воздействия общества на демографические явления неоднократно отмечалась в решениях партии и правительства. В 1931 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о регулировании миграции в Москву. Постановлением СНК СССР от 27 июля 1936 г. были введены ежегодные пособия семьям в течение пяти лет со дня рождения ребенка. Это были одни из первых в мире систематически выплачиваемые пособия по многодетности. В 1944 г. была введена новая система пособий по многодетности, пересмотренная в 1947 г.

На XXIV съезде КПСС отмечалась роль демографических прогнозов в долгосрочном социально-экономическом планировании. В решениях съезда предусмотрено введение системы пособий для малообеспеченных семей (в основном это многодетные семьи), ряда льгот для людей, работающих в северных и восточных районах страны, что положительно сказалось на миграции населения в эти регионы страны. Наконец, в новой Конституции СССР (ст. 35 и 53) специально отмечается большая роль материнства и устойчивости семей в системе ценностей нашего общества, гарантируется активная помощь семье со стороны государства. На XXV съезде КПСС было принято решение о предоставлении

¹ Материалы XXV съезда КПСС М., 1976, с. 73.

женщине частично оплачиваемого отпуска до достижения ребенком одного года, который будет вводиться по районам страны начиная с 1981 г.

Важным направлением планового воздействия общества на демографические явления были меры по снижению заболеваемости и смертности населения. В этой сфере меры направленного воздействия проводились буквально с первых дней Советской власти. Принятое в сентябре 1977 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дальнейшем развитии здравоохранения во многом также является элементом планового воздействия развитого социалистического общества на процессы народонаселения.

Однако XXV съезд КПСС подошел к решению проблем народонаселения на качественно ином уровне: был поставлен вопрос о разработке эффективной демографической политики в целом, т. е. системы мероприятий, специально направленных на достижение определенного результата при высокой эффективности управляющих действий. Отметим также, что речь идет о мерах планового воздействия общества на *всю систему* демографических процессов в их взаимосвязи, а не только на тот или иной вид движения населения.

Такой качественно новый подход к проблемам управления, т. е. планомерного воздействия с целью изменения в нужную для общества сторону демографических явлений, отражает объективные потребности нашего общества и базируется на реальных возможностях.

На современном этапе развития народного хозяйства нашей страны все большее и большее значение приобретает долгосрочное социально-экономическое планирование; именно долгосрочное, когда особую роль играют учет долговременных тенденций развития тех или иных компонентов такой сложной социальной системы, как общество, корректировка нежелательных тенденций, выявившихся в ходе общественного развития.

Но всякое управление сложной системой, тем более такой многофункциональной, как зрелое социалистическое общество, может быть эффективным лишь тогда, когда при наличии определяющей и единой социальной цели развития специфические меры предусматриваются для управления каждым элементом системы. Нельзя, даже вне зависимости от тенденций развития того или иного процесса, оставлять вне сферы направленного

воздействия ни один компонент такой системы, в нашем случае демографические процессы. Особенности демографической ситуации могут лишь повысить актуальность проведения эффективной демографической политики.

Главным критерием эффективности всей нашей социальной политики, в том числе и ее составляющей — демографической политики, являются реализация основного экономического закона социалистического общества, повышение эффективности функционирования всей нашей экономики. Применительно к этим основным критериям должны решаться с учетом социальных и экономических аспектов развития общества и вопросы демографической политики. Соотношение между элементами всей системы и мерами по управлению ими является сложной, подчас дискуссионной, но теоретически и практически очень важной проблемой¹. Таким образом, необходимость разработки эффективной демографической политики диктуется долгосрочными интересами развития нашего общества.

Но важна и другая сторона этой проблемы, которая состоит в том, что к настоящему времени сложились научно-теоретические предпосылки для решения этой проблемы. Известно, что научная разработка проблем народонаселения, приостановленная в нашей стране накануне Великой Отечественной войны, заметно активизировалась после опубликования в журнале «Коммунист» статьи «О двух забытых областях социологических исследований»². В середине 60-х годов организационно оформились два демографических научных центра в Москве (отдел демографии НИИ ЦСУ СССР и Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ) и один в Киеве (отдел демографии Института экономики АН УССР), несколько позднее создана Проблемная лаборатория народонаселения в Ташкентском университете. Стали проводиться конференции и симпозиумы по разным аспектам изу-

¹ Мы рассматриваем демографическую политику как часть политики народонаселения, которая, в свою очередь, является частью социально-экономической политики общества в целом (см.: Система знаний о народонаселении/Под ред. Д. И. Валентя. М., 1976, гл. IX). В данной работе мы будем рассматривать только проблемы демографической политики.

² Коммунист, 1964, № 17.

чения народонаселения, возрос объем демографической литературы¹.

Исследования проблем населения в первые послевоенные годы проводились в основном политэкономии. В них подвергались резкой критике буржуазные теории народонаселения, а также предпринимались попытки сформулировать социалистический закон народонаселения. Начиная с середины 60-х годов стали весьма активно развиваться теоретические и прикладные исследования демографических проблем, характерных для СССР в целом и союзных республик. После создания редакции демографической литературы в издательстве «Статистика» значительно расширился объем демографических публикаций, их тематика.

Проведенные в последние десятилетия исследования создали научно-теоретическую базу для разработки системы мер по управлению процессами народонаселения. В основе ее лежит комплексный подход к изучению процессов развития населения, базирующийся на концепции системы знаний о населении. Такой подход был подготовлен фундаментальными работами советских демографов по анализу долгосрочных тенденций развития населения СССР и регионов, а также работами в области совершенствования методологии и методики демографического анализа и прогнозирования.

За последние годы значительно расширилась и информационная база демографических исследований, были проведены переписи населения 1959, 1970 и 1979 гг., которые дали много ценного материала не только для анализа тенденций демографических процессов, но и для выявления их движущих факторов. В этом плане большое значение приобретает перепись населения 1979 г., которая фактически впервые (после 1926 г.) даст нам сведения об уровне рождаемости по когортам². В последние десятилетия в нашей стране было проведено большое число разнообразных демографиче-

¹ В нашу задачу не входит изучение истории демографических исследований в нашей стране в послевоенные годы, это тема специальной работы, создание которой весьма актуально.

² К моменту сдачи этой книги в печать еще не было подробных публикаций итогов переписи населения 1979 г., но можно полагать, что содержащийся в программе переписи вопрос о числе детей в семье в сочетании с развернутой характеристикой семейного состояния даст богатейший материал для последующих исследований.

ских обследований, позволивших получить детальную, порой уникальную информацию.

Важным направлением демографических исследований, имеющих большое значение в разработке проблем управления демографическими процессами, является изучение движущих мотивов семьи при принятии решения об отказе от рождения ребенка или решения противоположного характера. Другим важным моментом является анализ механизма взаимосвязи экономических и демографических процессов на разных этапах развития страны, влияния изменений того или иного элемента уровня жизни населения на интенсивность демографических процессов. Выявление тенденций этих связей в динамике является важным условием выработки комплекса эффективных экономических мер демографической политики. Такого рода демографические исследования получили особое (хотя еще и недостаточное) развитие в десятой пятилетке в работах многих советских ученых.

Наконец, важной предпосылкой успешности исследований в области демографической политики в нашей стране было детальное ознакомление с теоретическими изысканиями и большим практическим опытом, накопленным в этой области в социалистических странах Европы. Изучение этого опыта позволило выявить многие общие черты в течении демографических процессов и обобщить меры эффективной демографической политики в социалистическом обществе.

За последние годы опубликован ряд работ по проблемам управления демографическими процессами, демографической политики¹. Среди них необходимо выделить две коллективные монографии, специально посвященные этим вопросам². Проблемам демографической политики посвящен ряд работ Б. Ц. Урлайиса, вопросы теории экономики и политики народонаселения исследуются в трудах Д. И. Валентя.

¹ По данным справочника «Библиография по проблемам народонаселения» за 1972—1975 гг. (М., 1977) за этот период в СССР было опубликовано 24 работы по проблемам политики народонаселения, причем одно из этих изданий — сборник «Демографическая политика» — включает 22 статьи разных авторов, т. е. общее число публикаций составляет 46 названий.

² См.: Демографическая политика/Под ред. В. С. Шешенко и В. П. Пискунова. М., 1974; Управление развитием народонаселения СССР/Под ред. А. Я. Кваши. М., 1977.

Проблемы управления процессами народонаселения и демографической политики обсуждались на ряде семинаров и конференций. Среди них в последние годы можно выделить Всесоюзную школу-семинар по вопросам управления демографическими процессами в мае 1979 г. и заседание Совета по социально-экономическим проблемам населения АН СССР в июне 1979 г.

И все-таки мы не можем сказать, что в области изучения проблем демографической политики достигнут столь же высокий уровень, как, например, в развитии методов демографического анализа. Ряд из этих вопросов остается слабоизученным, например: определение эффективности демографической политики, соотношение «вертикальных» и «горизонтальных» уровней ее, возможности общества в использовании тех или иных мер ее в современных условиях и многие другие аспекты.

Вместе с тем актуальность решения этих проблем год от года возрастает. Подтверждение тому мы находим в последних партийных документах. Так, в проекте «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» не только отмечается важность расширения демографических исследований, но и ставятся конкретные задачи, на решение которых должна быть направлена эффективная демографическая политика: укрепление семьи, создание наиболее благоприятных условий для совмещения женщиной трудовой деятельности с функциями материнства, рост продолжительности жизни и многие другие. Таким образом, исследование проблем демографической политики в нашей стране — насущная потребность теории и практики.

Настоящая работа во многом является развитием положений, содержащихся в книге «Проблемы экономико-демографического развития СССР»¹. Структура ее определена общим подходом к управлению социально-экономическими процессами, которое включает такие элементы, как определение состояния управляемого объекта в момент начала управляющих действий; определение цели таких действий, т. е. того состояния управляемой системы, к которому надо приблизить реальное состояние; выбор методов управления и, нако-

¹ См.: *Кваша А. Я.* Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974.

нец, определение системы контроля за изменением управляемой системы¹.

Применительно к нашему объекту управление складывается из следующих элементов: изучение генеральных тенденций развития населения и их специфических черт в условиях как страны в целом, так и регионов; определение современного состояния демографических процессов как исходной базы управления; определение цели демографической политики — тех параметров воспроизводства населения, которые с позиций выбранных критериев представляются в долгосрочной перспективе наиболее предпочтительными; разработка разностороннего комплекса мер демографической политики; наконец, разработка системы контроля за изменением состояния управляемой системы. Последнее во многом сводится к совершенствованию методов демографического анализа и поэтому в этой работе не рассматривается.

Такой комплексный характер исследования предопределил его фрагментарность и, наверное, отнюдь не всегда углубленную разработку ряда проблем демографической политики. В частности, в особом рассмотрении в силу своей специфики нуждаются вопросы демографической политики в отношении миграции. Все же хочется думать, что эта работа будет хотя бы минимальным вкладом в разработку такой сложной и актуальной проблемы, как эффективная демографическая политика в СССР.

При подготовке книги весьма ценными были рекомендации проф. Д. И. Валентя и проф. Л. Л. Рыбаковского, а также помощь Е. С. Большаковой. Всем им автор глубоко признателен.

¹ См.: Математика и кибернетика в экономике. Словарь-справочник. М., 1975, с 592—597.

ГЛАВА I. ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Разработка комплекса мер эффективной демографической политики должна базироваться на четком представлении о генеральных тенденциях воспроизводства населения, динамике его основных компонентов. «Все чаще мы сталкиваемся с тем,— отмечал на XXIV съезде КПСС тов. Л. И. Брежнев,— что осуществление важнейших экономических и социально-политических задач требует не пяти лет, а гораздо большего срока. В этой связи встает вопрос о перспективном долгосрочном планировании развития народного хозяйства, опирающемся на прогнозы роста населения страны, потребностей народного хозяйства, научно-технического прогресса»¹. Понимание основных направлений изменения воспроизводства населения в прошлом позволит выявить принципиальные направления изменения этих процессов и в будущем, а значит, во многом определить возможности воздействия общества на демографические явления. Достаточно четкое представление о генеральных тенденциях демографического развития позволит получить представление и о негативных последствиях этого развития, определить суть обострения демографической ситуации в стране.

Говоря об обострении демографической ситуации, следует подчеркнуть сложность и неоднородность этого явления. Само понятие «демографическая ситуация»²

¹ XXIV съезд КПСС. Стеногр отчет. М., 1971, т 1, с 91—92

² Иногда как синоним этого понятия используются термины «демографическая обстановка», «демографическое положение» (см. разные определения этого понятия в работах: Хорев Б. С. Проблемы городов. М., 1975, с 271; Агафонов И., Голубев А. Категории и факторы демографической обстановки (ситуации) — В кн. Прикладная демография. М., 1973; Система знаний о народонаселении М., 1976 и др.).

далеко не всегда понимается одинаково. Во многом это зависит от понимания предмета демографических исследований.

Демографическая ситуация — явление вторичное, производное по отношению к объективным социально-экономическим закономерностям развития общества, определяющим генеральные тенденции развития населения. В литературе встречаются термины «экономико-демографическая обстановка», просто «демографическая обстановка», которые предполагают интервальную характеристику ряда социально-экономических процессов в стране или регионе, определяющих через ряд опосредующих звеньев состояние демографических явлений для определенного периода времени, или же характеристику комплекса последствий того или иного типа демографической ситуации.

В настоящей работе под демографической ситуацией понимается состояние демографических процессов в течение определенного интервала времени. Поскольку наиболее часто используемой единицей времени является год, то *под демографической ситуацией мы будем понимать состояние демографических процессов (естественного движения, миграции) и демографических структур за соответствующий год.*

Демографическая ситуация может характеризоваться системой различных показателей, причем именно системой, а не одним, учитывая многообразие характера самих демографических явлений.

На величину демографических показателей за тот или иной отрезок времени влияют структурные факторы, часто вызывающие существенные колебания числа демографических событий. Поэтому, даже имея данные за ряд лет, мы должны учитывать, что по сути своей это во многом как бы набор, если рассматривать их изолированно, характеристик, анализируя которые в динамике, можно выявить генеральные тенденции, т. е. главные закономерности развития явлений в совокупности их случайных колебаний.

Это тем более важно, что состояние демографических явлений в тот или иной момент во многом детерминировано теми событиями, которые были в прошлом. Под их влиянием формируется демографическое поведение населения, состояние его здоровья, возрастно-половая структура населения. Поэтому по состоянию демо-

графических событий в течение короткого отрезка времени нельзя достоверно судить о генеральных тенденциях развития населения. Для этого необходимо рассмотреть ряд характеристик демографической ситуации в динамике, выделить главные, основные направления развития демографических процессов.

Именно выявив генеральные тенденции изменения интенсивности демографических процессов, можно понять глобальные и в значительной мере неотвратимые изменения в их характере и на этой основе выделить те пределы, в границах которых общество может направленно воздействовать на эти явления с целью их изменения.

На XXV съезде КПСС было выдвинуто положение об обострении демографической ситуации в нашей стране¹. Оно выражается в отклонении в нежелательную сторону от генеральных тенденций основных компонентов демографических процессов. Необходимо, как уже отмечалось, отличать генеральные тенденции демографических явлений от случайных, эпизодических колебаний, вызванных влиянием специфики возрастной структуры населения или изменением интервалов между рождениями (их графика).

С позиций генеральных тенденций развития населения и долгосрочных интересов социалистического общества обострение демографической ситуации может проявляться сейчас в следующем:

снижении интенсивности рождаемости ниже минимально допустимого с позиций долгосрочных интересов общества уровня воспроизводства;

прекращении роста или даже уменьшении средней продолжительности жизни населения как при рождении, так и в отдельных возрастах;

нерациональных с позиций долгосрочных интересов общества направлениях и объемах миграции, низкой приживаемости новоселов;

формировании в отдельных регионах страны диспропорциональной возрастно-половой структуры населения;

систематическом росте уровня разводимости, противоречащего долгосрочным интересам общества. Именно с этих позиций, как нам представляется, и можно рас-

¹ См. Материалы XXV съезда КПСС М., 1976, с. 73

сма­тривать тезис об обостре­нии демо­графической ситуа­ции в СССР.

Обостре­ние демо­графической ситуа­ции про­является в систематическом, а не случайном, эпизодическом, вызванном структурными факторами отклонении интен­сивности тех или иных видов движения населения от их генеральных тенденций. Поэтому для понимания подлинной картины событий требуется детальная информация за большое время и глубокий ее анализ.

В то же время для оценки демо­графической ситуа­ции как элемента долгосрочных тенденций развития населения важно иметь достаточно четкое представление о том типе воспроизводства, который с позиций системы социально-экономических критериев отвечает долгосрочным интересам общества. Без представления о том, какой тип воспроизводства желателен, трудно дать качественную оценку и генеральным тенденциям развития населения и демо­графическим процессам в текущий момент.

Таким образом, качественная оценка демо­графической ситуа­ции возможна на основе сравнения реально существующих ее параметров с параметрами той, которая считается с позиций долгосрочных тенденций воспроизводства населения наиболее желательной, оптимальной. Такое сравнение реальных и наиболее желательных характеристик демо­графических процессов позволяет определить возможные меры демо­графической политики как для страны в целом, так и для ее регионов.

Следует, однако, подчеркнуть необходимость постоянного сравнения этих двух компонентов развития демо­графических процессов — текущего состояния и генеральных тенденций. Так, с позиций ликвидации дефицита трудовых ресурсов¹, т. е. чисто экономического критерия оптимальности, на некоторых этапах развития общества был бы желателен возврат хотя бы к средне­детной семье². Однако постановка такой задачи с демо­

¹ Причины существования такого дефицита в последние годы вызваны в первую очередь экономическими факторами, а чисто демо­графические факторы играют здесь важную, но не решающую роль

² Другой, более реальный, путь решения проблемы дефицита трудовых ресурсов состоит в повышении эффективности производ­ства, росте производительности труда.

графических позиций нереальна в силу того, что генеральные тенденции развития населения состоят (как это будет обосновано в дальнейшем) в том, что под влиянием социально-экономических факторов переход к массовой малодетной (до трех детей) семье исторически неизбежен и даже неотвратим. Поэтому при разработке демографической политики необходимо выделить из большого числа событий основные, главные тенденции как воспроизводства населения в целом, так и его отдельных компонентов.

Тенденции демографического развития каждой страны определяются в основе своей влиянием социально-экономических факторов, специфически проявляющихся в исторически конкретных условиях. Таким образом, в демографических тенденциях каждой страны необходимо различать прежде всего *генеральные* тенденции, которые в той или иной форме и с различной скоростью проявляются во всех странах. К числу таких закономерностей можно отнести неизбежный переход от сознательно неограничиваемой к сознательно ограничиваемой рождаемости, от многодетной семьи — к малодетной, постепенное увеличение продолжительности жизни населения, рост его подвижности — социальной и территориальной. Естественно, что эти закономерности проявляются как тенденции, как общая генеральная линия.

Наряду с этими общими закономерностями существуют и *специфические* черты развития населения, которые складываются в первую очередь под воздействием характерных особенностей той или иной общественной формации. Проявляются они прежде всего в скорости и «безболезненности» перехода от одного типа воспроизводства к другому и особенно в качестве населения, прежде всего в создании новой социальной структуры, а также принципиально новых по типу других структур населения.

Наконец, *частные* различия в режиме воспроизводства отдельных стран даже в рамках одной и той же формации определяются особенностями социального развития страны, ее конкретными историческими условиями.

При оценке общих перспектив воспроизводства населения необходимо выработать какой-то единый подход, генеральную схему последовательности смены типов воспроизводства как элемента социально-экономического развития. По сути дела, речь идет о разработке обоб-

щающей модели развития населения в исторической ретроспективе и перспективе

Как и всякая социальная модель, такое построение должно отвечать, с учетом специфики объекта моделирования¹, нескольким важнейшим условиям.

Прежде всего такая модель должна по сути своей, а не чисто формально, основываться на генеральных тенденциях социально-экономического развития, на детерминированности процессов воспроизводства населения генеральными тенденциями общественного развития.

Такая модель должна не только обобщать тенденции развития прошлого, но и позволять предвидеть основные изменения этих процессов в перспективе. Важно подчеркнуть, что речь идет именно о каких-то важнейших перспективных изменениях процессов, их генеральных тенденций, а не их проявлении в условиях конкретной страны или части ее, что можно определить на основе знания специфики развития страны, т. е. элементов частного применительно к генеральной схеме.

Наконец, такая модель должна позволять выявить не только общие количественные закономерности развития населения, но и качественные изменения в демографических процессах, вызванные социально-экономическими факторами, прежде всего сменой общественных формаций.

Как и всякая модель, такого рода построение может выявить лишь какую-то часть основных связей социально-экономических и демографических процессов. Поэтому наивно полагать, что модель генерализации тенденций воспроизводства населения даст ответы на все конкретные вопросы, например позволит достаточно четко определить время перехода от одного типа воспроизводства населения к другому, оценить для определенного интервала времени конкретные показатели того или иного компонента демографического развития. Решение этих задач — дело более детальных и специальных исследований.

В основе изменения характера демографических процессов лежат, как уже отмечалось, социально-экономические факторы, специфически воздействующие через соответствующий передаточный механизм на основные

¹ См. *Араб-Оглы Э. А. Демографические и экологические прогнозы* М, 1978, с. 187

компоненты развития населения в каждой формации. Проблема анализа механизма взаимосвязи экономических и демографических процессов — одна из самых фундаментальных в демографии. Без понимания сути этого механизма невозможно управление процессами развития народонаселения, среднесрочное и долгосрочное достоверное прогнозирование развития населения и в конечном счете, учитывая многообразный характер взаимосвязей экономических и демографических явлений, — составление и реализация долгосрочных планов социально-го и экономического развития.

Однако эта первостепенная демографическая проблема изучена советскими демографами еще далеко не достаточно. По этим вопросам имеются лишь отдельные, хотя и очень интересные, публикации, раскрывающие чаще всего те или иные стороны этой проблемы, но почти не касающиеся сути механизма взаимосвязи, его исторической эволюции.

Так, в статьях и монографии Н. В. Панкратьевой анализируется влияние темпов роста населения и его возрастной структуры на величину национального дохода. Демографическим аспектам развития трудовых ресурсов посвящен ряд работ М. Я. Солина. Некоторые вопросы методики анализа этих связей рассматриваются А. Г. Вишневым. Проблеме вклада поколений, совершенствованию методики экономико-демографического анализа, предмету и методу экономической демографии посвящены работы Б. Ц. Урланиса. Экономические аспекты демографического оптимума и ряд других проблем и закономерностей развития населения исследованы А. Я. Боярским. Методические аспекты взаимосвязи развития экономики и населения разбираются в коллективной монографии «Марксистско-ленинская теория народонаселения»¹.

Теоретические проблемы взаимосвязи экономических и демографических процессов разбираются, и то лишь

¹ См. Факторы экономического развития СССР. М., 1970; Панкратьева Н. В. Население и социалистическое воспроизводство. М., 1977; Вишневский А. Г. Население и производство. — В кн.: Модели демографических связей. М., 1972; Урланис Б. Ц. Проблемы экономической демографии. — В кн.: Проблемы демографии. М., 1971; Боярский А. Я. Проблемы демографического оптимума. — В кн.: Население и методы его изучения. М., 1976; Марксистско-ленинская теория народонаселения/Под ред. Д. И. Валентя М., 1974.

в первом приближении, в некоторых коллективных монографиях и учебных пособиях, вышедших в 70-х годах¹.

В то же время в западной, особенно американской, литературе, в изданиях ООН опубликован ряд работ, посвященных теории взаимосвязи экономических и демографических явлений, где с буржуазных позиций разбирается механизм этой взаимосвязи применительно не только к капиталистическому, но и к социалистическому обществу². Все это говорит о том, что анализ механизма взаимосвязи экономических и демографических явлений—проблема, важная не только в теоретическом и практическом, но и в идеологическом плане.

Остановимся на некоторых общих положениях, которые, по нашему мнению, являются исходными при анализе механизма взаимосвязи экономических и демографических явлений и важными с позиций анализа тенденций развития населения³. Понятно, что и в этом случае трудно претендовать на исчерпывающую полноту анализа.

Прежде всего отметим, что в системах «экономика» и «население» различия в характере зависимостей «население — экономика» и «экономика — население» в силу их связей можно провести с достаточно большой долей условности. Определяющую роль в развитии этих зависимых друг от друга систем играют экономические факторы, хотя, как будет показано далее, степень, скорость и формы воздействия экономических факторов на демографические явления существенно меняются во времени или, точнее говоря, в зависимости от достигнутого уровня социального развития.

¹ См: Система знаний о народонаселении/Под ред. Д. И. Валентя. М., 1976; Основы теории народонаселения/Под ред. Д. И. Валентя М., 1977; Курс демографии/Под ред. А. Я. Боярского. М., 1974

² Например, только в апрельском номере (1978 г.) библиографического издания по проблемам населения «Population Index» в разделе «Общие тенденции экономического развития и населения» было аннотировано около 20 работ

Особое внимание в этом плане привлекает обобщающая работа экспертов ООН: Детерминанты и последствия демографических тенденций ООН. Нью-Йорк, 1973—1975, т. 1, ч. 1—9.

³ Некоторые из них уже разбирались в нашей работе «Проблемы экономико-демографического развития СССР» (М., 1974), а также в коллективной монографии «Система знаний о народонаселении» (гл. III, VI).

· Выделение определяющей роли в демографическом развитии экономических факторов отнюдь не означает независимости социальных и экономических явлений от демографических факторов. Наоборот, демографические факторы существенно влияют на экономическое развитие и со временем степень этого воздействия не уменьшается, хотя формы связи меняются во времени. Итак, первой важной предпосылкой изучения механизма взаимосвязи экономических и демографических явлений является доминирующая роль экономических факторов во взаимосвязях «экономика — население».

Другим важным положением является тот факт, что экономика и население являются системами динамическими, т. е. в них идет непрерывный процесс воспроизводства экономических и демографических явлений. Иначе говоря, речь идет о механизме динамических взаимосвязей двух воспроизводящихся систем, т. е. о процессах *воспроизводства* двух сложных процессов.

Надо учитывать не только различия в темпах (времени) воспроизводства этих систем (а это само по себе достаточно сложно), но и то, что они в ходе воспроизводства меняются и качественно и «пространственно». Иначе говоря, в ходе демографического и экономического развития меняются количественные и качественные распределения демографических и экономических явлений на территории страны, причем скорости этих изменений часто асинхронны.

Наконец, еще одним важным принципом является необходимость изучения сложившегося в *данных конкретных условиях* механизма взаимосвязи экономических и демографических процессов как этапа общей эволюции взаимосвязи экономических и демографических явлений, являющегося отражением развития общественных формаций.

Следует также помнить, что специфические и исторические условия той или иной страны (или ее части) могут затушевывать, замаскировать, даже затормозить проявление генеральных тенденций, но не ликвидировать их.

Сложность современных демографических явлений, многообразие факторов, определяющих формирование той или иной интенсивности демографических процессов, обуславливают повышение требований к объему и качеству демографической информации как важному усло-

вию успешности анализа развития демографической системы Эти требования видоизменялись количественно и качественно по мере совершенствования методов демографического анализа, что в свою очередь определялось возрастающими требованиями общества к полноте, достоверности и детальности демографической информации.

Так, в дореволюционный период, особенно в XVIII—XIX вв., для государственных нужд требовались большей частью лишь оценки общей численности населения, податных и военно-призывных контингентов Для прогноза этих данных было достаточно выработать гипотезу о темпах роста всего населения и установить долю в нем определенных возрастных контингентов в условиях мало меняющейся возрастной структуры и интенсивности демографических процессов

В современном мире, когда меняется интенсивность процессов движения населения, когда во многих странах существуют диспропорции в возрастной структуре населения и варьирует график рождений, для демографического анализа нужна детальная информация, причем для перспективных расчетов населения и особенно выявления их генеральных тенденций необходимы данные за ряд лет о динамике отдельных видов демографических явлений, исходной возрастной и иных структурах населения Прогноз рождаемости, миграции да и смертности населения невозможен без учета специфики различных социально-экономических факторов, во многом проявляющейся в динамике различных социально-демографических структур — образовательной, этнической, профессиональной и др.

В современных условиях необходимо учитывать также особенности истории тех или иных поколений населения, что сказывается как на режиме их воспроизводства, так и на соответствующих параметрах развития населения в целом Например, поколения мужчин СССР рождения 1920—1926 гг. принимали особо активное участие в Великой Отечественной войне. Эти когорты понесли значительные прямые потери, их здоровье подорвано. Это сказалось на уровне брачности этих когорт, а значит, и на рождаемости соответствующих поколений женщин. Без учета таких факторов анализ рождаемости этих когорт может дать противоречивые результаты. Это и многое другое следует иметь в виду при оценке информации для демографического анализа.

Наконец, при анализе современной информационной базы необходимо учитывать и наличие разнообразных типов воспроизводства населения в нашей стране. Для основной массы населения СССР типична низкая, сознательно ограничиваемая рождаемость, поэтому здесь важно выявить тенденции воспроизводства отдельных когорт и тем самым реальный уровень воспроизводства населения в целом. При составлении прогноза сельского населения республик Средней Азии существенно важно определить момент начала и возможные темпы снижения рождаемости.

Следует особо отметить, что каждый сложившийся тип воспроизводства населения предъявляет специфические требования и к методике демографического анализа, особенно процессов рождаемости, и к его информационному обеспечению. Например, при низкой рождаемости, при массовом распространении малодетной семьи и деформированной возрастно-половой структуре населения аналитические возможности системы демографических коэффициентов особенно ограничены. Изменения величины таких показателей прежде всего определяются влиянием структурных факторов, поэтому по самим показателям отнюдь не всегда можно судить о сути происшедших изменений. В этих условиях только характеристики по методу реального поколения (а получение разносторонней и качественной информации такого рода наиболее трудно) могут дать достаточно полную картину происходящих процессов¹.

В то же время при сравнительно пропорциональной возрастной структуре, мало меняющемся графике рождений и невысокой интенсивности миграции, т. е. в условиях, характерных для сельской местности современных республик Средней Азии, показатели, полученные по методу условного поколения, могут дать вполне репрезентативную картину реальности.

Все сказанное говорит о том, что современная демографическая информация должна быть *разносторонней*, причем не только для страны в целом, но и для отдель-

¹ О масштабе влияния структурных факторов на величину показателей условного поколения на разных этапах развития населения СССР весьма убедительно свидетельствует график, приведенный в одной из работ Р. И. Сифман (см. Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974, с. 43)

ных регионов, поскольку региональный аспект в демографическом анализе приобретает все большее значение.

Важно подчеркнуть, что для качественного анализа в современных условиях необходима не только чисто демографическая информация, но и сведения из многих сопредельных наук. Например, прогноз смертности невозможен без прогноза заболеваемости, прогноз миграции невозможен без прогноза развития производительных сил, не говоря уже о том, что и сам по себе прогноз развития населения есть элемент долгосрочного социально-экономического планирования.

Вспомним и то, что при анализе тенденций рождаемости все большее значение приобретают сведения о репродуктивной мотивации населения, которые могут быть получены на основе социально-психологических методов. Все это говорит о том, что современная качественная демографическая информация является по своей сути *комплексной*, использующей данные многих других наук.

Наконец, демографическая информация должна быть *достоверной*. Само понятие «достоверность» применительно к информации далеко не однозначно, особенно когда речь идет о массовых событиях, носящих во многом вероятностный характер. С точки зрения статистики достоверность (оценка точности и правомерности) информации может пониматься не как полное совпадение имеющейся информации о событиях с подлинной величиной явлений, т. е. с точностью до единицы, а лишь как совпадение в той степени, чтобы ошибки информации не превышали определенных пределов.

Если не принимать во внимание ошибки расчетного характера и говорить о них лишь с точки зрения качества информации и допустимой точности ее обработки, то при самом общем подходе можно выделить несколько основных положений.

Начнем с того, что любой демографический анализ, претендующий на представительность и достоверность, должен опираться на достаточно репрезентативный объем наблюдений. Это в общем-то банальная истина, но об этом приходится напоминать, поскольку очень часто данные разного рода монографических исследований без всякого детального обоснования переносятся на всю генеральную совокупность явлений

Более того, в самой репрезентативно выбранной совокупности необходимо учитывать наличие большого числа признаков у населения, в частности его подвижность и ряд других особенностей¹. Следовательно, то или иное исследование, проведенное на основе материалов обследований, должно быть прежде всего репрезентативным в статистическом плане, лишь в этом случае выводы его могут быть достоверными и претендовать на выявление генеральных тенденций. Об этом придется писать, поскольку еще недавно ошибки такого рода встречались достаточно часто, особенно в социологической литературе.

Напомним, что согласно расчетам И. Г. Венецкого, для того чтобы показатели таблиц смертности (например, для мужчин) были достоверными в третьем десятичном знаке, объем исходной совокупности должен быть более 400 тыс. человек². Все это требует особого внимания к исходной информации и использования специальных приемов при расчете демографических показателей.

Другая сторона вопроса о достоверности информации — это определение необходимого предела точности в расчетах. Следует сразу отметить, что стремление получить показатели с наибольшей точностью в ряде случаев приводит к обратным результатам — исчислению неточных величин и резкому увеличению объема вычислений. Так, по расчетам И. Г. Венецкого в показателе q_x таблиц смертности лишь третий десятичный знак можно считать достоверным, а чтобы четвертый и тем более пятый знак были достоверными, надо резко увеличивать объем наблюдений. По этим же расчетам показатель вероятности дожития в таблицах смертности при размерах миграции, больших чем 5% естественного прироста, будет неточным уже в третьем знаке после запятой³.

Все сказанное говорит о том, что при анализе имеющейся информации не следует стремиться к безграничной точности вычислений, к их сверхподробности. Ска-

¹ См. об этом: Волков А. Г. Выборочный метод в изучении населения.— В кн.: Проблемы демографии. М., 1971.

² См.: Венецкий И. Г. Математические методы в демографии. М., 1971, с. 125.

³ Там же, с. 125, 128—129.

жем, перспективные расчеты населения на длительный период, выполняемые с точностью до одного человека, бессмысленны, поскольку неизбежный масштаб ошибок перекроет эту «сверхточность».

Напомним в этой связи замечание А. Я. Боярского о долгосрочных демографических прогнозах, в которых «сила и тонкость «точных» методов оказываются в чересчур большом контрасте с грубостью и сомнительностью исходных предпосылок»¹. В этой связи, по мнению А. Я. Боярского, при прогнозе на 25 лет вперед точность в пределах $\pm 15-20\%$ вполне достаточна, а на 5—10 лет эта ошибка должна быть не более $5-10\%$ ².

Следует, на наш взгляд, особо подчеркнуть положение о необходимой в каждом конкретном случае точности используемых методов анализа. Во многом они зависят от поставленной цели исследования. Если речь идет, как отмечал А. Я. Боярский, лишь о численном воплощении определенной гипотезы, об оценке одной лишь общей численности населения на длительный период, а чем больше он, тем ненадежнее расчеты разного рода структур в силу неопределенности гипотез, то грубые методы могут быть достаточными с позиций поставленной задачи. В этом случае облегчаются требования и к исходной базе прогноза: достаточно использовать разного рода упрощенные зависимости в анализе.

Иное дело, если нужен детальный прогноз численности и особенно состава населения, который явится элементом всего долгосрочного социально-экономического прогнозирования, элементом народнохозяйственного планирования. В этом случае повышаются требования к качеству прогноза — нужно рассчитать не только общую численность, но и разного рода структуры населения как по стране в целом, так и по крупнейшим регионам, да и сама ошибка в численности населения должна быть по возможности меньше.

Все это говорит о том, что степень достоверности имеющейся информации и сделанных на ее базе расчетов необходимо оценивать применительно к поставленной задаче.

¹ Боярский А. Я. Население и методы его изучения. М., 1975, с. 248.

² Там же, с. 255—256.

Теперь, после обширного, но, на наш взгляд, необходимого отступления на тему о достоверности информации, вернемся к проблеме правильности использования имеющейся информационной базы.

Говоря о проблемах правильного использования имеющейся информации, следует сделать еще одно методическое замечание. Видимо, необходимо всегда различать анализируемый демографический процесс (рождаемость, смертность и т. д.) и используемые для его характеристики разного рода показатели, измерители. Любое демографическое явление, весьма сложное по своему характеру, может быть измерено с помощью целого ряда разных показателей, но ни один из них, отдельно взятый, не может дать достаточно полного и близкого к реальному состоянию описания процессов. Отсюда следуют несколько важных методических выводов.

Во-первых, характер и детальность используемых показателей зависят от объема имеющейся информации: чем она детальнее, тем глубже может быть анализ, хотя в некоторых случаях детальность расчетов может «заслонять» общие закономерности развития.

Во-вторых, глубина анализа зависит от поставленной цели, которая во многом, как уже отмечалось, определяет и степень допустимой ошибки, и необходимость использования тех или иных величин.

И наконец, еще одно замечание. Применяя в анализе тот или иной показатель, всегда нужно четко представлять его методические возможности, его достоинства и недостатки, пределы вариаций, возможности применения к анализу «открытых» и «закрытых» демографических систем. Вообще следует заметить, что популярность отдельных демографических показателей переживает подъемы и спады (даже разочарования в них), прежде чем восторжествует объективная их оценка. Напомним в этом плане судьбу нетто-коэффициента, который и в зарубежной и в нашей литературе, особенно непрофессиональной, не так давно выдавался за высшее слово демографической науки, хотя ограничения в его использовании были неоднократно, начиная с работ В. В. Паевского, описаны в литературе. Словом, корректный демографический анализ требует четкого понимания значения тех или иных показателей, использования

целого комплекса разносторонних характеристик демографических явлений.

Важную проблему представляет собой также методика демографического анализа при наличии неполной информации. Само понятие «неполная информация», которое широко используется в мировой демографической литературе, также неоднозначно. Здесь имеются в виду не только те случаи, когда применение необходимых и традиционно используемых приемов анализа оказывается невозможным из-за отсутствия данных, но и те, когда не могут быть использованы некоторые классические методы демографического анализа из-за относительной малочисленности изучаемых групп населения.

При выявлении генеральных тенденций развития населения анализ при неполной информации приходится вести достаточно часто. Это касается периодов, когда просто не собирались статистические сведения в современном их понимании и представления о характере демографических процессов часто были весьма неопределенными, порой даже просто неверными. До сих пор, например, достаточно устойчиво представление о том, что в прошлом семьи были многодетными. На самом деле, как справедливо подчеркивалось в демографической литературе¹, в семьях рождалось много детей, а выживали лишь немногие, в лучшем случае типичной была среднедетная, а то и малодетная семья. Поэтому особое значение имеет правильное представление о размерности, т. е. фактических значениях, демографических характеристик в тот или иной исторический период.

Другим примером анализа при неполной информации является исследование тенденций развития отдельных регионов страны, где в силу небольшой (в статистическом плане) численности населения затруднено применение классических, прежде всего с использованием вероятностных характеристик, методов демографического анализа. В этих случаях опять-таки наряду с использованием типологических схем анализа² очень важно иметь правильное представление о том, на каком этапе развития населения находится тот или иной регион, что позволяет оценить в принципе качество имеющейся информации, тенденции демографических явлений.

¹ См.: Вишневецкий А. Г. Демографическая революция. М., 1976.

² См.: Большакова Е. С. К проблеме демографического районирования.— В кн.: Продолжительность жизни М., 1974

Исследуя генеральные закономерности воспроизводства населения, следует учитывать, что демографические процессы с позиций выявления их генеральных тенденций обладают некоторыми специфическими чертами, которые необходимо помнить.

Во-первых, следует всегда выделять изменения интенсивности процессов под влиянием комплекса социально-экономических факторов. Они происходят достаточно медленно, но устойчивы во времени и по направлению. Эти изменения в методическом плане выявить достаточно сложно, поскольку они часто заглушаются, маскируются эпизодическими колебаниями годового числа событий (рождений, смертей, браков) под влиянием конъюнктурных факторов структурного плана. Например, специфической возрастной структурой или изменениями графика рождений, т. е. быстро меняющимися во времени компонентами, которые в конечном счете вызваны влиянием социально-экономических факторов.

Некоторые социальные явления сами по себе вызывают быстрое изменение характера демографического поведения. В качестве примера можно привести сокращение в нашей стране срока действительной военной службы в конце 60-х годов, что стимулировало увеличение числа браков в молодых возрастах и числа первых рождений. Примером обратного воздействия на демографические процессы может служить ухудшение экономической ситуации в капиталистических странах, что ведет не только к изменениям графика рождений, но и к уменьшению числа регистрируемых браков среди молодежи, а значит, и числа рождений. Так, в ФРГ примерно с 1975 г. началось резкое снижение числа рождений, сейчас оно близко к числу смертей. При этом надо учитывать, что в некоторых европейских, в первую очередь скандинавских, странах практическое уравнивание в правах фактического и юридического брака сказалось на числе зарегистрированных браков и, следовательно, на показателях брачности.

Во-вторых, при выявлении генеральных тенденций демографических процессов как объекта управления важно учитывать, что социально-экономические факторы влияют на изменение интенсивности демографических явлений не прямо, а посредством «передаточного механизма» — демографического поведения, иначе говоря, сначала меняются социально-экономические условия,

потом демографическое поведение и лишь после этого интенсивность демографических явлений. Это обуславливает объективное существование разрыва во времени, порой весьма существенного, между изменением экономических и демографических процессов.

В-третьих, существенной особенностью является так называемая инерционность демографических процессов. Это означает, что современное состояние демографических процессов во многом определяется развитием событий в прошлом, часто лет 20—30 назад. Например, репродуктивное поведение молодежи формируется на основе опыта родителей, чьи установки складывались под воздействием опыта прошлого. Возрастная структура сформировалась на том или ином этапе под влиянием событий и интенсивности демографических процессов, бывших несколько десятков лет назад. Таких примеров можно привести много, и все они свидетельствуют о том, что понять характер современных демографических явлений нельзя без учета характера социально-экономических явлений, которые были в прошлом. В этом смысле и характер демографических процессов в будущем определяется современными процессами.

Остановимся на принципиальной схеме экономических и демографических явлений, что позволит определить характерные черты этих процессов на современном этапе, выявить генеральные направления их развития. Естественно, что при таком анализе на первом его этапе необходимо абстрагироваться как от специфических условий той или иной страны, так и от влияния таких чрезвычайных событий, как войны, особенно мировые войны XX в. В таком анализе неизбежна и определенная периодизация демографического развития, которая будет основываться на генеральной схеме теории демографической революции (или демографического перехода)¹. Суть этой теории достаточно подробно из-

¹ В термины «демографическая революция» и «демографический переход» часто вкладывается близкое сущностное понимание. И хотя первый из них заимствован из французской литературы, некоторые видные французские демографы предпочитают использовать термин «демографический переход» (*transition démographique*) (*Bourgeois-Pichat J. La baisse actuelle de la fécondité en Europe s'inscrit-elle dans le modèle de la transition démographique — Population, 1979, № 2*). Однако первый термин показывает скачкообразный характер развития, второй — эволюционный.

ложена в отечественной и зарубежной литературе¹, поэтому мы остановимся на некоторых положениях, необходимых для рассмотрения нашей проблемы.

Эта теория в своей первоначальной основе была разработана в 20—30-х годах нашего столетия. К этому времени уже накопилось много фактического материала об истории демографических процессов, особенно в странах Западной Европы. Возникла необходимость разработки прогнозов населения, а для этого потребовалось сформулировать реальные гипотезы о будущем населения, выявив генеральные тенденции его развития. Первым шагом на этом пути было выявление определенных этапов в формировании типов развития населения, которые характеризовались бы специфическими чертами. И хотя определение этих типов, критерии типологии различались у основоположников этой теории (А. Ландри, У. Томпсона, Ф. Нотештейна), все они в той или иной форме выделяли этапы перехода от высокой к низкой рождаемости, от высокой к низкой смертности.

Однако, говоря о качественных этапах развития населения и выявлении генеральных тенденций, сейчас уже нельзя ограничиваться лишь процессами естественного движения населения, процессами рождаемости и смертности. Объективно такое ограничение имело под собой основу. Оно было связано со становлением демографии как науки, в которой прежде всего рассматривались процессы естественного движения населения, в первую очередь смертности, а потом и рождаемости. Современное понимание процессов развития населения предполагает исследование не только естественного движения населения, но и миграции, изменений демографических структур, функций семьи, а в дальнейшем, возможно, и форм расселения населения.

Анализ социально-экономических факторов и специфики демографического развития позволяет выявить существенные различия в содержании демографических

¹ См.: Кваша А. Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974; Вишневецкий А. Г. Демографическая революция. М., 1976; Боярский А. Я. К проблеме населения — В кн.: Население и его изучение. М., 1975; Детерминанты и последствия демографических тенденций. ООН. Нью-Йорк, 1973, т. 1, ч. 1, с. 160—165; Павлик З. Вопросы перспективного исчисления населения в Чехословакии. — В кн.: Совершенствование планирования и управления народным хозяйством. М., 1967.

процессов в странах с разным общественным строем, которые часто маскируются близкими значениями демографических показателей. Именно социально-экономический анализ позволяет выявить специфические черты того или иного типа воспроизводства населения.

Основой теории демографической революции является периодизация демографических явлений, по сути, представляющая собой своеобразную логическую модель развития населения. Построение этой модели может проводиться в двух вариантах. Первый, упрощенный и часто используемый рядом буржуазных демографов, состоит в выделении этапов на основе количественных характеристик демографических явлений, т. е. перехода от одного уровня показателей воспроизводства к другому. Чаще всего учитываются только показатели естественного движения, взятые сами по себе, в отрыве от влияющих на них социально-экономических факторов, смены общественных формаций. Фактически в этом случае речь идет об изменении количественной величины демографических процессов вне связи с другими системами.

Так, согласно взглядам одного из основателей этой теории А. Ландри при так называемом современном режиме, т. е. при низкой рождаемости и низкой смертности, экономические факторы уже перестают играть ту роль, которую они играли в прошлом, и решающим становится стремление семей ограничить рождаемость, т. е., по сути дела, идет подмен экономических факторов психологическими¹.

Другим, и единственно реалистичным, вариантом является разработка схемы общей последовательности изменения интенсивности всех (включая миграцию) демографических процессов, развития функций семьи, ее эволюции в их социально-экономической обусловленности. Такой, по сути своей более сложный, подход позволяет установить не только общую логику развития демографических явлений, но и понять их особенности и перспективы в той или иной стране.

Первым этапом развития населения согласно наиболее распространенному пониманию концепции демографической революции был период, когда господствовал

¹ Landry A. La revolution demographique P., 1934.

так называемый примитивный, или традиционный, тип воспроизводства: высокая, сознательно не ограничиваемая рождаемость (хотя те или иные методы ограничения рождаемости были известны всегда) сосуществовала с очень высокой смертностью. В результате темпы прироста населения были в среднем для длительного отрезка времени невелики — от 0,2 до 0,8% к концу этого периода. В отдельные периоды они были еще меньше. Устойчивый в принципе режим рождаемости и смертности обуславливал формирование возрастной структуры, близкой к стабильной. Да и весь режим воспроизводства многие десятилетия был близким к стабильному.

Из других характерных черт этого этапа развития населения, достаточно подробно описанных в литературе, отметим лишь следующие. Демографические структуры (возрастно-половая, профессиональная, образовательная и некоторые другие) в этот период мало менялись во времени, практически можно говорить об их стационарности, т. е. качественной неизменности типа воспроизводства населения.

Многие годы не менялись в этот период и весьма разносторонние функции семьи. Она была достаточно прочной (в частности, вследствие отсутствия юридических разводов), сложной, многопоколенной¹. Высокий уровень смертности, особенно женской и материнской, приводил к тому, что доля распавшихся из-за смерти одного из супругов семей была очень высока и овдовение было важнейшей причиной распада семьи.

О существовавшей в тот период высокой смертности определенное представление дают следующие данные. По некоторым расчетам средняя продолжительность жизни новорожденных во Франции в 1740—1749 гг. (практически в период, когда уже не было массовых эпидемий, но еще не началось снижение смертности от инфекционных болезней) составляла 23,8 года для муж-

¹ Уровень разводимости населения дореволюционной России был очень низок не только из-за сложности процедуры развода для православно населения, но и из-за негативного отношения большинства населения к нему. Например, в 1882-1886 гг коэффициент разводимости православно населения России составлял 0,016‰ (см Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР М, 1977, с 144) Однако фактически уровень распада семьи у живых супругов был значительно выше причиной служил уход одного из супругов, прежде всего мужчин, из дома на отхожий промысел

чин и 25,7 года для женщин. В 1975 г эти показатели составили 69,0 и 76,9 года¹ Согласно таблицам смертности населения Мадраса (Индия), рассчитанным для 1888—1891 гг., средняя продолжительность жизни мужчин составляла 24,4 года, а женщин—24,7 года. При таком режиме смертности до 30 лет доживало лишь 37% родившихся женщин, а до 25 лет—41%. Учитывая высокий уровень ранней брачности, это означало, что практически две трети женщин к 30 годам могли быть вдовами Коэффициент смертности детей в возрасте до одного года составлял для мальчиков 295‰, а для девочек—261‰²

По таблицам смертности, построенным по данным переписи населения России 1897 г. для 50 губерний Европейской России, до 15 лет доживало примерно 45% мужчин и 48% женщин³.

Все это говорит о высокой смертности населения в прошлом; по сути дела, она была наиболее вариабельным процессом (особенно учитывая частые эпидемии), и ее колебания под влиянием привходящих, в том числе экономических, факторов определяли режим естественного воспроизводства.

Семья в этот период выполняла самые различные функции—производственную, экономическую, воспроизводительную, социологическую⁴; она базировалась на собственном экономическом фундаменте, ее экономические основы и вытекающие из них бытовые традиции закреплялись религиозными установками.

Все эти обстоятельства во многом определяли традиционализм, даже консерватизм демографического поведения населения.

¹ Population, 1977, № 2, p 286

² Population, 1977, № 3, p 687.

³ Напомним также, что по данным таблиц смертности 1896—1897 гг., относящихся только к православному населению Европейской России, из числа женщин, доживших до 18 лет, до 30 лет доживало 90,8%, до 40 лет—82,0%, а до 45 лет—77,2%

⁴ Под производительной функцией семьи понимается производство основной части предметов потребления в домашнем хозяйстве, т е в полной мере это явление присуще натуральному хозяйству, под экономической—работы вне личного хозяйства в разных видах Под социологической функцией имеется в виду комплекс мер, направленных на социальное, общее и профессиональное обучение подрастающего поколения Отметим также, что существуют различные группировки функций семьи

Семьи в подавляющем большинстве считали единственно возможным — и это закреплялось веками установками большинства религий — лишь неограничиваемую рождаемость. При высокой смертности лишь такой тип рождаемости мог обеспечить хотя бы минимальные темпы экономического развития в условиях примитивной техники и низкого качества населения, поскольку экономика в основном росла экстенсивно. Иной путь был невозможен.

Отметим также, что низкий уровень гигиены, высокие физические нагрузки на женщин приводили к истощению организма и потере им детородной функции значительно раньше 50 лет. В сочетании с длительным периодом лактации и высокой детской смертностью все это приводило к тому, что семьи далеко не полностью использовали весь имеющийся потенциал рождений, а в живых оставалась небольшая часть детей. Поэтому уровень окончательной рождаемости вряд ли был на много выше, чем в наши дни.

Расходы на содержание и обучение детей, как общее, так и профессиональное, т. е. на их социализацию, в то время были минимальными, что обуславливало «экономическую рентабельность» существующего типа воспроизводства. Поэтому дети были обязательным элементом потребностей семей. Важно отметить, что многие века в значительной степени, если не в основном, обучение профессии, особенно в сельском хозяйстве, осуществлялось семьей, родителями. Они передавали наглядно, непосредственно в своем хозяйстве традиционный производственный опыт своим детям, которые были прямыми наследниками, восприимчивыми не только хозяйства, но и всего дела, образа жизни и бытовых традиций, т. е. во многом и личности, родителей.

Положение женщины в обществе и семье было весьма тяжелым, она практически не обладала юридическими имущественными правами, находилась в полном подчинении мужа. Более того, замужество было важнейшей формой материального обеспечения, даже условием выживания. Другой путь — монастырь, но он был возможен в Европе, да и в России, не для всех женщин, а чаще всего для состоятельных. Родительская же семья далеко не всегда могла содержать взрослых незамужних дочерей. Да и сама сельская, крестьянская семья во многом могла существовать лишь при наличии жен-

ских рук. Поэтому брак в прошлом во многом был хозяйственной сделкой¹.

Индивидуальные переселения на основе личного волеизъявления были ограничены многими регламентациями, поэтому интенсивность миграции была сравнительно невысока, особенно до начала периода капиталистического первоначального накопления. Наряду с этим существовали, особенно в период раннего средневековья, массовые перемещения населения, часто целых народов, в результате разного рода войн и походов.

В это время, как уже отмечалось, такие экономические явления, как голод, а следовательно, и эпидемии, воздействовали прямо и непосредственно на интенсивность смертности, в то время как остальные компоненты развития населения (рождаемость, брачность, демографические структуры и в конечном счете качество населения) были практически неизменны. В этом смысле проблемы временного лага между экономическими и демографическими явлениями не было, поскольку сам характер экономики был стабилен.

Возрастно-половая структура населения была на протяжении длительного периода времени практически стабильна, воздействия на нее голода и болезней носили в значительной мере равномерный (в смысле отсутствия диспропорций полов и даже структур) характер, а небольшие нарушения сглаживались при многолетнем постоянном режиме воспроизводства. Практически мало менялась, как уже отмечалось, образовательная и профессиональная структура населения.

Изменения условий жизни (неурожаи, голод) прямо и непосредственно влияли на численность населения всех возрастов, через изменение режима смертности, но, по сути дела, не влияли на интенсивность процессов рождаемости, точнее, на демографические идеалы населения.

Итак, на первом этапе развития населения влияние экономических факторов прямо, жестко сказывалось на уровне воспроизводства, прежде всего смертности, при практически стабильной рождаемости, миграции, неизменности функций и структуры семьи и стабильности

¹ См. *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР, с. 86—88

качества населения. Неизменность параметров воспроизводства населения обуславливалась неизменностью демографического поведения, а следовательно, и типа воспроизводства населения для длительного периода времени.

Следующий этап развития населения — начало быстрого снижения смертности при сохранении высокой рождаемости и на этой основе резкое увеличение темпов естественного прироста населения¹. Для Западной Европы это XIX в. (с различиями по странам), для СССР (опять-таки с существенными региональными различиями) — первая половина XX в. О причинах, характере, предпосылках этого явления уже писалось в нашей литературе. Мы остановимся на общей картине развития населения в этот период.

Наряду со сменой типа естественного воспроизводства произошли и другие изменения в характере развития населения, в частности качественные сдвиги. Известно, что этот период в Западной Европе протекал в условиях окончательного становления капитализма и начала перехода его в империалистическую стадию. В этих условиях стали меняться требования к социально-экономическим характеристикам населения.

Происходят существенные изменения ряда демографических структур, прежде всего становятся динамичными (а не статичными, как в прошлом) образовательная, профессиональная структура населения, возрастает интенсивность индивидуальной миграции населения. Что касается возрастно-половой структуры, то она остается стабильной, точнее говоря, квазистабильной². В целом на этом этапе произошел качественный скачок в развитии населения — стали быстрее меняться многие социально-экономические структуры населения, снизилась смертность.

Начинают меняться и функции семьи, отмирает ее производственная функция при устойчивости других —

¹ Существует гипотеза о том, что традиционному типу воспроизводства населения предшествовал специфический этап — так называемый архетип воспроизводства населения, пропорции которого во многом определялись природными силами (см.: Вишнеvский А. Г. Демографическая революция. М., 1976, с. 24—29).

² Подчеркиваем еще раз, что речь идет о генеральных тенденциях, а не об их специфических проявлениях в той или иной стране или ее части.

экономической и воспроизводительной, а следовательно, идет распад сложных семей. Все большую роль приобретает необходимость производственного обучения вне семьи, т. е. меняется ее социальная функция. Все это начинает постепенно деформировать сложную семью, она все более дробится.

Влияние экономических факторов на этой стадии начинает (но только начинает) терять свою жесткость, непосредственность, поскольку, несмотря на то что снижение смертности под влиянием ряда факторов идет достаточно быстро, эволюция демографических структур под воздействием требований экономики происходит медленно, хотя и растущими темпами.

Именно на этом этапе развития населения начинает заметно проявляться двуединый характер экономико-демографических связей — влияние экономики на население и влияние развития населения на экономику, т. е. речь идет уже о качественном влиянии. Как известно, на первом этапе развития населения обратное влияние населения на развитие экономики носило в основном лишь количественный характер: больше рабочих рук — больше (при прочих равных условиях) производится продукции при неизменном техническом уровне. На новом этапе резко увеличивается влияние возрастной структуры на экономику: в результате снижения смертности растет численность населения трудоспособного возраста, а следовательно, и объема производимой продукции. Качество населения начинает играть все возрастающую роль. Отметим также, что в этот период научные открытия давали быстрый и заметный эффект в снижении смертности от инфекционных заболеваний. Однако «скорость» внедрения этих открытий в широкую лечебную практику во многом определялась социальными факторами. Так, если в Западной Европе многие инфекции были практически ликвидированы еще в XIV в., в колониальных странах они наблюдались и в первой половине XX в.

Следующий, третий этап развития населения согласно «классическому» варианту теории демографической революции — начало быстрого снижения рождаемости при продолжающемся медленном снижении смертности. Само по себе начало снижения рождаемости — это новый качественный скачок в развитии населения, но он был предопределен изменениями социально-экономичес-

ких требований общества к населению. На этом этапе начинаются и существенные изменения в характере возрастно-половой структуры населения — сам факт снижения рождаемости создает предпосылки для ее конъюнктурных колебаний, что приводит к потере стабильного характера возрастно-половой структуры населения¹.

В функциях семьи практически полностью исчезает производственная, ослабляется социологическая, остаются экономическая и воспроизводительная. Однако в условиях господства частной собственности в XIX в. экономическая зависимость жены от мужа остается сильной, что часто закрепляется законодательно. Постепенно под влиянием научно-технического прогресса растет роль внесемейных форм обучения и воспитания, интенсивность как внутренней, так и внешней миграции.

В этих условиях начинает значительно усложняться характер взаимосвязи экономических и демографических процессов. В принципе, определенным качественным сдвигам в интенсивности демографических процессов должны предшествовать существенные экономические сдвиги. Но и после того как они произойдут, должно пройти определенное время, в течение которого население осознает их влияние на уровень жизни и формы семьи и на этой основе выработает новые эталоны демографического поведения. В ряде случаев эти изменения встречают сопротивление устаревших законодательных норм и традиций, вроде запрета развода по желанию супругов, практически повсеместно существовавшего в течение всего XIX в.

Поскольку основные экзогенные резервы снижения смертности, использование которых дает быстрый и непосредственный эффект, на этом этапе во многом были исчерпаны, то жесткий (прямой) характер связи между жизненным уровнем и успехами науки и общественного здравоохранения² утрачивается, поскольку проходит значительное время между открытиями медицины и внедрением этих открытий в широкую практику. Каждый

¹ Отметим еще раз, что для упрощения наших рассуждений мы не учитываем влияние войн на демографические процессы, которые в этот период еще более дестабилизировали возрастную структуру.

² Термин «общественное здравоохранение» используется здесь в смысле массового медицинского обслуживания. Степень доступности медицинской помощи (социальное по характеру явление) вносит свои коррективы в эти процессы.

новый шаг в увеличении продолжительности жизни требует больших средств. Иначе говоря, и в динамике процессов смертности появляется временной лаг между экономическими и демографическими явлениями¹.

На этом этапе развития серьезные изменения претерпели и процессы брачности, особенно устойчивость браков. Если в прошлом основной причиной прекращения брака была смерть одного из супругов, то сейчас развод постепенно становится главной причиной прекращения брака, особенно в детородном возрасте.

Изменение социального и имущественного положения женщины, приобретение ими независимого источника средств существования, малодетность семьи — все это создало экономические предпосылки для использования женщинами права на развод, поскольку теперь самостоятельное существование вне рамок семьи не ставит их, как в прошлом, в очень тяжелые экономические условия. Изменение экономических условий способствовало эволюции общественного мнения по поводу развода, который во многих развитых странах теперь считается рядовым, во всяком случае не осуждаемым общественным мнением, событием. Эволюционировало постепенно и законодательство в этой области в сторону упрощения процедуры развода, хотя до сих пор имеются существенные различия. Известно, что в некоторых развитых странах (например, Италии) свобода развода, да и то с существенными ограничениями, была введена лишь в последние годы, после острой политической борьбы².

В этом отношении наиболее демократичен развод в социалистических странах, где наряду с существованием реального права на развод супругов закон особо охраняет права матери и ребенка.

Особый характер приобретает, как уже отмечалось, в этот период связь экономических процессов и изменений демографических явлений, особенно рождаемости. Снижение ее интенсивности начинается не непосред-

¹ По оценкам американских экономистов предполагаемая программа повышения продолжительности жизни населения США с 71,0 до 72,4 года с 1971 по 1981 г, т. е. на 1,4 года за 10 лет, может обойтись в 66 млрд дол по курсу 1971 г (См. США Экономика, политика идеология, 1978, № 1, с. 31).

² См. об этом *Фести П., Приу Ф.* Разводы в Европе после 1950 г. — В кн. *Развод. Демографический аспект* М. 1979.

венно вслед за социально-экономическими преобразованиями, а после изменения характера репродуктивного поведения населения, т. е. сначала меняются экономические условия, затем — репродуктивное поведение, потом — интенсивность рождаемости. Длительность этих периодов может быть разной и зависит во многом от темпов и характера развития экономики, темпов и сути социально-экономических преобразований в той или иной стране, подвижности законодательных норм, динамичности общественного сознания. Но главное заключается в разрыве «прямых связей» экономики и рождаемости, появлении работающих «передаточных механизмов», а значит, и временного лага между этими явлениями. И раньше, на других этапах развития населения, существовали стандарты репродуктивного поведения, но они, как и экономические условия, были стабильными, неизменными. На третьем этапе развития населения все пришло в движение, все более нарушается и неизменное в прошлом соотношение в темпах развития экономики и рождаемости.

В динамике этого этапа могут быть разные варианты. Если, например, экономическая эволюция идет постепенно, без существенных скачков, особенно общественного плана, то и характер демографического поведения меняется сравнительно медленно, как было, например, в Англии и Швеции. В тех же странах, где бытовые и религиозные традиции, часто искусственно консервируемые, способствовали сохранению высокой рождаемости, но темпы экономического развития и его характер были таковы, что делали неизбежным ее снижение, эти процессы, часто ускоряясь различными радикальными событиями, в том числе революционными преобразованиями, и протекали очень быстро, лавинообразно. Один из примеров того — Япония, где после окончания второй мировой войны в очень короткие сроки произошло снижение рождаемости, хотя экономические предпосылки для этого были созданы еще до войны¹, а признаки ограничения рождаемости у части населения проявлялись задолго до этого — даже в XVIII и XIX вв.

¹ См. об этом *Кваша А. Я.* Экономическое развитие стран Азии и Африки и политика ограничения рождаемости — Народы Азии и Африки, 1968, № 4, *Козлов В. И.* Динамика численности народов М., 1969,

В очень короткие исторические сроки произошло снижение рождаемости у широких масс населения Франции после Великой французской революции, т. е. в начале XIX в. Быстрое снижение рождаемости наблюдалось и в европейской части СССР в результате тех больших социальных сдвигов и потрясений, которые произошли в стране за годы революционной перестройки старого общества. Если еще в 1923—1930 гг. в СССР (в современных границах) общий коэффициент рождаемости был более 40‰, то в 1940 г. — уже 31‰¹

Более того, видимо, во всех случаях, когда существует длительный разрыв между «накопившимися» экономическими факторами, обуславливающими необходимость перехода к низкой рождаемости, и «застойным» репродуктивным поведением, быстрое, лавинообразное (в историческом понимании, конечно) снижение рождаемости весьма вероятно.

Итак, качественно новым элементом является на этом этапе временной лаг в системе «экономика — население». Конечно, репродуктивное поведение было всегда, но лишь на этой фазе появляется существенная асинхронность в изменении всех этих трех компонентов: экономики, репродуктивного поведения, рождаемости.

Сложность взаимосвязи экономических и демографических процессов на этом этапе состоит в том, что наряду с эволюцией интенсивности рождений некоторые экономические явления (например, кризисные явления в капиталистической экономике и прежде всего рост безработицы) обуславливают эпизодические колебания процессов брачности, а также графика рождений, а значит, и годовых чисел рождений, сразу же после изменения экономических условий при стремлении (в тенденции) населения реализовать сложившиеся идеалы репродуктивного поведения. Такая «квазижесткость» влияния экономических факторов часто осложняет анализ механизма взаимосвязей экономических и демографических явлений.

На этом этапе существенно увеличивается и влияние демографических процессов на экономические явления. Оно проявляется и через диспропорции реальных и же-

¹ См. Урланис Б. Ц. Динамика рождаемости в СССР за годы Советской власти — В кн. Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР, с 11—12

лательных для экономики демографических структур, и через колебания чисел рождений, а значит, в перспективе и численности населения трудоспособного возраста (эти колебания имеют волнообразный характер и тем существеннее влияют на ряд экономических явлений)

Изменение структур населения, в том числе массовый рост его образовательного уровня, обусловленный требованиями экономики, влияет на интенсивность рождаемости неодинаково ввиду дифференциации репродуктивных установок различных социальных групп населения, имеющих не только разный образовательный уровень, но и разную систему жизненных ценностей.

Для третьего этапа характерен также быстрый рост занятости женщин, что ведет к появлению определенных противоречий между экономической и социальной, с одной стороны, и воспроизводительной (точнее, воспитательно-воспроизводительной) — с другой, функциями семьи. Последнее уточнение достаточно важно, ибо в прошлом воспитание ребенка в условиях мало меняющейся (особенно в сельском хозяйстве) технологии производства и его низкого технического уровня не требовало большой специальной подготовки, родители могли быстро передавать молодежи традиционные производственные навыки, которые так же быстро усваивались на практике. Это обучение не требовало больших затрат времени родителей, а обучение «на стороне» в селе было исключением. В условиях же высоких темпов экономического развития, роста технического уровня производства, появления ряда новых специальностей семья уже не могла выполнять полностью роль ячейки производственного, а часто и общего обучения.

Для третьего этапа вследствие начала снижения рождаемости характерно и начало постарения населения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Следующий, четвертый, этап развития населения характерен сейчас для многих развитых в экономическом отношении стран. В разных общественных формациях он проявляется специфически, причем эти различия часто затушевываются формальной схожестью статистических характеристик демографических явлений.

Для четвертого этапа характерны всеобщая низкая рождаемость и смертность, высокая интенсивность индивидуальной миграции населения, быстрые изменения демографических структур (особенно социально-экономи-

ческих) под влиянием научно-технической революции, однако эти изменения все же отстают от еще более быстро растущих требований экономики.

Возрастно-половая структура населения под влиянием изменений рождаемости и колебаний годовых чисел рождений, а также под влиянием ряда экстремальных событий (кризисов, войн) имеет большие диспропорции, что вызывает появление «демографических волн», существенно влияющих на перспективную численность населения трудоспособного возраста, а значит, и на многие экономические процессы

Семья становится по преимуществу малодетной (до троих детей) при низкой общей и детской смертности. Растущая стоимость воспитания детей (как прямая, так и косвенная в виде роста затрат времени членов семьи) делает семью все менее экономически заинтересованной в воспитании и содержании большого числа детей, поскольку их непосредственно ощущаемая «экономическая отдача» все более снижается. Функции воспитания и обучения в той или иной форме берет на себя общество, особенно социалистическое, которое со временем становится экономически более заинтересованным, чем семья, в рождении определенного числа детей. Отсюда появляется необходимость государственной активной демографической политики.

Экономическая и даже воспитательная, социологическая, функции семьи все более противостоят ее воспроизводительной функции. Рост образовательного и профессионального уровня женщин, малое число детей в семье ведут к тому, что необходимость объединения «экономических усилий» супругов для содержания детей, да еще в условиях большой помощи государства, прежде всего социалистического, все более исчезает. Иначе говоря, измененные функции семьи все более перестают быть ее «экономическим обручем». Словом, и экономическая, и воспроизводительная, и социологическая функции семьи также претерпевают существенные изменения. В этих условиях, как уже отмечалось, неизмеримо возрастает роль активной и многосторонней помощи государства семье.

На четвертом этапе развития еще более возрастает интенсивность индивидуальных (включая семейные) миграций, складываются и новые формы расселения населения.

В современных условиях произошло серьезное изменение и механизма связей экономических и демографических явлений. Отметим два обстоятельства, важных с точки зрения сознательно ограничиваемой и низкой рождаемости. Рост уровня жизни не ведет к таким существенным по размерам колебаниям рождаемости и смертности, а значит, и естественного прироста населения, как в прошлом; эти колебания весьма незначительны по своему диапазону.

Так, в период высокой рождаемости и высокой смертности большие изменения (рост) последней привели к существенному снижению темпов прироста населения. Как уже отмечалось, экономические факторы тогда прямо и существенно влияли на демографические события. Конечно, механизм этого влияния имел свою специфику, но нам важно, что изменение экономических условий (уровня жизни) сразу же сказывалось на демографических процессах, особенно на смертности.

И на других этапах развития населения изменения в экономике, уровне жизни, социальный прогресс приводили достаточно быстро к существенным изменениям в величине демографических явлений — к существенному снижению смертности, а потом — и рождаемости.

Но особенность как современного, так и будущего этапа развития населения состоит в том, что как бы ни менялся жизненный уровень семьи, возврат к многодетной семье, даже среднететной, невозможен. Все колебания рождаемости будут идти в пределах большей частью малодетной семьи, т. е. связь экономических и демографических явлений не только теряет свою жесткость, но и формально (только формально) с количественной точки зрения проявляется не так заметно. В этих условиях особое значение приобретает, с одной стороны, оценка качественных изменений в населении, а с другой — выработка детальных измерителей демографических явлений.

Дело в том, что существуют попытки, особенно в литературе по расселению, выявить разного рода зависимости между различными функциями городов того или иного типа и уровнем рождаемости в них. При этом чаще всего те или иные экономические характеристики городов рассматриваются в сочетании с разного рода группировками коэффициентов рождаемости по этим ти-

пам поселений. Однако, если речь идет о городах разного функционального типа, но относящихся к одному и тому же типу воспроизводства, присущему соответствующему этапу развития населения, такие различия могут быть следствием структурных факторов, прежде всего особенностей возрастной структуры, колебаний графика рождений, но не различий в интенсивности рождений. Во всяком случае, для того чтобы доказать наличие расхождений качественного характера в рождаемости в городах разного типа, необходимо применять более детальные характеристики, прежде всего когортные, а их как раз очень мало, причем не только ввиду недостатка фактической информации, но и из-за трудностей сбора таких сведений для регионов с большой интенсивностью миграции.

В то же время между изменением экономических и демографических явлений в современных условиях существует определенный разрыв во времени, так сказать, дисгармония развития. Может случиться так, что сложившиеся экономические условия соответствуют одному типу воспроизводства населения, а в реальности существует другой, отвечающий прошлым условиям. Это явление оказывает существенное влияние на темпы изменений демографических явлений и особенно на их последствия.

Но демографические процессы, как известно, оказывают существенное влияние на экономические события, поэтому учет последствий изменений темпов и пропорций воспроизводства населения в долгосрочном планировании имеет большое значение. Это особо важно еще и потому, что демографические процессы обладают большой инерционностью и для их изменения в желательную для общества сторону (если это необходимо) требуется время, измеряемое часто длиной нескольких поколений.

В этом плане воспроизводство населения социалистических стран обладает рядом *качественных* преимуществ по сравнению с воспроизводством населения капиталистических стран. Эти преимущества проявляются в неявной форме, поскольку они часто маскируются, как уже отмечалось, количественным сходством характеристик воспроизводства населения, особенно при их статическом, т. е. моментном, сопоставлении.

Ряд преимуществ социалистического типа производства населения можно выявить при сопоставлении процессов развития населения в динамике. Они проявляются прежде всего в более быстром (в историческом плане) и менее «болезненном» переходе к новому типу производства — на основе низкой рождаемости и низкой смертности. В капиталистических странах переход к низкой рождаемости происходил в условиях разорения и распада больших семей, сопровождавшихся рядом бедствий для трудящихся масс, особенно для сельского населения, вынужденного в поисках работы переселяться в города, где оно жило в антисанитарных условиях и нищете при отсутствии квалифицированной медицинской помощи и при значительной безработице.

В СССР этот переход, несмотря на все трудности первых послереволюционных лет, происходил менее болезненно, поскольку государство оказывало населению повседневную помощь в различных возможных в то время формах, прежде всего через систему бесплатного медицинского обслуживания, государственные меры по охране материнства и младенчества и др. Именно эта система, созданная в государственном масштабе впервые в СССР и эффективно функционировавшая еще в довоенный период, позволила безболезненно перейти от высокой к низкой рождаемости. Выделим в этом плане особую роль сети детских учреждений. Наша страна первой в мире начала активно развивать эту сеть; СССР также стал одним из первых государств, в котором еще в 1936 г. были введены ежегодные систематические выплаты денежных пособий на детей. Если бы не эти меры, снижение рождаемости в условиях ускоренных изменений экономики и социальной структуры предвоенных лет происходило бы более интенсивно в ряде районов страны и имело бы некоторые негативные последствия, особенно в послевоенные годы.

Важные преимущества социалистического общества проявились в том, что наша страна, несмотря на все трудности, связанные с необходимостью быстрого развития экономики, на основе организации общедоступной и бесплатной медицинской помощи, благодаря усиленному вниманию к охране здоровья населения в исторически кратчайшие сроки смогла резко снизить детскую смертность, ликвидировать ряд инфекционных болез-

ней¹. Только в условиях планового социалистического хозяйства можно было так быстро ликвидировать последствия войны.

Необходимо также отметить, что в социалистическом обществе не только выше темпы снижения смертности, но, что очень важно, это снижение происходит практически равномерно во всех социальных группах населения, в то время как в капиталистическом оно начиналось в высших слоях и только потом распространилось в разной мере на средние и низшие.

В нашем государстве на основе указаний В. И. Ленина, изложенных в статье «Рабочий класс и неомальтузианство» (1913 г.)², за семьями сохраняется право принятия решения о том, иметь или не иметь детей. Это обеспечивается реальными возможностями супругов ограничивать при желании рождаемость разными методами, в том числе путем аборта в больничных условиях. Право на развод в СССР одинаково для мужчин и женщин, закон особо оберегает имущественные и иные права матери и ребенка — и в этом также преимущество социалистического типа воспроизводства.

Важно и то, что брачность в нашей стране не подвержена сильным колебаниям в зависимости от экономической конъюнктуры, как в экономически развитых капиталистических странах, где на нее огромное влияние оказывает прежде всего рост безработицы.

Важным преимуществом социалистического типа воспроизводства является большая динамичность таких структур населения, как образовательная, профессиональная и т. д. Это позволяет с учетом перспектив долгосрочного развития приводить в соответствие качественный состав населения с требованиями научно-технической революции³.

Наконец, главным преимуществом СССР является создание новой, без эксплуататорских классов, соци-

¹ Р. И. Сифман убедительно показала, что даже в годы Великой Отечественной войны благодаря заботе государства и использованию новых для того времени лекарств детская смертность снизилась очень сильно. (См.: Сифман Р. И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны. — В кн.: Продолжительность жизни: анализ и моделирование. М., 1979, с. 60).

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 255—257.

³ О динамике образовательного уровня населения СССР см.: Самойлова Е. С. Население и образование. М., 1978.

альной структуры населения. Как известно, эксплуататорские классы были ликвидированы в нашей стране в начале 30-х годов, что позволило создать социально однородную структуру населения. Это оказывает существенное влияние на развитие населения, создает благоприятные предпосылки для успешного управления им

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Население СССР на 1 января 1980 г. составляло 264,5 млн. человек. Темпы роста населения нашей страны менялись, причем особенно существенно варьировали темпы изменения численности городского и сельского населения.

Т а б л и ц а 1

Среднегодовые темпы изменения численности населения, %

Годы	Все население	в том числе	
		городское	сельское
1897—1913	1,6	2,8	1,3
1922—1926	2,4	4,6	1,4
1929—1937	0,8	6,3	-0,7
1950—1959	1,8	4,1	-0,1
1960—1969	1,3	2,8	-0,3
1970—1979	0,9	2,0	-0,7

Источники: Население СССР. 1973. М., 1975, с. 7; Народное хозяйство СССР в 1978 г. М., 1979, с. 7; СССР в цифрах в 1979 году. М., 1980, с. 7.

Среднегодовые темпы прироста населения как характеристика его воспроизводства обобщают влияние самых разнообразных явлений — и последствий войны, и колебаний демографических показателей под влиянием структурных факторов, и изменений интенсивности процессов воспроизводства населения. Вместе с тем темпы прироста свидетельствуют о ряде сдвигов в характере процессов воспроизводства населения отдельных частей страны. Обращают на себя внимание очень низ-

Если городское население растет систематически, хотя и меняющимся темпами, то численность сельского населения уже с 30-х годов начинает абсолютно уменьшаться, причем темпы уменьшения не только не снижаются, а с 50-х годов даже увеличиваются.

Наблюдаются существенные различия в среднегодовых темпах прироста населения отдельных союзных республик, по сути, представляющих разные типы воспроизводства населения.

Среднегодовые темпы прироста населения
некоторых союзных республик, %

	1897— 1913	1920— 1926	1939— 1940	1951— 1958	1959— 1969	1970— 1979
<i>РСФСР</i>						
Все население	1,9	0,8	1,6	1,7	0,9	0,6
Городское население	2,9	4,6	4,5	3,6	2,5	1,8
Сельское население	1,6	0,2	0,1	-0,2	-1,2	-1,5
<i>Узбекская ССР</i>						
Все население	0,6	0,6	3,2	2,9	3,5	3,0
Городское население	2,3	3,8	9,2	4,1	4,3	4,4
Сельское население	0,2	-0,2	1,4	2,3	3,0	2,1
<i>Армянская ССР</i>						
Все население	1,4	3,4	3,0	3,3	3,2	2,2
Городское население	0,4	5,4	2,4	4,9	4,9	3,4
Сельское население	1,6	3,0	3,2	1,8	1,2	1,1

Источники: Население СССР. 1973, с. 10—12; Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 10—11.

кие темпы прироста населения в узбекском селе до революции, что было вызвано чрезвычайно высокой его смертностью. Сокращение численности этой группы населения в 1920—1926 гг. было, видимо, связано с последствиями практически продолжавшихся здесь военных действий — борьбы с басмачами, что еще более обострило ситуацию со смертностью в этих районах страны. Лишь после ее снижения в последующие годы при сохранении высокого уровня рождаемости темпы прироста населения выросли весьма существенно.

В РСФСР уже практически с конца XIX в. намечалось снижение темпов прироста сельского населения, а вскоре после окончания Великой Отечественной войны началось его абсолютное сокращение. Темпы прироста сельского населения в Армении также выросли после революции¹ и продолжали расти вплоть до войны, а потом стали быстро снижаться. В то же время во всех

¹ Все это говорит о положительном влиянии социальных сдвигов на демографические процессы, особенно в ранее отсталых районах.

рассматриваемых республиках темпы прироста городского населения были высокими.

Различия в темпах роста населения по регионам страны объясняются, как известно, изменением интенсивности процессов рождаемости, миграцией, а также и спецификой воздействия возрастной структуры населения.

Известно, что возрастная структура населения оказывает существенное влияние на число демографических событий: чем больше в населении лиц старших возрастов, тем даже при одинаковой интенсивности больше число смертей. Именно различиями в возрастной структуре населения объясняется, например, тот факт, что общий коэффициент смертности (среднее число смертей на 1000 населения) составлял в 1978 г. в Эстонской ССР 12,2‰, в Армянской — 5,5‰¹. Напомним в этой связи, что по данным переписи населения 1970 г. в Эстонской ССР мужчин в возрасте 60 лет и старше во всем населении республики было 12,0%, а женщин в этой возрастной группе — 20,8%. Аналогичные показатели для Армянской ССР составляли 6,9 и 9,6%, т. е. почти в два раза меньше, чем в Эстонии².

История развития населения нашей страны складывалась так, что числа родившихся за отдельные годы часто существенно различались. Так, если в 1955 г. в СССР родилось 5048 тыс. детей, то в 1969 г. — 4087 тыс., а в 1978—4763 тыс.³

Именно эти колебания чисел рождений порождают в дальнейшем колебания численности молодежи детородного возраста, а значит, и новые волны чисел рождений. Например, в начале 90-х годов можно ожидать некоторого роста числа рождений вследствие вступления в активный детородный возраст молодежи, родившейся в период повышения рождаемости 70-х годов. Этот рост будет меньше, чем в 70-х годах, но возможность такого явления надо иметь в виду. Поэтому учет специфики влияния возрастной структуры является важным компонентом анализа демографической ситуации.

Одним из методов, позволяющих в обобщающем виде показать дифференциацию возрастной структуры насе-

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 27.

² См.: Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978, с. 256.

³ См.: Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 25.

ления и степень ее влияния на рост населения, является исчисление так называемого потенциала демографического роста населения¹. В самом общем виде он показывает, насколько при стабилизации интенсивности процессов рождаемости и смертности только за счет возрастной структуры может измениться общая численность населения, точнее говоря, женского населения. Так, величина этого показателя для СССР в 1959 г. составляла 1,35, а в 1970 г. — 1,28. Это означает, что только за счет специфики возрастного состава населения численность женщин в СССР в будущем могла бы вырасти на 28% по сравнению с 1970 г.²

**Брутто-потенциал демографического роста населения
союзных республик в 1970 г.:**

РСФСР	1,22		Молдавская ССР	1,42
Украинская ССР	1,14		Латвийская ССР	1,04
Белорусская ССР	1,26		Киргизская ССР	1,65
Узбекская ССР	1,75		Таджикская ССР	1,80
Казахская ССР	1,58		Армянская ССР	1,64
Грузинская ССР	1,34		Туркменская ССР	1,77
Азербайджанская ССР	1,71		Эстонская ССР	1,06
Литовская ССР	1,23			

Как видно из приведенных данных, республики с высокой рождаемостью, прежде всего Среднеазиатские, обладают большим «резервом» роста за счет возрастной структуры населения. В то же время такие республики, как Эстония и Латвия, где многие годы назад началось снижение рождаемости, обладают очень низким потенциалом роста.

После этих необходимых замечаний перейдем к более детальной характеристике современного состояния демографических процессов в нашей стране и начнем его с тенденций процессов рождаемости, которые за последние десятилетия претерпели существенные изменения. Рассмотрим динамику этих процессов в целом по стране

¹ Подробнее об этом см. в кн.: *Пирожков С. И. Демографические процессы и возрастная структура населения. М., 1975.*

² Расчет демографического потенциала проводится по упрощенной методике, описанной в ст.: *The concept of a population stabl.—Population Studies, 1968, № 39, p 130—131.*

с помощью так называемого брутто-коэффициента воспроизводства населения, показывающего, сколько в среднем рождается девочек в том или ином году на одну женщину в возрасте 15—49 лет.

Таблица 3

Динамика брутто-коэффициентов воспроизводства населения СССР

	1938— 1939	1958— 1959	195— 1965	1969— 1970	1972— 1973	1974— 1975	1977— 1978
Все население	2,16	1,38	1,20	1,17	1,18	1,18	1,12
Городское население	. . .	1,18	0,94	0,95	0,97	0,95	0,92
Сельское население	. . .	1,70	1,60	1,55	1,66	1,71	1,64

Источники: Население СССР, 1973, Вестник статистики, 1973, № 12, с. 75; 1976, № 11, с. 86; 1978, № 11, с. 81; 1979, № 11, с. 82.

Динамика брутто-коэффициента показывает достаточно явно резкое снижение рождаемости по сравнению с довоенным периодом и даже с 1958—1959 гг., причем этот процесс достаточно активно идет как в городах, так и в сельской местности.

Обращает на себя внимание, что практически с середины 60-х годов в городском населении численность поколений дочерей меньше, чем численность их матерей. Так, уже в 1965—1966 гг. брутто-коэффициент городского населения составлял 0,94, а это означает, что в этот период на 100 женщин условного поколения в возрасте от 15 до 49 лет родилось лишь 94 дочери. Некоторый рост числа рождений в 70-х годах, как уже отмечалось, вызван во многом увеличением численности женщин молодых детородных возрастов, т. е. влиянием структурных факторов. Темпы снижения рождаемости, если судить по брутто-коэффициенту, несколько выросли в последние годы. Так, если этот показатель для страны в целом составлял в середине 70-х годов около 1,18, то в 1977—1978 гг. он снизился до 1,12, а следовательно, нетто-коэффициент был близок к единице.

Оценить реальное значение современных показателей рождаемости можно, сопоставив их фактические величини-

ны с реально возможным максимумом¹. В этих целях сравним максимально возможную и реально достигнутую величину брутто-коэффициента воспроизводства. Существуют разные оценки предельного значения этого показателя — от 5,0 при наиболее благоприятных для рождаемости условиях (таков, например, максимум рождаемости по оценке одного из французских демографов) до 3,64 в условиях Украины в 1896—1897 гг.² Высокие уровни этого показателя наблюдались в ряде развивающихся стран в 50—60-х годах нашего столетия. Так, в Египте в 1960 г. он составил 2,98; в Кувейте — 3,34; в Тунисе в 1965 г. — 3,39; в Гвинее в 1954—1955 гг. — 3,38. По оценке американского демографа Ф. Лоримера такой максимум составляет 3,61. Если же из наиболее высоких по величине повозрастных показателей рождаемости сконструировать, что само по себе достаточно условно, гипотетическую модель максимума рождаемости, то брутто-коэффициент составит в этом случае 4,28.

Если сравнить этот гипотетический максимум с реальными (в прошлом и настоящем) величинами этого показателя, то по территориям Европейской России в 1896—1897 гг. он использовался на 79,9%, в 1958—1959 гг. в СССР — на 32,2%, а в 1977—1978 гг. в целом по стране — на 26,2% (в том числе среди городского населения лишь на 21,4%, а сельского — на 38,4%).

Брутто-коэффициент воспроизводства по союзным республикам в 1977—1978 гг. колебался от 67,8% гипотетического максимума в Таджикской ССР до 21,3% в Латвии.

Если же взять за стандарт возрастную структуру женского населения РСФСР в детородном возрасте по данным переписи 1970 г., то при показателях повозрастной рождаемости Европейской России в 1896—1897 гг. в республике должно было за год родиться примерно 6,9 млн. детей, а при показателях 1969—1970 гг. и той

¹ Такой подход используется в демографии в последние годы достаточно широко. Так, видный американский демограф Э. Коул (A. Coale) разработал систему индексов (см.: Коул Э. Снижение рождаемости в Европе со времен французской революции до второй мировой войны — В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979), показывающих степень реализации максимума рождаемости, за базу которой взята рождаемость секты гуттеритов, отличающихся высоким ее уровнем.

² См.: Вишневский А. Г. Демографическая революция, с. 128—129.

же возрастной структуре — 1,9 млн. детей. Таким образом, этот вариант максимального уровня интенсивности деторождения реализовался за счет снижения повозрастных показателей рождаемости всего на 27,5%. При той же технике расчета, но взяв за стандарт возрастную структуру женщин РСФСР в детородном возрасте по данным переписи 1959 г., а повозрастные коэффициенты рождаемости 1958—1959 и 1896—1897 гг., мы получим соответствующие числа рождений в 2,8 и 7,3 млн, т. е. в 1958—1959 гг. этот потенциал рождений использовался на 38,3%.

Однако анализ тенденций рождаемости в целом по стране — лишь первый этап такого рода исследований, поскольку, как уже отмечалось, режим рождаемости населения ряда союзных республик резко различается, что можно показать также с помощью брутто-коэффициентов воспроизводства населения по союзным республикам¹.

Э 1'

Таблица 4

Динамика брутто-коэффициентов воспроизводства населения по союзным республикам

	1958— 1959	1969— 1970	1972— 1973
РСФСР	1,27	0,97	0,98
Украинская ССР	1,14	1,00	1,02
Белорусская ССР	1,36	1,13	1,11
Узбекская ССР	2,45	2,76	2,75
Казахская ССР	2,16	1,62	1,61
Грузинская ССР	1,25	1,28	1,25
Азербайджанская ССР	2,43	2,27	2,00
Литовская ССР	1,27	1,15	1,30
Молдавская ССР	1,73	1,26	1,27
Латвийская ССР	1,08	0,94	0,90
Киргизская ССР	2,09	2,37	2,37
Таджикская ССР	1,92	2,89	2,94
Армянская ССР	2,29	1,57	1,49
Туркменская ССР	2,48	2,90	2,28
Эстонская ССР	0,94	1,05	1,04

Источники: Население СССР. 1973, с. 137—138.

¹ Этот показатель является при имеющейся информационной базе одной из достаточно точных обобщающих характеристик рождаемости условного поколения, он в определенной мере свободен от прямого влияния диспропорций возрастной структуры населения.

Данные табл. 4. подтверждают существование в стране нескольких типов рождаемости. Для основной части населения страны (примерно 80%), куда входит почти все население РСФСР (за исключением населения Дагестана и Тувы), население Украины, Прибалтийских республик, Белоруссии и Грузии, характерна массовая ориентация на малодетную (одно двухдетную, реже трехдетную) семью.

Величина брутто-коэффициента практически не уменьшается в последнее десятилетие лишь в Таджикской ССР. Очень низкая величина этого показателя в 1958—1959 гг. (1,92) связана скорее всего с недостаточной полнотой учета числа рождений, поскольку уже в 1965—1966 гг. во всех возрастах, кроме 15—19 лет, повозрастные коэффициенты рождаемости выросли по сравнению с 1958—1959 гг. в 1,5 раза.

Быстрыми темпами снижается брутто-коэффициент воспроизводства в Азербайджане: менее чем за 20 лет он снизился почти на одну треть. Уже более 10 лет этот показатель меньше единицы в РСФСР и Латвии, а в последние годы и на Украине, т. е. у 72,3% населения СССР на 17.I 1979 г. В то же время этот показатель в Эстонии растет и стал несколько выше, чем в Латвии, причем различия в по возрастных показателях существуют не только в интервале от 15 до 24 лет, где чаще всего рождаются первые дети, но и в других возрастных группах.

Важно подчеркнуть, что динамика брутто-коэффициентов показывает уровень рождаемости условного поколения для какого-то конкретного периода, т. е. по его величине в тот или иной период нельзя судить об итогах репродуктивного поведения населения в целом. По сути дела, это моментный показатель, и для характеристики режима рождаемости его надо дополнить другими измерителями¹, например анализом по возрастных характеристик этого процесса или показателями по методу реального поколения.

Анализируя динамику по возрастных коэффициентов рождаемости, необходимо выявить, в каких же возра-

¹ Другое дело, что по возрастных коэффициенты рождаемости, на базе которых рассчитывается брутто-коэффициент, можно при наличии достаточной информации пересчитать в показатели реального поколения (см.: Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974, с. 94—105).

стных группах в первую очередь произошло снижение этих характеристик. Рассчитаем по некоторым республикам с разными типами рождаемости изменение повозрастных коэффициентов с 1958—1959 по 1977—1978 гг.

Т а б л и ц а 5

**Повозрастные коэффициенты рождаемости 1977—1978 гг.
в процентах к 1958—1959 гг.**

	Возрастные группы, лет						
	до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
РСФСР	130,3	98,9	68,1	58,1	37,4	33,7	53,3
Азербайджанская ССР	42,6	98,5	84,5	70,7	51,6	50,3	15,9
Армянская ССР	110,6	107,1	55,8	35,9	19,2	17,6	9,8
Туркменская ССР	51,6	118,8	102,2	111,3	95,1	106,3	58,8
Латвийская ССР	186,3	127,2	89,8	73,8	58,1	47,2	23,1
Эстонская ССР	185,1	134,8	101,9	83,5	58,7	47,5	33,3

Источники: Население СССР. 1973, с. 137—138; Вестник статистики, 1979, № 11, с. 66. Из республик Средней Азии Туркменская ССР взята потому, что по сравнению с крупнейшей республикой этого региона — Узбекской ССР в ней более однороден этнический состав. Так, в 1970 г. в Узбекской ССР коренные национальности Средней Азии составляли 73,0%, а в Таджикской ССР — 81%.

В тех союзных республиках, где раньше началось снижение рождаемости и к концу 60-х годов она находилась на более низком уровне, наблюдается рост повозрастных коэффициентов в младших группах — до 24 лет, что связано, как будет показано далее, со снижением возраста вступления в первый брак и с увеличением доли первых рождений в общем их числе. Так, если в 1966 г. из вступивших в первый брак в возрасте до 20 лет находилось 25,6% невест, то в 1978 г. — 33,2%¹. Вместе с тем очень сильно снизились показатели рождаемости в возрасте 35 лет и старше. В Эстонии в интервале 25—29 лет коэффициент рождаемости тоже вырос, что отличает ее от Латвии. В этом интервале чаще всего рождаются вторые или третьи дети либо первые дети в повторных браках. Некоторое увеличение рождаемости в Эстонии в последние годы нуждается (если этот про-

¹ Вестник статистики, 1979, № 11, с. 66; 1967, № 11, с. 94.

цесс реально существует) в детальном изучении, особенно проводимая на ряде предприятий и в колхозах этой республики система мер по оказанию помощи семье и детям.

В тех республиках, где происходит быстрое падение рождаемости, например в Азербайджанской ССР, уровень повозрастных показателей особенно заметно снизился в возрасте 30 лет и старше, где в устойчивых браках рождаются чаще всего вторые, третьи и более высоких очередностей дети.

Важной, но также моментной характеристикой существующего уровня рождаемости может служить распределение семей по числу детей в них. В публикациях ЦСУ СССР сведения о распределении семей по числу детей не всегда имеются в сопоставимой форме. По данным переписи населения 1970 г. мы имеем распределение семей по числу детей, проживающих совместно с семьей.

Таблица 6

Распределение населения СССР по типам семей в 1970 г.

..	Тип семей						Всего
	без детей	с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 детьми	с 4 детьми	с 5 и более детьми	
Все население	21,2	35,4	26,4	9,0	3,8	4,2	100,0
Городское население	20,5	40,8	28,5	6,6	2,0	1,6	100,0
Сельское население	22,1	27,9	23,5	12,4	6,4	7,7	100,0

Источник. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1974, т. VII, с. 250.

По тем же данным в сельской местности РСФСР семьи с 3 и более детьми составляли 22,9%, а в Узбекской ССР—62,0%. Следует, однако, учесть, что эти данные не совсем точно отражают реальное распределение семей по числу детей, поскольку они включают все семьи вне зависимости от возраста супругов, а также всех детей вне зависимости от их возраста. Не включены дети, живущие отдельно от семьи.

Наиболее полную картину распределения семей по числу детей впервые за многие годы можно будет полу-

чить по данным переписи населения 1979 г., поскольку в программе переписи стоял вопрос о числе детей, рожденных женщиной, и предусмотрена детальная разработка этих данных.

Представление о реальном распределении населения по числу детей в семьях можно получить на основе систематически проводимых ЦСУ СССР больших по объему выборочных обследований. Последние из таких обследований были проведены в 1972, 1975 и 1978 гг. Распределение семей рабочих, служащих и колхозников по числу детей в возрасте до 16 лет по данным обследования 1972 г. представлено в табл. 7.

Таблица 7

Распределение населения СССР по типам семей в 1972 г., %

	Всего семей	из них семьи				
		с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 детьми	с 4 детьми	с 5 и более детьми
Все население	100,0	53,3	33,4	7,7	2,9	2,7
Городское население	100,0	57,6	33,6	5,7	1,7	1,4
Сельское население	100,0	38,1	32,9	14,8	6,8	7,4

Источник. Женщины в СССР. Стат. сборник. М., 1975, с. 92.

Судя по данным обследования 1978 г., процесс увеличения доли малодетных семей среди населения СССР продолжался, хотя непосредственно сравнивать эти материалы с данными за 1972 г. достаточно сложно из-за того, что в публикациях 1978 г. семьи колхозников даются отдельной позицией, а в 1972 г. они рассматриваются вместе с рабочими и служащими. Поэтому сравним такого рода распределение для рабочих и служащих по данным обследований 1967 и 1978 гг.

По данным обследования ЦСУ СССР 1962 г. число семей колхозников с 2 детьми составляло 41,0%, с 3 детьми — 19% и с 4 и более — 9%. Эти же показатели по данным обследования 1978 г. составляли 30,2, 14,6, 17,3%¹. Обращает на себя внимание снижение доли

¹ См: Дети в СССР, с 9; Женщины и дети в СССР. М., 1963, с. 68.

**Распределение семей рабочих и служащих СССР
по числу детей в них по данным обследований 1967 и 1978 г.**

	Типы семей в 1967 г.			Типы семей в 1978 г.		
	с 1 и 2 детьми	с 3 детьми	с 4 и более детьми	с 1 и 2 детьми	с 3 детьми	с 4 и более детьми
Городское население	89,4	7,3	3,3	92,9	4,7	2,4
Сельское население	68,4	16,9	14,7	77,3	11,7	11,0

Источники: Женщины и дети в СССР. М., 1969, с. 112; Дети в СССР, с. 9.

двухдетных и трехдетных семей и рост числа среднетных и многодетных семей. Конечно, агрегированные по стране в целом данные обобщают, по сути дела, два противоположных явления — уменьшение рождаемости у одной, большей по численности, части населения и ее стабильно высокий, даже несколько увеличивающийся в середине 60-х годов уровень у сельского населения республик Средней Азии.

Наиболее четко проявляется тенденция к снижению рождаемости среди городского населения, демографическое поведение которого во многом однородно. Доля трехдетных семей с 1967 по 1978 г. уменьшилась почти на треть, а однодетных — выросла с 54,7 до 61,5%.

Существенная региональная дифференциация семей по числу детей в них также подтверждается данными этих обследований. Из результатов обследования 1972 г. видно, что если в сельской местности РСФСР в 1972 г. семей с 3 и более детьми было 29,0%, то в Узбекской ССР — соответственно 61,0%¹.

Следует, однако, учесть, что такого рода распределения не могут достаточно точно характеризовать положение с рождаемостью в стране, поскольку они показывают статическое, на момент обследования, распределение семей по числу детей в них. Многие из этих семей в будущем могут еще родить детей. С этих позиций предпочтительнее были бы данные о распределении семей по числу детей для женщин, чей возраст близок к верхней

¹ См.: Женщины в СССР. М., 1975, с. 92—93.

границе детородного периода. Но в то же время такие данные во многом могут иметь чисто историческое значение. Поэтому в идеале нужно иметь распределения по числу детей для женщин разных возрастов, т. е., по сути дела, речь опять идет о когортном подходе. Однако и приведенные выше данные при сравнении за ряд лет могут содержать информацию о динамике процессов рождаемости и семейного состава населения, что важно с позиций демографической политики.

С точки зрения возможной динамики рождаемости представляет интерес распределение семей по числу ожидаемых ими детей, поскольку ожидаемое и реальное числа детей в семье к концу детородного возраста женщин обычно достаточно близки по величине. Рассмотрим данные проведенного в 1969 г. НИИ ЦСУ СССР обследования мнений замужних женщин об ожидаемом числе детей по СССР и некоторым союзным республикам.

Как следует из табл. 9, по стране в целом на одно-двухдетную семью, т. е. не обеспечивающую даже простого воспроизводства, ориентировались в 1969 г. 68% семей, в РСФСР—72,7%, в Латвии—75,8%, в Узбекской ССР—38,3%, в Таджикской ССР—39,9% семей.

Дифференциация ожидаемого числа детей существует и внутри РСФСР. Наименьшая величина этого показателя в 1969 г. наблюдалась в Центральном экономическом районе (1,94) и в Северо-Западном экономическом районе (1,99), а наибольшая—в Западно-Сибирском (2,41) и в Восточно-Сибирском (2,46). Среди круп-

Таблица 9

Распределение женщин по ожидаемому числу детей в 1969 г.

	Доля женщин (%) с ожидаемым числом детей							Всего	Среднее ожидаемое число детей
	0	1	2	3	4	5	6 и более		
СССР	1,0	15,4	52,6	19,5	5,7	2,4	3,4	100	2,42
РСФСР	1,0	17,7	55,0	18,6	4,4	2,1	1,2	100	2,21
Латвийская ССР	1,3	17,1	58,7	18,1	3,2	0,6	1,0	100	2,11
Узбекская ССР	0,4	5,6	32,7	15,0	13,2	6,5	26,6	100	4,31
Таджикская ССР	1,0	7,1	32,7	24,4	7,6	5,9	21,3	100	4,08

Источник. Белова В. А. Число детей в семье. М., 1975, с. 103.

нейших городов этот показатель был наименьшим в Ленинграде (1,55) и в Москве (1,69), причем в Москве на одно-двухдетную семью ориентируется 91,4% семей, в Ленинграде — 93,1, а в Центральном экономическом районе — 83,3%¹.

Анализ рождаемости в национальном разрезе также подтверждает наличие в нашей стране различных типов воспроизводства населения.

Рассмотрим распределение замужних женщин некоторых национальностей по ожидаемому числу детей по данным обследования ЦСУ СССР 1972 г.

Таблица 10

Распределение женщин разных национальностей по ожидаемому числу детей

Националь-ности	Доля женщин (%) с ожидаемым числом детей							Всего	Среднее ожидае-мое число детей
	0	1	2	3	4	5	6 и более		
Русские	2,9	24,9	52,0	14,2	3,5	1,5	1,0	100,0	2,00
Украинки	2,8	18,4	56,0	16,8	3,9	1,3	0,3	100,0	2,08
Латышки	2,3	26,3	51,1	14,9	2,8	1,6	1,0	100,0	1,99
Белоруски	2,0	14,0	51,8	21,2	6,9	2,9	1,2	100,0	2,31
Узбечки	1,2	1,5	5,4	7,1	13,0	13,0	58,8	100,0	6,26
Таджички	1,5	1,1	6,3	8,0	14,4	15,3	53,4	100,0	5,97

Источник. Сколько детей будет в советской семье. М., 1977, с. 27.

По данным этого обследования одно-двухдетную семью предпочитали иметь в 1972 г. 76,9% русских замужних женщин, 65,8% белорусок, 74,4% украинок, 77,4% латышек, но лишь 6,9% замужних узбечек и 7,4% таджичек. В то же время 6 и более детей в семье предпочитало иметь лишь около одного процента русских, украинских, латышских и белорусских женщин и более половины всех женщин коренных национальностей Средней Азии. Интересно, что 6 и более детей предпочитают иметь 37,6% казашек и 36,0% азербайджанских женщин, т. е. меньше, чем у женщин Средней Азии, что свидетельствует о изменении репродуктивного поведения у женщин этих национальностей.

¹ См.: Белова В. А. Число детей в семье. М., 1975, с. 107—109.

Идеал малодетной семьи, по мнению части населения страны, является единственно приемлемым для основной массы супругов. Такое представление о наиболее приемлемой «модели» демографического будущего, сложившееся под влиянием сложного комплекса социально-экономических факторов, становится очень устойчивым, мало меняющимся во времени.

В условиях малодетной семьи супруги определяют, как правило, заранее не только предпочтительное для них число детей в семье, но часто и интервалы между рожденьями, иначе говоря, график рожденьей. При небольшом числе детей в семьях возраст вступления в брак перестает быть фактором, серьезно влияющим на число детей в семьях, ибо 1 или 2 ребенка возможны в современных условиях при вступлении матери в брак и в 20, и в 25, и даже в 30 лет.

В то же время при таком типе семьи большая часть рожденьей приходится на возраст женщины до 35 лет, в более старших возрастах число рожденьей незначительно. Так, в 1973 г. в РСФСР на долю женщин в возрасте до 35 лет приходилось 90,1% общего числа рожденьей, на долю женщин в возрасте до 40 лет — 98,3%, а в Узбекской ССР — соответственно 77,2 и 91,8%¹. Но необходимо также отметить, что и с медицинской точки зрения наиболее благоприятным для рожденьей является возраст матери примерно до 35 лет. Все это выработывает у большей части населения представление о том, что рождение у матери в возрасте старше 35 лет не только сложное, но даже в чем-то отклоняющееся от общего демографического поведения.

У большинства населения страны ориентация на малодетную семью выражена очень отчетливо. По данным специальных обследований среднее ожидаемое число детей у замужних женщин РСФСР, вступивших в брак в 1930—1934 гг., составляло 3,72, у женщин, вступивших в брак в 1960—1964 гг., — 2,39 и у брачной когорты 1970—1972 гг. — 1,70. Соответствующие показатели для женщин Украины составляют 3,10; 2,13 и 1,76². Следует еще раз напомнить, что, как показали специальные исследования, ожидаемое число детей и их реальное число у женщин к 50 годам различаются несу-

¹ См. Население СССР 1973, с. 106, 112

² См.: Сколько детей будет в советской семье, с. 102

щественно Поэтому данные такого рода во многом являются в отношении молодых поколений достаточно точными оценками будущего репродуктивного поведения населения.

Напомним также, что по некоторым расчетам только для простого воспроизводства, т. е. для смены поколений в отношении 1:1, в среднем на одну женщину должно приходиться 2,1 ребенка, а на каждую женщину в браке—2,34¹.

О причинах, приводящих к формированию низкой рождаемости, говорится в ряде исследований². Не будем повторяться, отметим лишь, что при низкой рождаемости расхождения в среднем числе детей у различных общественных групп населения все более сглаживаются. В то же время дифференциация рождаемости (и это присуще всему населению страны) по образовательному уровню до сих пор достаточно велика: чем выше образование, тем в среднем меньше число детей в семье. Естественно, что все эти закономерности носят статистический характер, т. е. проявляются лишь для больших масс населения.

Таблица 11

Среднее ожидаемое число детей в зависимости от образования у женщин разных брачных когорт в республиках с низкой рождаемостью

Годы вступления в брак	Уровень образования			
	высшее и незаконченное высшее	среднее общее и специальное	неполное среднее	начальное и ниже
1930—1934	2,16	2,52	2,88	3,57
1955—1959	1,76	1,93	2,14	2,38
1960—1964	1,72	1,85	2,02	2,05

Источник. Сколько детей будет в советской семье, с 54.

Такого рода дифференциация по уровню образования во многом связана с тем, что, чем выше образовательный уровень населения, тем выше (естественно, в среднем) и сложнее потребности человека (в том числе потребности, связанные с поддержанием достаточного

¹ См. Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР, с. 288.

² См., например Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР, Рождаемость/Под ред Л. Е. Дарского М., 1976, Курс демографии/Под ред А. Я. Боярского М., 1974 и др.

уровня своей квалификации), выше ответственность за свои поступки во всех сферах деятельности. Поэтому рост образовательного уровня населения способствует, особенно при отсутствии эффективной демографической политики, снижению общего уровня рождаемости.

Как же можно оценить современный уровень рождаемости у основной части населения страны? В целом он при современном уровне смертности обеспечивает тип воспроизводства, близкий к простому, но дальнейшее снижение рождаемости может привести к суженному воспроизводству значительной части населения страны¹. Именно в этом и проявляется обострение демографической ситуации в области рождаемости.

Первым его следствием в перспективе будет изменение возрастного состава населения и прежде всего уменьшение численности молодежи и увеличение доли людей среднего возраста, а потом и пожилых людей. Такие изменения возрастной структуры нельзя признать благоприятными прежде всего с позиций социальных и развития производительных сил общества, поскольку они не способствуют ускорению научно-технического прогресса. Кроме того, могут возникнуть социальные и моральные проблемы, связанные с падением числа рождений, начавшимся после 1960 г., а в дальнейшем, следовательно, и потенциальных трудовых ресурсов.

Даже при самых высоких темпах роста производительности труда, позволяющих увеличивать объем выпускаемой продукции при сокращении общего числа занятых, должно происходить естественное замещение лиц, выбывающих из общественного производства. Интенсивность такого выбытия (если говорить о всех занятых) определяется не только режимом смертности и возрастом людей (уход на пенсию по старости), но и такими факторами, как потеря трудоспособности (полностью или частично), интенсивность «профессиональной миграции», т. е. смены занятия. Для женщин необходимо учитывать возможность более или менее длительного перерыва в работе в связи с уходом за детьми. В условиях суженного воспроизводства проблема замещения выбывающих работников может существенно осложниться.

¹ О понятии суженного воспроизводства далее будет сказано подробнее.

Общество в целом (в том числе его экономика) является динамической системой, поэтому изменение уровня производительности труда и величины трудовых ресурсов может по-разному сказаться на его развитии. Большое значение имеет соотношение темпов изменения этих составляющих и реальные резервы на ближайшее будущее, ибо от этого во многом зависит возможность компенсации одного компонента другим, например уменьшения численности трудовых ресурсов ростом производительности труда, использованием внутренних резервов производства.

Особо следует обратить внимание на низкий уровень рождаемости в сельской местности ряда областей Нечерноземной зоны РСФСР. В течение некоторого времени в Псковской и Калининской областях, а также в сельской местности ряда других областей число смертей превышало число рождений. Столь сложное по своим последствиям явление во многом вызвано миграцией сельских жителей, прежде всего молодежи. Даже при сохранении ориентации на двух-трехдетные семьи миграция такого рода ведет к уменьшению численности детородных контингентов в районах, а затем и общего числа рождений, т. е. к дальнейшему обострению демографической ситуации.

Так, в сельской местности Калининской области численность лиц в возрасте от 20 до 29 лет уменьшилась со 153,3 тыс. в 1959 г. до 56,9 тыс. в 1970 г., а в Псковской области — соответственно со 108,4 до 38,2 тыс. человек, т. е. почти в 3 раза¹.

Все это говорит еще раз о необходимости проведения комплексных мер демографической политики в нашей стране.

Другой тип рождаемости распространен среди сельского коренного населения республик Средней Азии, а в недавнем прошлом — Казахстана и Азербайджана. Для этих групп населения характерна высокая, сознательно не ограничиваемая рождаемость, а следовательно, преобладание большого числа многодетных семей. Так, в сельской местности Узбекской ССР семьи с 5 и более детьми составляли по данным обследования ЦСУ СССР 1972 г. 25,9% общего числа семей, в Таджикской ССР —

¹ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972, т. II, с. 104, 129.

32,0%, в Туркменской ССР—28,8%, а у сельского населения Украины — лишь 0,8%¹.

Территориальные различия в рождаемости обусловлены в значительной степени ее этнической дифференциацией, поскольку высокая, неограничиваемая рождаемость прежде всего присуща определенным национальным группам. Так, среднее ожидаемое число детей в 1972 г. для русских, живущих в сельской местности, было 2,49, украинок — 2,40, узбечек — 6,76, таджичек—6,22, туркменок—6,27, киргизок — 6,30, азербайджанок—5,72 и казашек—5,36. В 1970 г. коэффициенты рождаемости по национальностям в Узбекской ССР были следующими: у узбеков—39,2%, русских—19,3%, украинцев—23,0%. В 1970—1971 гг. в городской местности Азербайджана² коэффициент рождаемости русского населения составлял 14,8%, а у азербайджанцев—29,1%, в сельской местности—соответственно 17,6 и 35,8%.

Важно отметить, что в 60-х годах повозрастные показатели рождаемости сельского населения республик Средней Азии обнаруживали отчетливую тенденцию к росту, особенно в возрасте старше 35 лет. Так, если в целом по Узбекской ССР коэффициент рождаемости женщин в возрасте от 35 до 39 лет составлял в 1958—1959 гг. 178,6%, то в 1969—1970 гг.—194,9%. Во многом это связано с улучшением здоровья матерей, что позволяет им дольше сохранять детородную функцию.

Сохранение столь высокого уровня рождаемости у сельских жителей (в сельской местности Узбекистана в 1969—1970 гг. брутто-коэффициент составлял 3,57, а в городской—1,80) связано с особенностями социально-экономического развития этих республик. Коренное население их перешло от феодализма к социализму, минуя стадию капитализма с его разрушительным влиянием на большую патриархальную семью. В современных условиях, когда основная масса сельского населения, особенно женщин, занята в высокодоходном сельском хозяйстве с его спецификой труда, когда структура потребностей населения в этой части страны сохраняет многие традиционные черты, многодетность стала своеобраз-

¹ См.: Женщины в СССР. М., 1975, с. 92—93.

² См.: Сколько детей будет в советской семье, с 28; Мулладжонов И. Р., Вороновский Ю. В., Цепковская Т. С. Население Узбекской ССР. Ташкент, 1973, с. 38; Мамедов К. Рождаемость и ее факторы в Азербайджанской ССР. Баку, 1976, с. 33.

ным элементом национальных традиций этой группы населения, которая в больших сложных семьях поддерживается авторитетом старшего, живущего совместно с молодежью поколения.

Сохранению многодетности способствует и высокий уровень доходов населения в сельских районах, а также большая помощь государства многодетным семьям, что является важным элементом политики нашего общества. Так, в Узбекистане к 1975 г. по сравнению с 1958 г. число матерей, получающих ежемесячные государственные пособия, выросло в 2,2 раза, в том числе матерей, получающих пособия на 7-го ребенка и детей более высоких очередностей рождения, — в 6,7 раза, хотя за этот период число женщин детородного возраста выросло всего в 1,5 раза¹.

Росту числа детей в семье способствовало весьма быстрое снижение детской и особенно младенческой смертности в этих районах страны. Так, до установления Советской власти в Туркменистане коэффициент младенческой смертности составлял около 300‰, т. е. был выше, чем в европейских районах России, а в некоторые годы величина этого показателя достигала 500—600‰. По некоторым оценкам к 1971 г. этот показатель снизился до 29‰, т. е. более чем в 10 раз².

Однако развитие социально-экономических процессов неизбежно приведет к постепенному снижению рождаемости и в этой части страны. И первые признаки этого явления уже наблюдаются у коренного населения республик Средней Азии. Об этом свидетельствует ряд факторов, в том числе изменение среднего ожидаемого числа детей в семьях разных брачных когорт. Например, в сельской местности у национальностей с высоким уровнем рождаемости у женщин, вступивших в брак в 1955—1959 гг., среднее ожидаемое число детей было 6,83, а у брачного поколения 1970—1972 гг. — 5,14. Доля матерей в Узбекской ССР, родивших 3-го ребенка и более, составляла в общем числе рождений в 1970 — 65%, а в 1975 г. — 58,0%³.

¹ См.: *Буриева М.* Формирование семьи в сельской местности Узбекской ССР.— В кн.: *Люди в городе и на селе.* М., 1978, с. 100.

² Там же, с. 98.

³ См.: *Народное хозяйство Узбекской ССР в 1975 г.* Ташкент, 1976, с. 12.

О тенденциях снижения рождаемости свидетельствует наличие не очень заметных, но достаточно важных признаков. Это, во-первых, существенная дифференциация репродуктивного поведения населения этих регионов в зависимости, как уже отмечалось, от образовательного уровня супругов и их социальной принадлежности. Так, вероятность рождения 3-го (a_2) и 4-го (a_3) ребенка у женщин тех национальностей, для которых характерна была высокая рождаемость, по данным обследования 1972 г. существенно варьировала в зависимости от их образовательного уровня. В возрасте 25—29 лет эти показатели для женщин с высшим и незаконченным высшим образованием составляли соответственно 74,3 и 68,7%, а для этой же возрастной группы женщин с неполным средним образованием — 93,1 и 88,4%. Эти же показатели для 5-го ребенка (a_4) составляют соответственно 57,6 и 79,9%¹. Таким образом, по мере роста образовательного уровня населения будут в принципе уменьшаться и «семейные» идеалы.

В районах Средней Азии начинают увеличиваться и интергенетические интервалы, растет, хотя и медленно, использование противозачаточных средств. Так что в перспективе переход к низкой рождаемости обязателен и в этом регионе страны. Неизбежность такого перехода отмечают и демографы, изучающие проблемы населения Средней Азии². Однако главным вопросом остается определение темпов такого перехода — будет ли он быстрым, лавинообразным (естественно, с исторической точки зрения), или медленным. Во многом это зависит, так сказать, от скорости внедрения новых систем потребностей и многих других моментов. Противостоять этому процессу будут весьма устойчивые представления о преимуществе многодетных семей, ставшие своеобразной национальной традицией в этих районах.

О том, что процесс снижения рождаемости может идти достаточно быстро, свидетельствует и пример Азербайджана — республики, в которой традиции в области рождаемости близки к Среднеазиатским, где этот процесс идет достаточно активно (см. табл. 4).

¹ См.: Сколько детей будет в советской семье, с. 70.

² См., например: *Ата-Мирзаев О. Б.* Актуальные задачи комплексного исследования региональных проблем народонаселения Средней Азии.— В кн.: Исследование региональных демографических проблем. Ташкент, 1978, с. 4.

Городское население республик Средней Азии имеет значительно более низкую рождаемость, чем сельское. Это вызвано как снижением ее уровня у коренного населения, живущего в городах, так и тем, что в крупных городах велика доля населения других национальностей, прежде всего русских и украинцев, со свойственными им традициями малодетности. Так, в 1970 г. русские и украинцы составляли 43,7% жителей Ташкента.

Высокий уровень рождаемости в ряде республик СССР при низкой территориальной подвижности населения ведет к определенному избытку трудовых ресурсов в сельских районах этой части страны. Формирование высокого уровня развития ребенка и образовательного уровня молодого человека требует не только больших материальных средств общества и семьи, но и, что очень важно, больших затрат времени родителей, их непрерывного культурного самосовершенствования. Эти требования иногда оказываются трудновыполнимыми для тех семей, особенно многодетных, где мать не работает и несет основную нагрузку по воспитанию детей. Работа в наших условиях не только источник дохода, но и источник получения основного объема информации и по профессиональным, и по многим житейским проблемам. Участие в общественном труде, особенно квалифицированном, стимулирует повышение образования, расширяет кругозор, поэтому дети в таких семьях оказываются в более выгодных условиях, чем в тех, где мать целиком или в основном занимается домашним хозяйством. В то же время в многодетных семьях дети раньше привыкают к труду, взаимопомощи, коллективу.

Особое место по уровню рождаемости занимают такие республики, как Молдавия, Армения и Казахстан. В них уже ряд лет идет процесс снижения рождаемости, причем особенно быстро он происходит в Молдавии, а в последние годы в Армении и у коренного сельского населения Казахстана.

С процессами рождаемости тесно связаны процессы брачности и разводимости¹, хотя связь эта, как уже отмечалось, в ряде случаев не такая тесная, как в прош-

¹ Следует обратить внимание на предложение М. С. Тольца, который считает, что овдовение является самостоятельным компонентом естественного движения населения. Однако информация и исследования по этому вопросу очень ограничены (Вестник статистики, 1980, № 5, с. 60).

лом. В настоящее время наблюдается некоторое снижение возраста вступления в первый брак. В 1965 г. он составлял (если исключить лиц старше 50 лет) 26 лет и 7 месяцев для мужчин и 24 года и 11 месяцев для женщин, а в 1973 г. снизился до 24 лет и 5 месяцев для мужчин и 22 лет и 7 месяцев для женщин¹.

В то же время за последние годы наблюдается и некоторый рост общих показателей разводимости. Так, если в 1969 г., в среднем на 1000 населения было зарегистрировано 2,6 развода, то в 1978 г. — 3,5. При этом следует учесть, что система регистрации разводов такова, что эти данные не полностью отражают подлинный характер этих процессов².

Следует также отметить, что часто используемый прием для сопоставления интенсивности процессов брачности и разводимости — сравнение величин коэффициентов брачности и разводимости для одного года — не вполне правомерен. Дело в том, что люди, расторгающие брак в данном году, могли его оформить и один, и пять лет назад. Поэтому в первом приближении анализировать интенсивность процессов распада браков можно было бы, сравнивая, например, общее число супружеских пар в стране и число браков, распавшихся в том или ином году, т. е. реальное число событий и величину массива, продуцирующего это событие. Однако и такой измеритель имеет ряд недостатков, но главное в том, что для его исчисления практически нет информации. Дело в том, что переписи населения, по сути, единственный источник данных о семейном состоянии населения в стране на какой-то момент, они дают сведения о фактическом браке, а число разводов получают по данным юридического учета разводов. Но даже если пренебречь разницей между числом фактических и юридических браков, а это различие со временем уменьшается, то и в этом случае такого рода характеристики можно получить достаточно редко³.

¹ См.: Население СССР. 1973, с. 172.

² Это связано с тем, что при оформлении развода через суд бывшие супруги не обязаны сразу и одновременно регистрировать его в загсе, а лишь после этого факт развода попадает в поле статистического учета.

³ Подробнее об этом см.: Бондарская Г. А., Ильина И. П. Этническая дифференциация брачности женщин в СССР. Демографический аспект. — В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979.

По данным переписей населения 1926, 1959 и 1970 гг. в стране наблюдалось уменьшение доли ранних браков, что в принципе является прогрессивным явлением, особенно в отношении достаточно широко распространенных в прошлом сверххранних браков. В 1897 г. в Европейской России в возрасте от 17 до 19 лет состояло в браке 20,9% женщин, на Кавказе — 52,6%, а в Средней Азии — 64,2%. Если в 1926 г. в возрасте от 16 до 19 лет состояло в браке 15,0% русских женщин, то в 1959 г. — 9,3%, а в 1970 г. — 9,1%. Соответствующие показатели составляли для украинок 14,2% в 1926 г., 10,1% — в 1959 г. и 11,2% — в 1970 г., для грузинок — соответственно 28,7; 10,7 и 13,4%, для узбечек — 55,9; 31,8 и 21,7%¹.

Конечно, данные переписи 1897 г. и последующих советских переписей не вполне сопоставимы, но наличие прогрессивного с социально-гигиенической точки зрения увеличения возраста вступления в брак, ликвидация так называемых сверххранних браков, особенно у национальностей Средней Азии, очевидны.

В то же время в последние годы наблюдалась тенденция к снижению возраста вступления в первый брак у большинства населения страны. Если в 1966 г. в возрасте до 20 лет находилось 22,1% невест, то в 1978 г. — уже 28,6%². Причины этого явления сложны и нуждаются в детальном изучении, в том числе с позиций устойчивости и продуктивности этих молодых браков. Но нельзя сбрасывать со счета эту проблему, ее возможное влияние на среднее число детей в семье, хотя связь между рождаемостью и брачностью в этом случае отнюдь не прямолинейна.

Одним из современных методов характеристики процессов брачности и разводимости является построение демографических таблиц такого рода. В последние годы советские демографы, несмотря на ограниченную в силу ряда объективных причин информацию, выполнили ряд подобных исчислений, среди которых следует назвать работы Л. Е. Дарского, М. С. Тольца, А. Г. Волкова³.

¹ См. упомянутую статью Г. А. Бондарской и И. П. Ильиной, с. 10—15.

² Рассчитано по: Вестник статистики, 1967, № 11, с. 94; 1979, № 11, с. 68.

³ См.: Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972. Тольц М. С. Некоторые обобщающие характеристики брачности, прекращения и

Вообще-то говоря, речь должна идти не о *расторжении* брака, а о его *прекращении*, поскольку последняя категория шире первой: она включает прекращение брака из-за смерти супруга, из-за развода или же из-за смерти самого лица, состоящего в браке. Следует учесть, что это как бы «взаимодополняющие процессы» — при снижении смертности в соответствующих условиях может идти рост разводов, что часто сейчас и происходит. В результате рассчитанная по данным переписей населения средняя длительность пребывания в браке (в возрасте до 60 лет) — своеобразная обратная комплексная характеристика прекращения браков — практически мало изменилась за многие годы. Если для мужчин Европейской России она составляла в 1897 г. 32,9 года, а для женщин — 31,6, то в 1939 г. она была соответственно 33,1 и 28,3 года, а в 1970 г. — 33,5 и 28,9 года¹.

Такая динамика объясняется тем, что наряду со снижением смертности супругов росла разводимость. Это показали детальные расчеты А. Г. Волкова, в соответствии с которыми снижение смертности для мужчин в возрасте 24 лет и старше и женщин 22 лет и старше в 1968—1971 гг. по сравнению с 1896—1897 гг. увеличило длительность брака на 11,6 года, но разводы сократили среднюю продолжительность брака на 8,6 года².

Возникает вопрос: действительно ли разводимость превратилась в острую проблему? Как уже отмечалось, рост длительности брачной жизни из-за снижения смертности достаточно реален в современной ситуации. Но, чтобы ответить на вопрос об обострении проблемы в области разводимости, необходимо оценить максимально допустимый в свете современных социально-экономических условий уровень интенсивности этого процесса. Это очень трудно, но без этого нельзя решить, есть ли такое обострение.

Сейчас можно лишь сказать, что в росте числа разводов есть две составляющие. Во-первых, они увеличиваются вследствие изменений функций семьи, положения супругов в обществе, т. е. вследствие изменений

длительности брака.— В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979; Волков А. Г. Об ожидаемой продолжительности брака и ее демографических факторах.— В кн.: Демографическое развитие семьи.

¹ См.: Тольц М. С. Указ. соч., с. 53.

² См.: Волков А. Г. Указ. соч., с. 81.

генеральных тенденций демографических явлений. Во-вторых, случайные колебания интенсивности этого процесса происходят под влиянием эпизодических, временно действующих факторов (например, жилищных условий, непонимания ряда проблем личной жизни и т. д.); в принципе эти факторы могут быть устранены (или ослаблены) под воздействием социально-экономической и демографической политики общества. Вопрос состоит в том, как соотносятся между собой эти составляющие, каковы возможности разделения их влияния, хотя бы оценочно. В этом направлении, видимо, и должны проводиться исследования разводимости.

Во много раз выросли в нашей стране за последние годы и возможности органов здравоохранения. Если в 1940 г. в СССР было 155,3 тыс. врачей всех специальностей, или 7,9 врача на 10 тыс. населения, то в 1979 г. — 958 тыс., или 36,2 врача на 10 тыс. населения. Число больничных коек выросло с 791 тыс. в 1940 г. до 3265 тыс. в 1979 г. Отметим для сравнения, что в США в 1975 г. в среднем на 10 тыс. населения приходилось 21,9 врача, в ФРГ (1977 г.) — 24,5, в Великобритании (1974 г.) — 16,4 и в Японии (1976 г.) — 15,5¹.

Успехи советского здравоохранения в значительной степени способствовали росту средней продолжительности жизни населения страны.

Т а б л и ц а 12

Средняя продолжительность предстоящей жизни населения, лет

Годы	Все население	в том числе		Разница в продолжительности жизни мужчин и женщин
		мужчин	женщин	
1896—1897 (по 50 губерниям Европейской России)	32	31	33	+ 2
1926—1927 (по европейской части СССР)	44	42	47	+ 5
1938—1939	47	44	50	+ 6
1955—1956	67	63	69	+ 6
1958—1959	69	64	72	+ 8
1965—1966	70	66	74	+ 8
1971—1972	70	64	74	+ 10

Источник Народное хозяйство СССР в 1975 г., с. 60.

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 82, 508—511.

Следует отметить, что увеличение продолжительности жизни произошло в основном за счет снижения смертности в детских и средних возрастах. Так, если в 50 губерниях Европейской России в 1896—1897 гг. предстоящая продолжительность жизни мужчин составляла в возрасте 10 лет 48,2 года, в возрасте 30 лет—33,6 года, а в 70 лет—9,8 года, то в СССР в 1968—1971 гг. — соответственно 57,3; 39,0; 10,3 года, т. е. в старших возрастах за 75 лет прирост продолжительности жизни был незначительным.

Для сравнения напомним, что средняя продолжительность жизни мужчин в Швеции (1972—1976 гг.) составляла 72 года, а женщин—78 лет, во Франции (1974 г.) аналогичные показатели составляли 69 и 77 лет, для белого населения США (1976 г.)—70 лет для мужчин и 77 лет для женщин, а для остального населения США—64 и 73 года.

Снижение смертности и увеличение продолжительности жизни происходило параллельно с изменением структуры причин смерти.

В настоящее время (1978 г.) примерно 65% случаев смерти приходилось на долю болезней системы кровообращения и злокачественных новообразований, причем за последние годы отмечается некоторый рост показателей смертности от этих заболеваний. Если от всех форм злокачественных новообразований на 100 тыс. населения в 1970 г. умерло 127,5 человека, то в 1978 г. — 137,3. Для сердечно-сосудистых заболеваний эти показатели соответственно выросли с 385 до 500¹. Это увеличение наблюдается и по отдельным видам заболеваний. Так, например, выросли за этот срок показатели смертности от таких видов заболеваний, как рак желудка и других органов пищеварения, молочной железы у женщин, лейкемия, кардиосклероз атеросклеротический. В то же время несколько снизилась за последние десятилетия смертность от гипертонии всех форм.

Говоря о смертности, следует отметить, что быстрый научно-технический прогресс и растущее в ряде случаев загрязнение среды не всегда сопровождаются должным ростом профилактики заболеваний, осознанием значения здоровья в системе ценностей жизни, формированием здорового образа жизни.

¹ Вестник статистики, 1971, № 12, с. 80—84; 1979, № 11, с. 67.

Рост общих показателей смертности от некоторых заболеваний связан с процессами старения населения, а также с рядом других сложных явлений, в том числе с нервно-психическими нагрузками людей.

В нашей стране существует региональная дифференциация процессов смертности, хотя и не столь существенная, как рождаемости. По расчетам Е. М. Андреева, если элиминировать различия возрастной структуры, т. е. стандартизировать показатели смертности отдельных регионов по возрастной структуре СССР, то можно проследить снижение этого показателя с северо-востока на юго-запад. По его расчетам наиболее высок индекс смертности в Восточно-Сибирском и Дальневосточном экономических районах, а наиболее низкий — в Северо-Кавказском районе. В то же время эти районы характеризуются интенсивной внутрирайонной дифференциацией индекса смертности¹.

В последние годы стал увеличиваться разрыв в уровне смертности сельского и городского населения, причем в ряде случаев смертность в селе превышает аналогичные показатели города. Это объясняется во многом изменением возрастной структуры сельского населения в сторону его старения в ряде районов страны. Но есть и другие причины этого явления, связанные с необходимостью дальнейшего развития медицинской сети на селе, более строгого соблюдения там техники безопасности при большом потоке новых машин, поступающих в сельское хозяйство. Надо усилить борьбу с травматизмом на производстве и в быту и на селе, и в городе. Таким образом, некоторые негативные элементы в динамике смертности также можно рассматривать как обострение демографической ситуации.

Оценить характер воспроизводства населения по стране в целом и особенно по союзным республикам достаточно трудно не только из-за информационных трудностей, но и в чисто методологическом плане. Метод реального поколения, позволяющий получить более достоверные оценки в этой области, не позволяет получить обобщающие характеристики воспроизводства всего населения, особенно в условиях интенсивной миграции и диспропорциональной возрастной структуры.

¹ См.: Андреев Е. М. Продолжительность жизни в СССР: дифференциальный анализ.— В кн.: Продолжительность жизни: анализ и моделирование. М., 1979, с. 11.

Между тем точная оценка существующего типа воспроизводства является важным элементом успешности проведения демографической политики в целом. В этой области определенное значение может иметь создание сложных имитационных экономико-демографических моделей для отдельных регионов, позволяющих не только определить характеристики воспроизводства населения, но и выявить разнообразные последствия изменений составляющих воспроизводства. При этом очень важно четко определить, что понимается под суженным воспроизводством, так как от этого зависит и характер используемых измерителей этого явления.

Приведем некоторые данные, характеризующие в первом приближении изменение типа воспроизводства населения СССР. Речь идет, во-первых, о показателях так называемой «цены простого воспроизводства населения», показывающей, сколько надо детей на одну женщину детородного возраста для простого воспроизводства населения¹. Другим показателем такого рода может быть соотношение брутто- и нетто-коэффициентов воспроизводства, являющееся своеобразной характеристикой «экономичности» воспроизводства, ибо, чем меньше это соотношение, чем оно ближе к единице, тем меньше «потери» населения от высокой смертности, тем рациональнее тип воспроизводства.

Для сравнения рассмотрим показатели воспроизвод-

Таблица 13

Характеристики воспроизводства населения СССР

	1926— 1927	1938— 1939	1958— 1959	1961— 1965	1969— 1970	1975— 1976
Цена простого воспроизводства	3,23	3,11	2,25	2,21	2,18	2,22
Соотношение брутто-и нетто-коэффициентов воспроизводства	1,55	1,49	1,11	1,06	1,01	1,06

Источники. Народонаселение стран мира. М., 1978, с. 187.

¹ О сути и методе его расчета см.: Пискунов В. П., Стешенко В. С. Некоторые особенности воспроизводства населения Украинской ССР. — В кн.: Народонаселение и экономика, М., 1967, с. 77.

ства населения в некоторых других странах. В 1946 г., т. е. до начала снижения смертности и рождаемости, у населения Шри-Ланки брутто-коэффициент составлял 2,44, а нетто-коэффициент — 1,44. Это означало, что при высокой смертности и рождаемости «цена простого воспроизводства» составляла 3,50, а показатель «экономичности» воспроизводства — 2,43. Другим, полярным, примером может служить Швеция. Для населения этой страны характерны низкая рождаемость и низкая смертность. По данным 1977 г. «цена простого воспроизводства» здесь составляла 2,10, а показатель «экономичности» — 1,013.

Если проследить динамику показателей в табл. 13, нетрудно заметить, что в результате снижения смертности даже при уменьшении рождаемости в нашей стране снижалась «цена простого воспроизводства» и одновременно росла рациональность типа воспроизводства. Это еще раз подтверждает положение о том, что высокая смертность во многом стимулировала и высокую рождаемость, ибо лишь рождение примерно четвертых детей в семье обеспечивало уровень простого воспроизводства.

Необходимо учитывать существующую дифференциацию процессов воспроизводства в СССР и различия в такого рода характеристиках по союзным республикам. Так, для Украинской ССР в 1969—1970 гг. брутто-коэффициент воспроизводства населения составлял 0,994, а нетто-коэффициент — 0,962¹, следовательно, «цена простого воспроизводства» составляла 2,15, а показатель «экономичности» воспроизводства — 1,033.

В то же время для сельской местности Узбекской ССР брутто-коэффициент воспроизводства населения составлял в 1969—1970 гг. 3,57, а нетто-коэффициент — 3,31². Следовательно, «цена простого воспроизводства» составляла 2,25, показатель «экономичности» воспроизводства — 1,080. Эти данные показывают, что благодаря низкой смертности в селе Узбекской ССР даже при высокой рождаемости показатели «цены простого воспроизводства» и его «экономичности» близки к характе-

¹ См.: Демографическое развитие Украинской ССР. Киев, 1977, с. 150.

² Рассчитано по: Мулладжанов И. Р., Вороновский Ю. В., Цепковская Т. С. Население Узбекской ССР. Ташкент, 1973, с. 38.

ристикам Украинской ССР. Это одно из свидетельств преимущества социалистического типа воспроизводства населения.

Отметим, что такого рода успехи в республиках Средней Азии были достигнуты в историческом плане в очень короткий период. Так, еще в 1961—1962 гг. в сельской местности Узбекской ССР «цена простого воспроизводства» составляла 2,37, а «экономичность» — 1,139, т. е. значительно больше¹.

Вариация этих показателей по союзным республикам не очень велика. Так, для Таджикской ССР показатель «экономичности» воспроизводства составлял в 1972—1973 гг. 1,105, а по Узбекской ССР—1,078, по Азербайджанской ССР—1,095, по РСФСР—1,045, по Эстонской ССР—1,031². Это говорит о ликвидации бывших в прошлом заметных различий прежде всего в уровне смертности, о тенденциях к созданию в стране единого типа воспроизводства населения.

На процессы естественного движения большое влияние оказывают территориальные перемещения населения. Основные тенденции миграции населения СССР достаточно подробно описаны в нашей литературе³. Масштабы этих процессов в нашей стране растут, и возможности такого увеличения отнюдь не исчерпаны. Если сравнить с известной условностью данные о миграции по материалам переписи населения 1926 и 1970 гг., то, по оценкам В. М. Моисеенко, по отношению к 1926 г. в 1970 г. миграция выросла в 1,9 раза, а интенсивность миграции, по данным о продолжительности проживания, — 1,2 раза⁴.

Миграция оказывает двоякое влияние на процессы естественного движения населения, которое условно можно назвать прямым и косвенным. Под прямым мы будем

¹ Рассчитано по: Мулладжанов И. Р., Вороновский Ю. В., Цепковская Т. С. Население Узбекской ССР, с. 38.

² Рассчитано по: Население СССР. 1973, с. 137—138; Борисов В. А. Перспективы рождаемости, с. 78.

³ См., например: Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М., 1978; Хорев Б. С., Чапек В. П. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978; Миграции населения РСФСР. М., 1973; Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М., 1975; Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграции. М., 1973.

⁴ См.: Управление развитием пародонаселения в СССР. М., 1977, с. 203.

иметь в виду формирование диспропорциональной половой и особенно возрастной структуры под влиянием территориальных перемещений населения, в первую очередь молодежи. Это проявляется в том, что в районах нового освоения складывается очень молодая, а в районах оттока населения — очень старая возрастная структура. Так, по данным переписи населения 1970 г. доля молодежи в возрасте от 20 до 29 лет составляла в сельской местности Калининской области (район оттока молодежи) во всем сельском населении 7,7%, аналогичный показатель для городского населения Приморского края составлял 20,2%¹. Не случайно поэтому при примерно одинаковой интенсивности рождений общий коэффициент рождаемости составлял в 1970 г. 11,0‰ в Калининской области и 17,7‰ — в Приморском крае.

Анализ влияния дифференциации возрастной структуры на процессы естественного движения населения является одним из классических направлений демографических исследований. Однако такой анализ для отдельных частей страны наталкивается подчас на специфические трудности, в частности недостаток информации, поскольку лишь материалы переписей, проводимых достаточно редко, позволяют получить сравнительно точную информацию об этих явлениях. В связи с этим большое значение приобретает разработка типологии последовательности перехода от одного типа возрастнополовой структуры к другому по мере развития экономики. Такой подход может облегчить анализ перспектив изменения этого типа демографических структур.

Другим важным последствием миграции может быть изменение общих стандартов генеративного поведения из-за притока в районы «входа» мигрантов людей с иной, чем у коренных жителей, ориентацией в репродуктивном поведении. Однако вопрос состоит в том, насколько расходятся стандарты демографического поведения мигрантов и коренных жителей. Если эти расхождения невелики, как, например, между сельскими жителями и горожанами РСФСР, то процесс адаптации идет очень быстро, особенно когда условия жизни мигрантов первое время несколько хуже, чем у старожилов. Если же такие расхождения велики, то может потребоваться

¹ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. II, с. 104, 84.

значительное время для адаптации, и в этих условиях большой поток мигрантов может привести к изменению общего числа рождений в этой части страны. Однако информация по этому вопросу весьма ограничена.

Основные направления миграции населения на новое постоянное место жительства состоят в перемещении из села в город, из центра страны в восточные районы и обратно. Данные переписи населения 1979 г. и расширенная программа текущего учета в этот период позволят уточнить интенсивность и направление миграционных потоков. Однако уже неоднократно отмечалось, что не всегда рациональны соотношения между потоками прибывших и выбывших в восточных районах страны, низка приживаемость новоселов. Поэтому миграция не только не снимает проблемы обострения демографической ситуации, а в ряде случаев усиливает ее.

В целом современная демографическая ситуация в нашей стране отнюдь не однозначна и в ряде случаев характеризуется обострением, как это отмечалось на XXV съезде КПСС. Однако эти тенденции могут быть преходящими при наличии активной демографической политики.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Говоря о тенденциях развития населения в долгосрочной перспективе, следует иметь в виду, что лет на 20—25 вперед, т. е. до 2005 г., характер изменения демографических процессов практически предопределен тенденциями прошлого, особенно для крупных регионов, где уже закончился переход к современному типу воспроизводства. За этот период здесь вряд ли существенно изменится интенсивность смертности и рождаемости, не может сгладиться и возрастная структура. Другое дело, что в целом по стране из-за возможных изменений рождаемости в ряде ее районов, прежде всего ее снижения там, где она еще высока, ее общий уровень может меняться, но в конечном счете и эти процессы также преходящи.

Такая высокая инерционность рождаемости у большинства населения СССР объясняется прежде всего тем, что во многих районах демографические процессы в значительной степени пришли в соответствие с социально-экономическими отношениями или же это соответ-

ствие должно наступить в историческом плане достаточно скоро. В то же время в период становления новых социальных прогрессивных в экономическом плане общественных отношений возможны серьезные изменения параметров развития населения.

Одним из убедительных примеров благотворного влияния социалистических преобразований на тенденции развития населения является судьба малых народов в нашей стране, особенно народностей Севера, которых только Октябрьская революция спасла от полного вымирания. Другим, еще более наглядным примером такого рода является демографическая история Монгольской Народной Республики и Республики Куба.

Перед народной революцией население Монголии насчитывало примерно 648 тыс. человек. Несмотря на неограничиваемую рождаемость, высокий уровень заболеваемости и смертности населения приводил к тому, что темпы прироста населения были очень низки — в среднем за 1918—1940 гг. (причем часть этого периода приходится на гражданскую войну) 0,6%¹. Однако внутри этого периода демографические показатели были неоднородны. Уже в 30-х годах смертность населения значительно снизилась. В предреволюционные же годы скорее всего был отрицательный (или близкий к нему) естественный прирост населения, чему способствовали и многочисленные нашествия иностранных интервентов. На воспроизводстве населения негативно сказывался и уход в монастыри части мужского населения, которое обрекалось на безбрачие.

За годы народной власти положение изменилось коренным образом в исторически кратчайшие сроки и несмотря на последствия войны. На базе быстрых темпов социально-экономических преобразований уже в 1950—1960 гг. среднегодовые темпы прироста населения составили 2,2%, коэффициент рождаемости вырос с 26,1‰ в 1940 г. до 32,3‰ в 1955 г. и 38,0‰ в 1965 г. В этот период произошло омоложение возрастной структуры в сочетании со снижением заболеваемости и смертности. Следствием этого был рост средней продолжительности жизни до 64 лет у мужчин и 66 лет у женщин (1964—1965 гг.).

¹ См.: Население и трудовые ресурсы в социалистических странах. М., 1979, с. 105.

Если еще в 1940 г. естественный прирост населения в Монголии составлял 4,3‰, то уже в 1965 г. — 26,0‰, а в 1970 г. — 27,9‰. Среднегодовые темпы прироста населения в 1965—1970 гг. составили 2,8%, а в 1970—1975 гг. — 3,0%, т. е. были близки к уровню максимально возможных.

Этот пример подчеркивает и еще одно важное обстоятельство — резкое улучшение условий жизни на базе принципиального изменения общественного строя, снижение смертности отнюдь не сразу ведут к изменению идеалов репродуктивного поведения и поэтому «демографический взрыв» является в той или иной мере неизбежным в такой переходный период. В то же время в условиях социалистического государства при братской помощи других социалистических стран можно эффективно использовать в экономике высокий естественный прирост населения, сочетать его с ростом жизненного уровня населения.

В последние годы, особенно начиная с 1975 г., наблюдается небольшое снижение рождаемости у населения Монголии в сочетании с дальнейшим снижением смертности. Так, уже в 1977 г. коэффициент рождаемости снизился до 37,0‰, а коэффициент смертности — до 10,1‰. Пример Монголии наглядно показал еще раз возможности эффективно решать проблемы населения при социализме.

Кардинально изменились под влиянием глубоких социальных преобразований и демографические процессы на Кубе. Здесь, как и в Монголии, общий показатель рождаемости сначала увеличивался (он составлял в 1958 г. 27,3‰, а в 1962 — 36,9‰), что привело в сочетании со снижением смертности к увеличению коэффициента естественного прироста с 20,8‰ в 1958 г. до 29,6‰ в 1962 г. Увеличению рождаемости способствовали в первую очередь рост уровня жизни широких масс населения, резкое улучшение здоровья женщин в результате развития сети общедоступной государственной медицинской помощи и ряд других факторов. В условиях плановой социалистической экономики повышение темпов роста населения отнюдь не явилось демографической катастрофой.

В последние годы на Кубе под влиянием быстрого развития экономики, роста образовательного уровня населения и ряда других обстоятельств наблюдается снижение

рождаемости при продолжающемся, хотя и более медленными темпами, снижении смертности. Средняя продолжительность жизни составляла в 1970 г. 68 лет для мужчин и 72 года для женщин.

Опыт некоторых стран, вступивших на путь социалистического строительства в тот период, когда их экономическое и демографическое развитие находилось на довольно низком уровне, свидетельствует о возможности существования специфического этапа развития населения в таких странах (или части страны). В условиях быстрых преобразований социального и экономического характера демографическое развитие этих стран может характеризоваться рядом специфических черт.

1. Быстрым увеличением темпов естественного прироста населения в результате снижения смертности от инфекционных заболеваний, с одной стороны, и роста рождаемости вследствие улучшения жизненного уровня населения, более длительного сохранения женщинами детородной функции — с другой. Рост жизненного уровня и создание сети общественного воспитания могут способствовать росту числа рождений даже у тех групп населения, которые уже начали регулировать рождаемость.

2. Постепенным увеличением, часто очень быстрым, территориальной подвижности населения, что способствует в условиях быстрой перестройки всех жизненных стандартов более быстрому восприятию новых демографических идеалов жителями отдаленных районов.

3. Быстрым ростом образовательного уровня населения, формированием новой экономической и социальной структуры, происходящим часто в достаточно острой форме. Все это способствует созданию условий для перехода к низкой рождаемости.

4. Развитием средств массовой информации, особенно радио и телевидения, что позволяет оперативно влиять на демографические идеалы населения.

Такие черты могут быть присущи в первую очередь странам и регионам страны, которые переходят к социализму от феодализма и полуфеодализма, от отсталой или однобоко ориентированной экономики. В этих случаях возможен «демографический взрыв» на первых этапах развития и быстрое снижение рождаемости в дальнейшем. Таким образом, переход от одной формации к другой может сопровождаться и серьезными изменениями в демографических процессах, что обязательно надо учи-

тивать в долгосрочном социально-экономическом планировании.

Не менее сложно обстоит дело с долгосрочным прогнозом (на 2—3 поколения вперед) тенденций демографических процессов в странах, где уже осуществлен переход к новому типу воспроизводства населения. Здесь можно говорить о различных гипотезах с той или иной долей вероятности. Во многом это связано с тем, что достаточно трудно определить при очевидной генеральной линии развития общества те конкретные изменения, которые произойдут в формах развития семьи, тенденциях генеративного поведения¹.

Все модификации теории демографической революции сходятся в пункте о неизбежности в перспективе для всего населения низкого уровня рождаемости, малодетной семьи при низкой смертности². Причины этого явления широко описаны в демографической литературе и нет надобности их повторять³. Это позволяет сформулировать положение о том, что обратный переход к многодетности и даже среднететности невозможен в массовом масштабе (мы не имеем в виду отдельные случаи)⁴. Добавим к этому, что речь идет в первую очередь именно о многодетной семье, т. е. об определенном типе репродуктивного поведения, отражением которого является соответствующий уровень рождаемости. Это важно отметить потому, что колебания чисел рождений под влиянием диспропорций возрастной структуры или изменений графика рождений всегда возможны. Так, рост числа рождений в СССР в 1970—1978 гг. в значительной мере вызван структурными факторами.

¹ Эти вопросы достаточно подробно впервые в нашей литературе рассмотрены в кн: *Араб Оглы Э. А. Демографические и экологические прогнозы*. М., 1978

² См: *Судоплатов А. П. Демографические концепции* М., 1974, с 92—100

³ См: *Управление развитием населения*. М., 1977; *Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения*. М., 1974 и т. д.

⁴ В некоторых работах встречаются до сих пор утверждения о том, что такого снижения в ряде районов СССР не будет или что его нельзя допустить, так как надо стремиться к высокой рождаемости. Х. А. Салимов пишет, что рождаемость в Средней Азии стабилизируется «в целом на высоком уровне» (см. *Салимов Х. Социально-гигиенические исследования Средней Азии*. Автореф докт дис Л., 1978, с 13).

В то же время даже если современный уровень невысокой рождаемости у основной массы населения страны в целом не изменится в 80-х годах, то начало снижения рождаемости в сельской местности республик Средней Азии и продолжение этого процесса в Казахстане, Молдавии, Азербайджане приведут к уменьшению общего уровня рождаемости по стране в целом.

Следует помнить, что темпы снижения рождаемости зависят от исходного ее уровня. Вряд ли поэтому у основной массы населения страны она может очень сильно измениться в ближайшие годы, хотя полностью исключить, как уже отмечалось, возможность перехода населения большей части страны (РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Прибалтики) к массовой однодетной семье, которая сейчас типична для населения крупнейших городов, нельзя.

Трудно определить и скорость и время перехода от многодетной семьи к малодетной в тех районах страны, где она еще существует. Однако опыт показывает, что там, где существует высокий образовательный уровень населения, экономика и промышленность развиваются быстрыми темпами, широко развита система информации и сфера услуг, т. е. произошло «накопление» качественных факторов, стимулирующих снижение рождаемости, этот процесс может идти достаточно быстро в историческом плане. Так, в очень короткие сроки совершился переход к новому типу рождаемости у большей части населения в нашей стране в 30-х годах в условиях сложных социальных сдвигов, которые происходили в эти годы.

Все это говорит о том, что в исторически небольшой срок, видимо, уже за пределами XX в., в нашей стране может образоваться единый, низкий по интенсивности тип рождаемости.

На изменение интенсивности рождений могут повлиять и некоторые другие факторы. Так, введение в массовую практику высокоэффективных контрацептивов позволит уменьшить число рождений так называемых «нежеланных» детей¹, а по некоторым данным они составляют до 25% общего числа рождений.

¹ Сам термин «нежеланные дети» достаточно условен, поскольку даже если первоначально супруги не хотели иметь ребенка, после его рождения он часто становится таким же желанным, как и другие дети. Поэтому, видимо, лучше говорить о планируемых и непланируемых рождениях.

О влиянии контрацептивов на рождаемость можно судить по исследованиям зарубежных специалистов. Так, французские демографы подсчитали, что если бы во Франции в середине 60-х годов все семьи использовали контрацептивы со 100%-ной надежностью для достижения «идеального» размера семьи, то коэффициент рождаемости в этой стране снизился бы с 18 до 14‰, а коэффициент естественного прироста — с 7,5 до 3,54‰¹. В то же время использование надежных контрацептивов позволит значительно снизить число аборт, а значит, и величину вторичного бесплодия, т. е. в конечном счете увеличит число рождений как первых, так и особенно вторых детей. Напомним также, что современные гормональные контрацептивы, как показывают медицинские исследования, оказывают определенное благотворное влияние на некоторые функции женского организма.

Есть и еще одна, чисто психологическая, сторона проблемы малодетности. Нельзя исключить полностью то обстоятельство, что при благоприятном экономическом и социальном климате и росте престижа семьи как общественной ценности может произойти некоторый, естественно, небольшой подъем рождаемости в результате своеобразной «усталости» от малодетности.

Итак, в целом переход к массовой малодетной семье неизбежен и по стране в целом в исторически небольшой период (одно-два поколения) сформируется единый по интенсивности тип рождаемости.

Постепенно стабилизируется и возрастной состав населения². Конечно, «исправить», как иногда говорят, возрастную структуру населения в масштабе страны практически нельзя, она лишь может сглаживаться, выравниваться со временем при отсутствии каких-либо серьезных потрясений. И хотя этот процесс весьма длителен (как минимум около 3 демографических поколений), можно полагать, что где-то к концу первой половины XXI в. стабилизируется возрастная структура населения в целом по стране. Об этом в определенной мере свидетельствует и уменьшение брутто-потенциала демографического роста. Например, величина этого показателя для

¹ Population, 1966, July — August, p. 672.

² Напомним в этой связи о разработанном А. Я. Боярским правиле амортизации возрастной структуры (см.: Курс демографии. М., 1974, с. 184—186).

СССР составляла 1,47 в 1926 г., 1,35 в 1959 г. и 1,28 в 1970 г. Для Украинской ССР величина этого показателя была 1,79 в 1926—1927 гг., 1,25 в 1958—1959 гг. и 1,14 в 1969—1970 гг.¹ Понятно, что это отнюдь не исчерпывающая характеристика степени диспропорций в возрастной структуре, но определенное представление в этом плане она может дать.

Синтетическими измерителями деформации реальной возрастной структуры населения по сравнению со стабильной (т. е. гипотетической и пропорциональной структурой) могут быть предложенные С. И. Пирожковым показатели нестабильности возрастной структуры². Они основаны на предположении о том, что, чем меньше степень расхождения реальной и соответствующей данному режиму воспроизводства стабильной возрастной структуры, т. е. чем ближе индекс нестабильности к единице, тем успешнее идет процесс выравнивания реальной возрастной структуры населения. Естественно, что такие характеристики желательно иметь в динамике. Так, коэффициент нестабильности мужского населения Украинской ССР составлял в 1958—1959 гг. 0,79, женского — 0,87, а в 1969—1970 гг. — соответственно 0,86 и 0,93³.

Если говорить о процессах смертности, точнее, о перспективах ее снижения, то следует иметь в виду, что в ближайшей перспективе интенсивность смертности будет снижаться медленно, относительно невысокими, по сравнению с прошлым, темпами⁴. Чтобы ускорить эти темпы, нужны новые, поистине революционные открытия в биологии и медицине и широкое внедрение их в практику.

Дело в том, что даже ликвидация (что, естественно, пока возможно лишь теоретически) ряда эндогенных заболеваний, например смертности от злокачественных новообразований, позволит увеличить, по расчетам М. С. Бедного, продолжительность жизни (исходя из

¹ См.: Демографическое развитие Украинской ССР. Киев, 1977, с. 152.

² См.: Там же, с. 29—32.

³ См.: Там же, с. 32.

⁴ Конечно, в реальной жизни существует ряд факторов, которые оказывают влияние на тенденции многих процессов, в том числе смертности. Ими, например, являются последствия войн, что существенно сказывается на тенденциях смертности населения СССР в последние годы.

таблиц смертности гипотетического поколения при уровне показателей смертности СССР 1966—1967 гг.) для мужчин на 3,5 года, а для женщин — на 3,0 года. Ликвидация всей группы болезней сердечно-сосудистой системы может дать прирост продолжительности жизни на 4,0 года для мужчин и 4,6 года для женщин.

Даже если допустить такой гипотетический случай, что будут предотвращены все смерти от болезней органов дыхания, травм и несчастных случаев, злокачественных новообразований и сердечно-сосудистых болезней, продолжительность жизни условного поколения мужчин вырастет по сравнению с 1966—1967 гг. на 13,6 года, а женщин — на 10,0 года¹.

Естественно, что это во многом чисто гипотетические расчеты. Однако если учесть, что в 1965—1966 гг. средняя продолжительность жизни составляла для мужчин 65,7 года, а для женщин — 73,1 года, то по самым оптимистическим (а сейчас, можно уже сказать, сверхоптимистическим) оценкам к 2000 г. продолжительность жизни мужчин может вырасти до 77,5 года, а женщин — до 80,2 года.

Более осторожный, и скорее всего также завышенный, вариант этого прогноза предполагает, что к 2000 г. у мужчин продолжительность жизни будет 71,1 года, а у женщин — 77,2 года², что примерно соответствует 74,3 года в среднем для обоих полов.

Напомним в этой связи, что средняя продолжительность жизни населения Швеции в 1972—1976 гг. составляла 72 года для мужчин, 78 лет для женщин и 75 лет для всего населения³. Поэтому приведенный прогноз теоретически достаточно реален, но лишь теоретически. В целом все варианты расчетов говорят о том, что резервы роста продолжительности жизни (по условному поколению) в принципе количественно не столь существенны, как в прошлом, даже при условии больших научных открытий, т. е. опять-таки нет прежней жесткой связи экономики и населения.

В снижении смертности есть и еще один серьезный резерв — это дальнейшее существенное улучшение усло-

¹ См.: *Бедный М. С.* Демографические процессы и прогнозы здоровья населения. М., 1972, с. 281.

² Там же, с. 281, 290—293.

³ См. Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 86

вий жизни человека, создание наиболее благоприятной среды обитания. Однако даже если это и произойдет в скором времени, то кумулятивный эффект всех этих мер скажется в полной мере лишь на тех возрастах, которые вырастут полностью в новых условиях, т. е. это опять-таки требует длительного времени. Словом, в ближайшие десятилетия прямое влияние улучшений экономических условий на тенденции смертности вряд ли будет столь существенным и непосредственным, как в прошлом.

В то же время любое изменение интенсивности заболеваемости и смертности оказывает большое влияние на экономику страны. Подчеркнем при этом, что снижение смертности может идти и при росте заболеваемости, поскольку летальность заболеваний сильно снизилась. Все это значительно осложняет анализ взаимосвязи экономических и демографических явлений.

Вместе с тем снижение смертности и заболеваемости населения, особенно трудоспособного возраста, имеет большое экономическое значение.

По расчетам специалистов к 1976 г. заболевания с временной утратой трудоспособности по сравнению с 1960 г. в промышленности снизились на 2,9 дня, что снизило потери, т. е., по сути, дало дополнительный прирост национального дохода на сумму 1,76 млрд. руб. Расчетами медиков установлено, что только массовая вакцинация против дифтерии и полиомиелита за вычетом расходов на эти меры позволила предотвратить за 8 лет возможные потери национального дохода на общую сумму 5,7 млрд. руб.¹ Ликвидация малярии в нашей стране привела к уменьшению потерь нетрудоспособности на 20,7 млн. рабочих дней, что обеспечило дополнительное увеличение национального дохода на 205,2 млн. руб. и экономию средств социального страхования и социального обеспечения в размере 82,9 млн. руб.² По расчетам Г. А. Попова полный экономический эффект от ликвидации полиомиелита составляет 2,9 млрд. руб. и дает 63 руб. выгоды на 1 руб. затрат.

Можно привести данные и о непосредственном экономическом эффекте от снижения смертности. Например,

¹ Известия, 1976, 5 мая.

² Медицинская газета, 1972, 9 июня. Конечно, методика этих расчетов достаточно условная, и приведенные цифры нужно, скорее всего, рассматривать как примерные оценки.

ущерб в связи с трудовыми потерями в случае смерти человека от активного туберкулеза составляет примерно 1254 руб., а общий экономический ущерб — 2282 руб. Словом, связь между процессами смертности и экономики существует реально, хотя и не в такой простой форме, как иногда кажется.

Существуют международные прогнозы изменения смертности в нашей стране. По последним оценкам экспертов ООН¹ средняя продолжительность жизни населения СССР в 1995—2000 гг. составит 67,1 года для мужчин и 76,0 года для женщин, а к 2025—2035 гг. по данным более раннего прогноза ООН она составит соответственно 72,3 и 77,5 года. Видимо, в отношении женщин этот прогноз достаточно реалистичен, учитывая, что уже сейчас их средняя продолжительность жизни достигает 74 лет. Что касается мужчин, то прогноз ООН, скорее всего, несколько завышен. Напомним, что по последним оценкам видного французского демографа Ж. Буржуа-Пиша максимальная величина продолжительности жизни, рассчитанной по методу условного поколения при устранении смертности от экзогенных заболеваний, составит 73,8 года для мужчин и 80,3 года для женщин².

Исследованием пределов продолжительности жизни занимались и советские ученые. В обстоятельном исследовании смертности и продолжительности жизни Б. Ц. Урланис определяет биологическую продолжительность жизни мужчин в 86 и женщин в 88 лет. Это несколько иной по сути своей показатель, чем максимальная величина предстоящей продолжительности жизни условного поколения, рассчитанная Ж. Буржуа-Пиша. Но и эти расчеты показывают относительную ограниченность современных резервов роста продолжительности жизни по сравнению с прошлым³.

Итак, в целом смертность, в том числе по структуре ее причин, вряд ли радикально изменится в ближайшие десятилетия. Следовательно, вполне можно допустить, что после выравнивания возрастной структуры населения, формирования единого типа рождаемости и медлен-

¹ World population trends and prospects by country, 1950—2000. Summary report of the 1978 assessment U N N. Y, 1979

² *Bourgeois-Pichat J* Futur outlook for mortality decline in the world, p. 34.

³ См. Урланис Б. Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978, с 251.

ной эволюции смертности в отдаленной перспективе, вероятно, установится определенный устойчивый по интенсивности тип воспроизводства населения¹. Это может быть по типу и расширенное воспроизводство населения, и простое, и даже суженное с тем или иным темпом.

Но каким бы ни был этот тип воспроизводства, он непременно будет основан на той или иной форме малодетной семьи. Другая важная черта будущего типа воспроизводства — его длительная устойчивость. По сути дела, речь идет о формировании для больших закрытых популяций того или иного типа стабильного режима воспроизводства. Разумеется, направленные меры социалистического общества (демографическая политика) могут изменить темпы этого процесса, но, в принципе, такой вариант демографического развития, как переход к стационарному (или близкому к нему) состоянию, исключать нельзя. По оценке экспертов ООН естественный прирост менее 1% будет достигнут в СССР в 2058 г., а нулевой прирост — где-то около 2075 г.²

Нельзя считать, что стабильный или даже близкий к нулевому прирост — явление совершенно новое в истории населения. Примерно в течение XVIII в., особенно в его середине, в таких странах Западной Европы, как Франция и некоторые другие, при мало меняющихся пропорциях возрастной структуры уровень смертности был близок к рождаемости, несмотря на то, что она была очень высока. Поэтому численность населения росла в эти годы очень медленно.

Отметим и еще одну особенность такого процесса: стабилизация численности населения не обязательно будет идти только по пути равномерного уменьшения темпов прироста населения. Под влиянием диспропорций возрастной структуры, которые хронологически могут совпадать со снижением рождаемости, в отдельные годы естественный прирост населения может быть отрицательным. Это отнюдь не неизбежный, но возможный вариант развития.

Анализируя эту ситуацию, следует, видимо, различать несколько понятий: стабильного и нулевого прироста в

¹ Естественно, что наши рассуждения относятся к стране в целом, т. е. к закрытой демографической системе.

² Краткий доклад о мировом демографическом положении в 1970—1975 гг. и его долгосрочных последствиях. ООН. Нью-Йорк, 1975, с. 69—73.

целом, простого воспроизводства населения, депопуляции. При этом, естественно, следует уточнить и само понятие воспроизводства населения применительно к закрытым системам.

Одним из самых распространенных терминов, часто принимаемых как синоним суженного воспроизводства населения и комплекса его последствий, является широко используемое понятие *депопуляции*. Оно обычно интерпретируется как демографическая катастрофа и становится своеобразным образом грядущего или уже начавшегося вырождения (будет или есть оно реально — другой вопрос) населения. Не отрицая высокого эмоционального накала этого понятия, попытаемся разобраться, что все же скрывается за ним, если обратиться к его первоначальному смыслу, а не к содержанию, которое сейчас в него вкладывают.

Четкого определения этого демографического понятия не имеется ни в одной из советских энциклопедий, ни в русских энциклопедиях — Брокгауза и Ефрона, братьев Гранат, — а также ни в зарубежных изданиях такого рода. Лишь в одной из имеющихся в СССР зарубежных энциклопедий — во французской энциклопедии прошлого века «Большой Ларусс»¹ — классической работе — нам удалось найти разъяснение термина *deropulation*. В нем говорится, что это выражение происходит от глагола *depeupler*, который в буквальном смысле означает «опустошать число жителей какой-либо территории», чаще всего под влиянием каких-либо чрезвычайных событий — войн, голода и т. д. В достаточно вольной трактовке этот термин можно перевести как «обезлюживание» какой-либо территории вследствие каких-либо событий.

В то же время в наиболее широко используемом сейчас понимании термину «депопуляция» лучше всего соответствовало бы понятие «вырождение населения», которое эмоционально более точно отражает суть этого термина. Но и в этом случае он будет иметь больше эмоциональный характер, чем строго научный. Поэтому для характеристики такого типа демографического воспроизводства нужно опять-таки найти тот рубеж, за пределами которого последствия сложившегося типа воспроизводства населения становятся в основном отрицательными.

¹ Grand dictionnaire universel du XIX siècle. 1870, t VI, p. 471, 481.

В нашем представлении таким рубежом является простое воспроизводство, поскольку длительное существование суженного типа воспроизводства населения во всех случаях нежелательно, хотя острота проявления его негативных последствий во многом зависит от параметров воспроизводства.

Понятие *суженного воспроизводства* следует, в свою очередь, рассматривать как многоплановое, поскольку по сути своей оно имеет много интерпретаций.

Прежде всего это такой тип воспроизводства для страны или региона (при отсутствии миграции), когда численность предыдущих поколений количественно меньше последующих, что в долгосрочной перспективе при возрастной структуре населения, близкой к стабильной, достаточно точно может характеризоваться динамикой нетто-коэффициентов воспроизводства в разных его формах¹.

Одним из новых вариантов нетто-коэффициентов воспроизводства населения является предложенный С. И. Пирожковым интегральный коэффициент воспроизводства (R_S), представляющий произведение обычного нетто-коэффициента (R_0) на нетто-потенциал демографического роста (V_N). Он позволяет учесть влияние на уровень воспроизводства населения диспропорций возрастной структуры населения. Так, обычный нетто-коэффициент воспроизводства населения УССР составлял в 1958—1959 гг. 1,049, а интегральный—1,201, а для 1969—1970 гг.—соответственно 0,962 и 1,038².

Очевидно, логическим развитием этой схемы может быть введение поправки (умножение) на потенциал демографического роста не обычного нетто-коэффициента (R_0), а так называемого очищенного нетто-коэффициента (R_a), предложенного Л. Анри и представляющего собой, по сути, произведение R_0 на соотношение продолжительности предстоящей жизни поколений дочерей (e_0') и матерей (e_0). Тогда в общем виде этот показатель — назовем его скорректированным нетто-коэффициентом (R_K) — будет рассчитываться по формуле

$$R_K = R_0 V_N \frac{e_0'}{e_0}.$$

¹ См.: Волков А. Г. О необходимости воздействия на рождаемость. — В кн.: Рождаемость. М., 1976, с. 38.

² См.: Демографическое развитие Украинской ССР. Киев, 1977, с. 152—153, 150.

Используя имеющиеся данные, попытаемся подсчитать интегральный нетто-коэффициент воспроизводства населения СССР в 1969—1970 гг. Известно, что R_0 в 1969—1970 гг. был 1,126, а V_N — 1,220¹. Тогда R_S будет составлять 1,374, т. е. значительно больше, чем в его классической форме

Расчет скорректированного показателя осложняется отсутствием ежегодно исчисляемых таблиц смертности по нашей стране. Однако если прибегнуть к ряду упрощений и воспользоваться данными о продолжительности жизни женщин за 1938—1939 и 1969—1970 гг., то R_K составит около 1,8. Расчет показателя в нашем случае сделан с рядом допущений, но он показывает, насколько серьезно меняют величину R_0 разного рода уточнения. А это еще раз подтверждает, что по одной динамике нетто-коэффициента нельзя судить о типе воспроизводства.

Более точное представление об уровне воспроизводства населения при искаженной по сравнению со стабильной возрастной структуре и меняющихся графиках рождений могут дать характеристики воспроизводства по методу реального поколения в сочетании с оценкой параметров простого воспроизводства этого поколения к концу репродуктивного возраста. Эти расчеты были произведены для поколения 1925—1929 гг. рождения Р. И. Сифман и Е. М. Андреевым и показали, что, например, эта когорта воспроизводилась на 114%, т. е. на 14% выше уровня простого воспроизводства².

Сложность такого подхода состоит в том, что он позволяет оценить конечные результаты воспроизводства того или иного отдельно взятого поколения, а не населения в целом.

Теоретически наиболее точными характеристиками воспроизводства населения могли бы быть показатели, учитывающие в комплексе влияние на степень возобновления поколений и естественного движения и миграции, являющейся главным фактором изменения численности и состава населения в регионе. Однако само влияние миграции на воспроизводство населения настолько сложно, особенно в региональном плане, что рассчитывать свод-

¹ См. Население СССР 1973, с 138, Андреев Е. Пирожков С. О потенциале демографического роста — В кн. Население и окружающая среда М., 1975, с 58

² См. Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР М., с 55

ные характеристики возобновления поколений чрезвычайно трудно. Во многом это связано с тем, что практически все показатели воспроизводства населения базируются на теории стабильного населения, в самой основе которой лежит гипотеза об отсутствии миграции.

Для приближенных расчетов можно использовать описанный выше интегральный коэффициент воспроизводства, если имеются показатели V_N в динамике, что в какой-то мере позволит учесть влияние изменений женской возрастной структуры населения под влиянием миграции. Однако это весьма условная характеристика, поскольку она не позволяет наряду с другими моментами учесть влияние изменений репродуктивного поведения мигрантов.

В целом количественным признаком суженного воспроизводства населения в регионе может быть устойчивая долговременная тенденция к уменьшению общей численности населения региона. Но это лишь самая общая и чисто количественная характеристика типа воспроизводства

Тип воспроизводства, при котором существующий режим рождаемости и смертности не обеспечивает расширенного воспроизводства, в последние годы наблюдается достаточно часто не только для отдельных частей той или иной страны, но и для ряда стран в целом. По оценкам французских демографов в 1977 г. из 34 промышленно развитых стран лишь в 14 степень замещения поколений была выше простого¹. К числу стран с суженным воспроизводством по этим оценкам в 1977 г. относились ФРГ, Япония, Скандинавские страны, США, Франция, Италия. Расширенное замещение поколений в 1977 г. наблюдалось в нашей стране, во всех других социалистических странах Европы (кроме ГДР), в Новой Зеландии и Испании.

Конечно, эти оценки были сделаны французскими демографами (Ж. Бирабеном) на основе так называемого совокупного индекса рождаемости, по сути своей близкого к суммарному коэффициенту рождаемости и не отражающего полной картины степени замещения поколений. Этот измеритель не позволяет выявить (в

¹ *Bourgeois Pichat* / La baisse actuelle de la fecondite en Europe s'inscrit elle dans le modele de la transition demographique — Population, 1979, № 2, p 269

принципе, это вообще возможно лишь с помощью целой системы измерителей) причины формирования такого типа воспроизводства. Он не отвечает также на вопрос: является ли этот тип эпизодическим следствием влияния разного рода структурных факторов или же генеральной тенденцией изменения интенсивности рождений. Однако несмотря на то, что приведенные данные требуют ряда уточнений, они показывают возможность хотя бы эпизодического существования суженного воспроизводства у больших групп населения.

Суженное воспроизводство как определенный социальный тип должно иметь соответствующие качественные параметры. Они могут проявляться в соответствующей форме сменяемости демографических структур, в степени соответствия этого процесса долгосрочным тенденциям социального и экономического развития общества, требованиям научно-технического прогресса. Однако в этом случае необходимы детальные исследования, чтобы определить тот рубеж, тот уровень простого воспроизводства структур, за пределами которого начинают сказываться отрицательные последствия существующих структур, т. е. опять-таки встает проблема определения параметров и критериев оптимального типа той или иной структуры, значения развития демографических структур как отражения динамики качества населения.

Прежде чем вернуться к проблеме стабильного населения и нулевого прироста как возможного варианта развития населения, отметим одно важное положение. Речь идет о понимании термина *воспроизводство населения* вообще. Его мы будем в данном случае рассматривать и как степень сменяемости поколений в зависимости от сложившейся интенсивности основных демографических процессов (рождаемости, смертности, миграции), и как степень возобновления разного рода демографических структур, что во многом позволяет выявить качественные аспекты сложившегося типа воспроизводства населения.

Говоря о проблеме нулевого и стабильного прироста, прежде всего необходимо отметить принципиальные различия этих сложных самих по себе явлений, каждое из которых имеет множество аспектов изучения. Особенно это относится к проблеме нулевого прироста, различные аспекты которого, в первую очередь не демографические, стали в последние годы широко исследоваться. Начнем с того, что с определенной долей условности можно раз-

личать понятие нулевого прироста в узком и широком смысле.

Под первым понимают стационарное состояние населения, т. е. длительно неизменную численность всего населения при отсутствии его естественного прироста. Такое состояние, как уже отмечалось, возможно лишь при неизменной возрастно-половой структуре населения и отсутствии большой внешней миграции. Иначе говоря, такое состояние соответствует классическому типу стационарного населения. Сроки и последствия формирования такого типа воспроизводства широко исследованы в демографической литературе. При таком типе воспроизводства могут быть неизменными или меняться с тем или иным темпом другие демографические структуры.

Анализ такого типа воспроизводства, как и многих других, имеет много сторон, в том числе и идеологическую. Известны работы, в которых переход к нулевому приросту рассматривается как единственный способ решения целого комплекса социально-экономических трудностей, в том числе нехватки продовольствия в развивающихся странах. Однако это тема специальной работы. Мы же остановимся на чисто демографических аспектах этой проблемы, которым также посвящено немало работ. Напомним в этой связи книгу А. Сови «Нулевой прирост», книгу Т. Фрейки «Будущее роста населения», ряд исследований ООН¹.

О долгосрочных тенденциях роста и возможной стабилизации численности населения СССР в перспективе писал еще в 60-х годах акад. С. Г. Струмилин. В последние годы эти вопросы наряду с другими рассматривались в работах Э. А. Араб-Оглы². Однако долгосрочные тенденции развития населения страны в целом изучены еще очень мало. Отчасти это связано с известным скептицизмом по отношению к сверхдолгосрочным прогнозам, поскольку их опыт в прошлом является поистине собранием ошибок и заблуждений. «...Прогнозы на 100—200—300—400 лет... почти полностью лишены научного значения,— пишет Б. Ц. Урланис.— Это не более, чем простые до-

¹ *Sauvy A Croissance zero*? P., 1973; *Freika T. The Future of population growth* N. Y, 1973, Документ ООН. E/conf. 60/CB. 4/15. 16. IV 1974.

² См. *Араб-Оглы Э. А. Перспективы роста мирового населения.*— МЭ и МО, 1976, № 4, *Он же* Демографические и экологические прогнозы. М., 1978.

гадки, пророчества, которые, можно сказать, так же далеки от науки, как знахарство от медицины»¹.

Видимо, в такого рода высказываниях есть много рационального, особенно для прошлого. В то же время вряд ли стоит отвергать всякое значение такого прогноза. Естественно, что речь идет об интервале не в 300—400 лет, а в 70—100 лет, т. е. на длину трех-четырех демографических поколений. Скептицизм по отношению к таким прогнозам во многом связан с тем, что они исчислялись в прошлом для периода, когда происходили существенные и принципиальные изменения в характере демографических явлений. Между тем большинство из них в той или иной форме исходило из положения о неизменности или изменении с небольшим постоянным темпом демографических процессов. Это, кстати, объясняет и тот факт, что прогнозы общей численности населения после окончания демографического перехода на основе экстраполяции тенденций прошлого на будущее могут быть более точными, чем в прошлом.

Конечно, говорить о статистически достоверных оценках на такой период достаточно сложно, ведь даже при прогнозе на 25—30 лет (примерно длина одного поколения), по мнению А. Я. Боярского, ошибка в 15—20% общей численности населения является вполне допустимой². Следовательно, на 50—100 лет вперед возможна ошибка в значительно больших размерах, т. е. сам прогноз в точном количественном плане становится весьма спорным.

В то же время горизонты планирования все время расширяются и необходимо, особенно при разработке ряда социальных программ, учитывать долгосрочные последствия различных типов воспроизводства населения. Это позволит выбрать наиболее желательный (оптимальный) тип воспроизводства населения и сопоставлять с ним возможные варианты развития населения с целью определения их точности. Однако при этом остается нерешенной задача определения вероятности того или иного варианта развития демографических процессов.

Когда речь идет о разработке такого рода прогнозов, то главное в них — определить верно основные тенден-

¹ Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР, с. 23.

² См.: Боярский А. Я. Население и методы его изучения М., 1975, с. 255—256. В данном случае речь идет о развивающихся странах.

ции, генеральные закономерности изменения демографических явлений, а не просто количественные параметры, ибо проблема таких прогнозов состоит в выборе наиболее вероятного варианта развития явлений.

Но определить будущие тенденции демографических процессов, хотя бы в общем виде, достаточно надежно можно лишь тогда, когда имеется сравнительно полное представление о последующих этапах развития населения. В этом смысле легче прогнозировать тенденции развития населения тех районов, где еще не закончился процесс демографического перехода. Однако проблема состоит в том, чтобы предугадать, что последует за тем этапом, когда будет закончен переход практически всего населения к малодетной семье и низкой смертности.

Этот этап, видимо, не последний в обозримой перспективе развития населения. Заключительным этапом является, вероятно, переход к практически стабильному, а возможно, и стационарному режиму воспроизводства населения в масштабах очень крупных регионов. Учитывая существующие диспропорции возрастной структуры, даже после формирования стационарной рождаемости и смертности для этого потребуются не менее трех демографических поколений, т. е. примерно 80—90 лет. Иначе говоря, это может произойти за пределами XX в.

По расчетам экспертов ООН (средний вариант)¹ население СССР приблизится к этой фазе примерно к 2058 г., Европы (без СССР) — к 2032 г., Северной Америки — к 2033 г., Африки — к 2098 г. К 2075 г. население СССР согласно этому прогнозу стабилизируется где-то на уровне 400 млн. человек. Численность населения Земли к концу XXI в. согласно этим расчетам стабилизируется примерно на уровне 12,1—12,3 млрд. человек.

Можно предполагать, как уже отмечалось, что следующим этапом в развитии населения (если не будет никаких серьезных биологических открытий, используя которые общество сможет существенно изменить сам характер воспроизводства населения) может быть период длительного стационарного состояния (или роста, но с весьма невысокими темпами) численности населения при большом динамизме ряда социально-демографических структур.

¹ См.: Краткий доклад о мировом демографическом положении в 1970—1975 гг. и его долгосрочных последствиях. ООН. Нью-Йорк, 1975, с 70—76.

Вернемся теперь к понятию нулевого прироста населения, которое соответствует его стационарному состоянию. В этом случае остается открытым вопрос о тенденциях развития демографических структур (кроме возрастно-половой) и последствиях этого типа воспроизводства. Теоретически (но только теоретически) можно представить и такое состояние, когда все социально-экономические структуры населения (социальная, образовательная, профессиональная и др) остаются неизменными или практически неизменными многие годы.

Однако более вероятен в этом случае такой вариант развития населения, когда при стационарных (или мало меняющихся) численности и возрастно-половом составе населения идут быстрые изменения ряда структур — меняется образовательный уровень населения, его распределение по профессиям, т. е. при стационарном количественном состоянии происходят серьезные качественные сдвиги в населении. По сути дела, такую ситуацию стационарным состоянием, или нулевым приростом, можно назвать лишь достаточно условно, так сказать, в широком его понимании.

Важно, что при такой ситуации не прекращается развитие населения, хотя в силу отсутствия количественного его роста перед обществом могут встать определенные и экономические и социальные проблемы. Однако возможность формирования такого состояния населения как этапа его длительного развития нельзя полностью исключить. При такой ситуации особую роль будут играть качественные аспекты развития населения, существенно влияющие на темпы научно-технического прогресса.

Особое значение в этом плане приобретает понятие стабильных темпов роста (или уменьшения) населения как варианта его развития, который иногда также приравнивают к нулевому приросту. Сразу отметим, что таковыми могут быть, во всяком случае теоретически, разные темпы — и низкие, и средние, и высокие. Но в долгосрочной перспективе реально возможны лишь невысокие, даже очень невысокие темпы прироста (или уменьшения) населения¹. Учитывая, что в перспективе массовой будет двух-трехдетная семья, что возможно увеличение общего

¹ Вопрос о желательности того или иного типа воспроизводства, по сути дела, проблема демографического оптимума. В силу своей важности он должен рассматриваться особо.

коэффициента смертности ввиду неизбежного старения населения и весьма реально некоторое снижение общего коэффициента рождаемости, можно полагать, что в этих условиях среднегодовые темпы прироста для длительного периода будут на уровне не более 0,5% в год.

Это означает, что лишь примерно за 200 лет исходная численность населения может удвоиться. При таких темпах роста может сохраняться устойчивая и пропорциональная структура населения, будет идти равномерная смена поколений.

Вышеизложенные соображения свидетельствуют, во всяком случае, о том, что проблема будущих тенденций развития населения даже в чисто демографическом смысле отнюдь не однозначна и требует большого внимания советских ученых.

Важно также, какими темпами будет идти формирование нового типа воспроизводства. Исследования Ж. Буржуа-Пиша и С. Теллеба показали, что даже при быстром снижении рождаемости «демографические волны» очень долго будут серьезно дестабилизировать экономику, работу системы просвещения и народного образования¹.

В условиях нашей страны быстрое снижение рождаемости возможно теоретически в республиках Средней Азии, где ее уровень сейчас достаточно высок. Но за счет высокого потенциала демографического роста, т. е. молодой возрастной структуры, в этом случае возникают серьезные колебания годовых чисел рождений, что осложняет функционирование всей экономической системы, особенно при низкой интенсивности миграции. Конечно, в условиях единой общности социалистических республик эти осложнения могут быть значительно смягчены за счет помощи из других районов страны. В этом преимущества социалистического строя. Тем не менее очень быстрое снижение рождаемости, как показывают расчеты, может привести к ряду негативных последствий; поэтому наиболее приемлемо постепенное, хотя и не очень долговременное, протекание этого процесса.

Что касается долгосрочной количественной оценки будущего населения Земли и отдельных стран, то эти расчеты, конечно, носят сугубо ориентировочный характер, но они помимо всего прочего свидетельствуют об

¹ Population, 1970, № 5, p 957—972.

отсутствии глобальной угрозы перенаселения, о нереальности гипотез бесконечного роста населения, о чем иногда пишут некоторые псевдодемографы.

В целом анализ генеральных тенденций развития населения показывает, что демографическая политика должна ориентироваться на создание расширенного типа воспроизводства на основе невысокой рождаемости, снижающейся смертности и высокой интенсивности миграции. Однако конкретные параметры такого типа воспроизводства нуждаются в специальном анализе. Большое значение с точки зрения оценки последствий различных типов воспроизводства населения, особенно в долгосрочной перспективе, могут иметь математические экономико-демографические модели имитационного типа. Однако их разработка, а главное, информационное обеспечение, и прежде всего с позиций анализа взаимозависимости экономических и демографических процессов, связаны с очень большими трудностями.

ГЛАВА II. О ЦЕЛЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Комплекс мер демографической политики, как и любая система управляющих мер, может быть реализован успешно лишь в том случае, если достаточно четко определена ее цель. Речь идет не только о той или иной теоретической ее формулировке, но и о конкретных параметрах желаемого состояния управляемого объекта.

В отношении процессов воспроизводства населения такое четкое определение задач особенно необходимо, поскольку цели управления демографическими процессами являются частью, элементом системы управляющих воздействий общества на социально-экономические процессы в целом. Поэтому отклонение реальных параметров демографических процессов от наиболее желательных с позиций долгосрочных интересов общества осложняет управление всей социальной системой. Выявление степени расхождения этих величин очень важно при выборе комплекса мер воздействия на демографические явления в желательную сторону. Отметим, что речь идет именно о сопоставлении процессов воспроизводства населения в целом, т. е. степени расхождения параметров динамических систем¹, а не их статического, т. е. моментного, состояния.

Определение наиболее желательного, т. е. оптимального, состояния системы, в нашем случае — типа воспроизводства населения, неизбежно ставит вопрос о критериях оптимальности развития как всей социальной системы, так и демографических процессов и, более того, населения в целом, каждый из компонентов которого сам по

¹ Как уже отмечалось в гл. I, наиболее полную картину процессов воспроизводства населения можно получить, анализируя во взаимосвязи все компоненты демографических процессов, а также динамику качества населения, т. е. процессы развития населения в целом

себе достаточно сложное явление¹. Таким образом, речь идет и о так называемых внешних критериях, т. е. генеральных критериях развития социально-экономической системы в целом, и соподчиненных с ними внутренних критериях развития собственно демографической системы, т. е., по сути дела, о иерархической системе критериев в целом. В этом смысле генеральный критерий развития общества агрегирует воздействие других критериев².

В то же время критерии развития собственно демографической системы в силу многообразия связей ее с другими социально-экономическими явлениями разнообразны и часто противоречивы, особенно если сопоставлять их вне учета влияния генерального критерия. Поэтому выбор параметров оптимального типа воспроизводства населения с позиций одного (например, экономического) критерия, вполне приемлемый с методической точки зрения в целях упрощения анализа, может в реальной жизни привести к неточным, а иногда даже неверным оценкам.

Однако положение облегчается тем, что с позиций генеральных тенденций развития населения диапазон вариаций демографических процессов, особенно процессов рождаемости, в перспективе достаточно ограничен, о чем уже говорилось в гл. I. Поэтому параметры предпочтительного с точки зрения долгосрочных интересов общества типа воспроизводства находятся, в принципе, в пределах сравнительно малой зоны — малодетной семьи. Ее размеры еще более ограничиваются, если учесть сложный и многообразный комплекс в основном негативных последствий суженного воспроизводства населения. Тем не менее проблема определения параметров наиболее желательного, т. е. оптимального, типа воспроизводства остается достаточно сложной задачей. Это объясняется еще и тем, что при выборе цели демографической политики речь идет об определении параметров устойчивого в течение длительного периода типа воспроизводства насе-

¹ О критериях оптимального воспроизводства населения см.: *Кваша А. Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР*. М., 1974.

² Проблемы выбора генерального критерия народнохозяйственного развития освещены во многих изданиях. Им был посвящен и специальный семинар в 1979 г. (См.: *Экономика и математические методы*, 1979, № 6).

ления, т. е. типа воспроизводства не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня.

Проблема целей демографической политики не ограничивается масштабами страны в целом, существуют специфические вопросы о критериях и параметрах как целей демографической политики для отдельных регионов страны, так и методов их достижения в зависимости от специфики экономического и исторического развития того или иного региона. Однако во всех случаях они соотносятся как соподчиненная часть всей демографической системы с интересами системы в целом.

В этой работе вопросы демографического оптимума мы будем рассматривать лишь с позиций целей демографической политики, т. е. мы не будем касаться многих других ее аспектов, например различных буржуазных концепций теории демографического оптимума, их идеологической и методической сути.

Активизация изучения проблем демографической политики в нашей стране во многом способствовала развитию изучения проблем демографического оптимума, хотя новых специальных публикаций по этим вопросам в последние годы очень мало¹. В той или иной степени эти вопросы затрагиваются во многих исследованиях, прежде всего с позиций определения цели демографической политики. Так, например, Б. Ц. Урланис пишет, что решение задачи по оптимизации демографических параметров «должно быть условием ликвидации возможности депопуляции»².

О проблеме оптимизации процессов рождаемости пишет В. А. Борисов³. В. И. Козлов отмечает, что конкрет-

¹ Необходимо отметить в этом плане ст.: *Пискунов В. П.* Эскиз общей схемы демографического представления о самовоспроизведении народонаселения (К уточнению основ теории демовоспроизводства). — Демографические тетради, 1974, № 9, где специальный параграф посвящен критическому разбору работ по проблеме демографического оптимума. Эти же вопросы рассматриваются и в ст.: *Стещенко В. С., Пискунов В. П.* Актуальные вопросы дальнейшего развития теоретических основ демографической политики. — В кн.: Теоретические проблемы демографии в свете решений XXV съезда КПСС. Киев, 1978. Истории и социально-идеологической актуальности изучения проблем демографического оптимума посвящена работа: *Рубин Я. И.* Оптимум населения: что за этим понятием? Минск, 1979.

² *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР, с 283.

³ См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1976, с 221—233.

ная политика народонаселения должна проводиться «с целью достижения оптимальных темпов роста населения, которые при данном исторически сложившемся уровне развития производительных сил и других объективных обстоятельств обеспечивают в конечном счете наибольший прирост дохода на душу населения, наилучшие условия для социально-экономического и культурного развития»¹. Об оптимальном уровне рождаемости для семьи и общества пишет А. Г. Волков².

Концепция демографического оптимума достаточно широко используется в ряде работ Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ, в том числе в работах «Система знаний о народонаселении» (М., 1976), «Управление развитием народонаселения в СССР» (М., 1976).

Остановимся в этой связи на нескольких моментах. Во-первых, многие авторы стали поддерживать тезис о том, что целью демографической политики является создание оптимального типа воспроизводства населения, хотя трактовка сути самого понятия *оптимальный тип воспроизводства* далеко не одинакова. Практически во всех работах разделяется мнение о том, что оптимальным не может быть суженное воспроизводство со всеми его сложными и в основном негативными последствиями. Словом, концепция демографического оптимума как цели демографической политики стала достаточно распространенной, ее поддерживают, с ней спорят, причем часто достаточно остро. Поэтому имеет смысл прежде всего перейти к сути спора, изложить некоторые дополнительные соображения по этому вопросу.

Всякое изучение целей демографической политики, т. е. параметров наиболее желательного в долгосрочной перспективе типа воспроизводства населения коммунистического общества, требует учета большого числа противоречивых факторов и прежде всего понимания роли демографического фактора в развитии общества, механизма взаимосвязи социально-экономического и демографического развития. Поэтому правы В. С. Стешенко и В. П. Пискунов, подчеркивая особое значение теоретиче-

¹ Козлов В. И. Этническая демография. М., 1977, с. 147.

² См.: Волков А. Г. О необходимости воздействия на рождаемость. — В кн.: Рождаемость, с. 51—57.

ских исследований на основе обобщения имеющихся материалов на современном этапе развития демографии¹.

Остановимся на правомерности постановки проблем демографического оптимума вообще, поскольку до сих пор имеются сомнения в возможности такого подхода к решению демографических проблем.

Хотя дискуссия о правомерности постановки проблемы системы оптимального функционирования социалистической экономики отнюдь не завершена, возможность и необходимость принципиальной постановки и решения этой проблемы с позиций марксистско-ленинской теории обосновывается, правда, не всегда однозначно, в большом числе работ, и не только экономико-математических, но в последние годы и политико-экономических².

Само по себе понятие оптимума — одно из самых фундаментальных в экономике. Его можно употреблять применительно к демографическим процессам в нескольких значениях³. Оно, в частности, может выражаться в определении наилучшего с позиций выбранного критерия (или нескольких критериев) состояния оптимизируемой системы, в нашем случае выражающегося в соответствующих значениях характеристик типа воспроизводства населения и его компонентов. Это желаемое состояние демографической системы, учитывая неизбежность случайных вариаций процессов воспроизводства населения, должно «укладываться» в достаточно узкие пределы колебаний демографических характеристик. Иначе говоря, речь идет об определенной зоне, пределах вариаций характеристик воспроизводства населения, в границах которых сам тип воспроизводства остается оптимальным. Отметим также, что масштабы колебаний различных компонентов оптимального типа воспроизводства могут быть неодинаковы, но степень этих расхождений не может быть большой. Подчеркнем, что речь идет

¹ См.: Актуальные вопросы дальнейшего развития теоретических основ демографической политики. — В кн.: Теоретические проблемы демографии в свете решений XXV съезда КПСС. Киев, 1978, с. 4—9. Добавим к этому, что развитие таких исследований должно касаться развития теории населения всех уровней, а не только высшего.

² См., например: Дунаева В. С. Экономические законы социализма и проблема народнохозяйственного оптимума. М., 1976; в ряде работ А. Я. Боярского, а также во многих статьях в журналах «Экономико-математические методы» и «Плановое хозяйство».

³ См.: Лопатников Л. И. Краткий экономико-математический словарь. М., 1979, с. 191.

о характеристиках состояния системы, т. е. о динамических характеристиках оптимального процесса.

Устойчивость параметров оптимального типа воспроизводства населения имеет большое значение и с позиций проведения демографической политики, ибо если параметры и цели ее часто меняются, то эффективность демографической политики с социально-экономической и психологической точек зрения становится малореальной. Ведь в отношении населения, особенно его естественно-воспроизводства, практически невозможно использование разного рода резервов, позволяющих в экономике компенсировать изменение целей, например путем переключения заводов на новую продукцию обеспечивать резкое увеличение выпуска каких-либо новых изделий. В демографическом аспекте в масштабе СССР таким «резервом» могла бы быть лишь значительная внешняя миграция, что мало вероятно, по крайней мере в ближайшей перспективе.

Понятие оптимума вообще и демографического в частности часто применяется для характеристики изменения реального состояния системы в желательную сторону. В нашем случае речь идет о процессе оптимизации всех компонентов воспроизводства населения¹.

В самом общем виде под оптимумом как научной категорией понимается совокупность наиболее благоприятных условий функционирования и развития системы. Следует подчеркнуть, что такой сложной и многообразной системе, как общество и его экономика, в принципе, присуща тенденция к созданию эффективного режима функционирования, оптимальной интенсивности различных процессов, наиболее рациональных пропорций подсистем, входящих в систему.

Эти закономерности проявляются лишь как тенденция, и социалистическое общество направленными мерами

¹ Это важно подчеркнуть не только в силу многообразности связей и неразрывности видов движения населения и демографических структур, но еще и потому, что некоторые авторы (см статью В. С. Стешенко и В. П. Пискунова «Актуальные вопросы дальнейшего развития теоретических основ демографической политики»), разбирая данную концепцию демографического оптимума, полагают, что в ней речь идет лишь об одном естественном движении. Это не так. Наша концепция касается формирования *оптимального типа воспроизводства* населения в целом. Понятно, что работа в этой области, особенно по моделированию таких процессов, только начинается.

при правильном представлении о критериях и параметрах компонентов оптимального развития может ускорить (или замедлить) эти процессы.

Само по себе общество и его экономика, как известно, являются сложной иерархической системой, причем каждый из элементов такой системы может иметь свои критерии оптимальности, которые тесно связаны (хотя такие связи отнюдь не функциональные) с другими подсистемами общества. Нарушение пропорций оптимальности внутри каждой из таких подсистем может отрицательно сказаться и на режиме функционирования всей системы. Роль демографического, населенческого компонента в развитии общества и народного хозяйства чрезвычайно велика и многообразна; дисгармоничность развития народного хозяйства, общества в целом, с одной стороны, и демографического блока — с другой, может отрицательно сказаться на развитии общества и его экономики.

Развитое социалистическое общество всемерно заинтересовано в повышении эффективности функционирования народного хозяйства, поэтому оптимизация развития народного хозяйства, в том числе развития населения, является важной теоретической и практической задачей. «...Сейчас нет дела более важного,— отмечал Л. И. Брежнев на собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы,— чем хозяйское, предельно рациональное использование всех наших возможностей и богатств»¹.

Наличие единой цели общественного производства — необходимое, но недостаточное условие существования проблемы оптимума вообще и демографического в частности. Другое важное условие — возможность существования различных вариантов развития этой системы. В нашем случае это возможность существования различных вариантов развития тех или иных видов движения населения, которые, как известно, могут менять свою интенсивность по-разному, а также вариантов изменения качества населения.

Наибольшей вариабельностью и динамичностью обладают некоторые структуры населения, в том числе образовательная и особенно профессиональная структуры. Существенно может меняться и размещение населения по территории страны. Вопрос об оптимальном соотно-

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1979, т. 7, с. 620.

шении этих структур и их связи с процессами движения населения — это особая тема¹; в таких вопросах проявляется с наибольшей остротой проблема лага времени между принятием решений и созданием этой структуры. Ведь речь идет об определении критериев и параметров оптимума с позиций будущего, причем не только с точки зрения требований научно-технического прогресса, но и ряда социальных проблем, учитывая срок подготовки специалистов. Для нас сейчас важно, что такого рода структуры в принципе могут быть достаточно изменчивыми.

Особое положение среди демографических структур занимает возрастно-половая, которая, как известно (если не учитывать влияние чрезвычайных событий типа войн и других социальных потрясений), определяется в первую очередь динамикой процессов рождаемости, а для отдельных регионов страны — миграцией. В этом смысле возрастно-половая структура детерминирована параметрами естественного и миграционного движения населения и экзогенно мало вариабельна. Иначе говоря, в масштабе страны лишь изменения параметров естественного движения во времени могут изменять эту структуру.

Более динамична возрастно-половая структура в отдельных регионах, особенно при большой миграции населения. Этот процесс может привести к формированию очень искаженной по сравнению с рациональной возрастно-половой структуры, примером чего является сельское население Нечерноземной зоны РСФСР.

Мало изменчива во времени и национальная структура. Однако проблема ее оптимизации в условиях многонационального состава СССР — это долгосрочная социальная задача постепенного слияния наций в единую коммунистическую общность через расцвет каждой нации; в принципе, тут нет других путей развития, хотя скорость такого процесса в определенной мере зависит от политики общества.

В целом можно полагать, что многие структуры населения обладают достаточно большой вариабельностью, поэтому к ним возможен оптимизационный подход. Но поскольку через динамику демографических структур

¹ Одной из немногих специальных работ в этой области является монография Е. С. Самойловой «Население и образование» (М., 1978).

проявляется во многом развитие качества населения, можно полагать, что и динамика качества населения может не только меняться с разной интенсивностью, но и быть внутренне различной за счет неодинаковой скорости изменений демографических структур.

Несколько иначе обстоит дело с собственно демографическими явлениями — естественным и миграционным движением населения. Здесь, как известно, возможности вариаций параметров демографических процессов далеко не одинаковы у разных видов движения населения.

Наименее вариабельна в современных условиях, т. е. после перехода к малодетной семье, динамика рождаемости. Как показывает ряд исследований¹, переход к малодетной (1—3 ребенка) семье — исторически неизбежный процесс. Именно в рамках малодетной семьи следует в первом приближении искать параметры оптимального типа воспроизводства с позиций рождаемости. Поле этого поиска значительно сужается, как уже отмечалось, если исходить из посылки о том, что оптимальным не может быть суженное воспроизводство. В этом случае теоретически возможности вариаций процессов рождаемости весьма ограничены, поскольку ими может быть (если речь идет о малодетной семье) лишь двух-трехдетная семья. Опять-таки это при условии, если оптимальным является уровень рождаемости, обеспечивающий слегка расширенное воспроизводство населения. Таким образом, с позиций чисто оптимизационного подхода имеющиеся возможности вариации процессов рождаемости достаточно ограничены.

Но все это относится к периоду, когда уже закончен переход к низкой рождаемости. В тех же районах, где этот процесс продолжается или начинается, темпы изменения рождаемости могут быть очень большими. Однако это переходный этап в развитии рождаемости, поэтому оптимизационный подход здесь вряд ли применим.

Если же подходить к оптимальному типу рождаемости как к цели демографической политики, то решать эту проблему надо с учетом двух важных моментов. Во-первых, наиболее желательный по интенсивности тип рождаемости можно выделить лишь как элемент оптимального типа воспроизводства в целом, т. е. необходимо учи-

¹ См., например: Управление развитием народонаселения СССР; Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР и др.

тывать существующий режим смертности, а для регионов — и миграции.

Во-вторых, определение параметров оптимального типа рождаемости, а значит, и комплекса мер демографической политики, необходимо проводить применительно к сложившейся реальной демографической ситуации. Если в отношении большинства населения нашей страны, где господствует малодетная семья, меры демографической политики должны быть направлены на стимулирование рождаемости или сохранение сложившегося ее уровня, то иначе обстоит дело с другими районами страны, где существует высокая рождаемость или еще идет переход от высокой к низкой рождаемости, т. е. не закончился демографический переход.

Хотя желательной и единственно возможной представляется сравнительно низкая рождаемость, меры демографической политики в условиях социалистического общества не могут быть использованы в целях ускорения снижения рождаемости в районах с высоким ее уровнем, поскольку это противоречило бы самой сути социальной и национальной политики нашей страны. Более того, до сих пор республики Средней Азии получают большую помощь от других республик страны не только (а сейчас и не столько) в чисто экономической форме, но и в форме подготовки кадров, особенно для самых перспективных областей науки и техники. Поэтому переход к средней, а потом и к низкой, рождаемости произойдет, а в таких республиках, как Азербайджан, Казахстан, Армения, он уже идет, лишь как следствие социально-экономического развития этих регионов, под влиянием которого сформируется и новое репродуктивное поведение.

Что касается процессов смертности, то поскольку в условиях социалистического общества существует лишь один желательный путь их дальнейшего изменения — хотя и неравномерное, но снижение ее по возрастной интенсивности, то здесь вариабельность развития достаточно жестко ограничена возможностями медицинской науки и темпами развития органов здравоохранения, возможностями быстрого внедрения новых достижений науки в широкую лечебную практику.

Гораздо более вариабельны под влиянием социально-экономических факторов процессы миграции, которые могут меняться не только в количественных пределах, но и по своему направлению, и по возрастно-половой и обра-

зовательно-профессиональной структуре мигрантов, т. е. в значительной степени в качественном аспекте. Изменения эти могут происходить значительно быстрее по сравнению с динамикой других компонентов демографических процессов.

Таким образом, элементы демографических процессов обладают разной степенью variability. Однако оптимальный тип воспроизводства складывается из сочетания различных параметров всех этих процессов, что увеличивает общую их изменчивость; поэтому формирование его может идти при одних и тех же формальных характеристиках режима воспроизводства, но различных уровнях интенсивности компонентов демографических явлений, т. е. с учетом дифференциации их variability. Это говорит о том, что в принципе сама постановка задачи на оптимальный тип воспроизводства правомерна применительно к демографическим явлениям (естественно, при расширенном понимании сути самих демографических процессов) и с позиций исторической перспективы.

Внутренняя сложность процессов развития населения подразумевает, что критерий оптимальности (или их система), в том числе экономической, лишь в самом обобщенном виде может быть представлен каким-то одним показателем, по сути своей таким же синтетическим, как показатель средней продолжительности жизни в отношении процессов смертности¹.

Как крайне агрегированную величину следует рассматривать и такой измеритель эффективности экономико-демографического развития, как среднедушевая величина национального дохода². Поэтому критерий оптимальности экономико-демографического воспроизводства должен измеряться на более детальном уровне целой системой показателей.

Но сама проблема критерия оптимальности демографического развития имеет еще одну сторону. Дело в том, что помимо экономического критерия могут быть и

¹ Известно, что при сравнительно высоком и мало меняющемся уровне этого показателя величина ее может оставаться практически неизменной, например при снижении младенческой смертности и росте интенсивности смертей в средних или старших возрастах.

² Проблема критериев эффективности экономического развития, как уже отмечалось, — одна из самых сложных и дискуссионных в нашей литературе, мы ее здесь не затрагиваем.

иные — политические, идеологические, оборонные, социологические, экологические, уровень обеспеченности природными ресурсами и некоторые другие. Их совместное использование может привести к довольно сложным результатам, поскольку иногда они противоречат друг другу.

Так, например, с позиций чисто экономических и экологических в ряде случаев желательны (при прочих равных условиях) сравнительно небольшие темпы воспроизводства населения. В то же время некоторые политические и идеологические (особенно религиозные) установки могут ориентировать население на высокую рождаемость с целью скорейшего освоения имеющихся неиспользуемых территорий или исходя из положения о том, что международный авторитет страны определяется во многом темпами роста числа его жителей и их общей численностью.

Таким образом, само существование системы критериев оптимальности обуславливает необходимость поликритериального подхода, иерархии критериев оптимального типа развития населения. В этой системе необходимо выделить ведущий, доминирующий критерий, с которым согласуются, соподчиняются все остальные.

Представляется, что им может быть политический, точнее, социально-политический критерий, который в соответствии с требованиями основного закона формации определяет главные цели общественного развития, а следовательно, и всех остальных элементов развития общества. Именно под этот критерий — основной закон формации (формулировка его — особая задача) — и должны «подстраиваться» другие критерии.

На разных этапах развития социалистического общества роль и место различных критериев оптимального типа воспроизводства населения, их иерархия по отношению к главному критерию могут меняться. Так, в 20—30-х годах для нашей страны особое значение имели высокие темпы экономического развития, необходимость в исторически короткие сроки решить ряд важных социальных и политических задач, поэтому чисто экономический критерий в иерархии критериев был на втором месте после главного, общеполитического. Фактор времени был решающим в тот период, и это во многом определяло в условиях ограниченных технических возможностей, недос-

таточного качества населения необходимость экстенсивного использования трудовых ресурсов.

На современном этапе все более и более выдвигается вперед значение проблем эффективности производства, экономии ресурсов и охраны окружающей среды. В этих условиях особенно большое внимание приобретает фактор качества населения как важнейшего элемента научно-технического прогресса, что во многом влияет и на темпы роста населения в целом, в том числе на составляющие демографических процессов.

В проблеме иерархии критериев есть еще один аспект. Речь идет о соотношении критериев генерального (в данном случае общесоюзного) и региональных критериев оптимального типа воспроизводства. Это особенно важно в отношении экономических критериев. На уровне регионов критерии развития населения могут сильно различаться. В частности, может ставиться задача ускоренного социального, в том числе и экономического, развития того или иного региона; в связи с этим нужны меры по росту темпов заселения региона и многие другие. Но все они должны быть подчинены генеральным интересам, в том числе экономическим, страны в целом.

Могут быть и различия в отношении к параметрам оптимального типа воспроизводства, прежде всего в отношении рождаемости и миграции, и на уровне семьи и общества. Суть их в том, что, несмотря на единство социальных целей развития общества и его ячейки — семьи, на определенных этапах развития между ними могут возникнуть известные расхождения.

А. Г. Волков справедливо отмечает, что многие меры воздействия на демографические процессы в масштабе общества (макроуровень) возможны лишь через семью (микроуровень)¹. Не останавливаясь специально на проблеме потребностей в детях и на их месте в системе потребностей семьи, отметим, что эта, так сказать, демографическая группа потребностей сформировалась под влиянием генеральных тенденций развития общества. Если на ранних этапах его развития высокой была экономическая ценность (сам по себе достаточно условный термин) детей для семьи, бóльшая их величина (во всяком случае, по числу рождений) была непременным услови-

¹ См. об этом: *Волков А. Г. О необходимости воздействия на рождаемость.* — В кн.: *Рождаемость*, с 51—56.

ем общественного бытия, то сейчас положение в корне изменилось.

Экономическая ценность детей для семьи сейчас скорее отрицательная, чем положительная. Дети, по сути дела, — объект длительных «капитальных» вложений (как средств, так и особенно времени) для родителей, реальная чисто экономическая «отдача» от них очень невелика, ибо обеспечение в старости берет на себя общество, а длительность их «созревания», не столько физического, сколько социального и профессионального, все время увеличивается. Родители в той или иной форме часто помогают детям практически до достижения ими определенного житейского и материального статуса, не говоря уже о помощи в воспитании внуков. Так что экономическая отдача от детей — дело прошлое.

Достаточно распространена точка зрения о том, что рождаемость всегда будет сохраняться на каком-то уровне в силу существования естественной потребности в родительстве, «инстинкта продолжения рода». Однако, как справедливо отметил В. А. Борисов, это положение принимается на веру, без доказательств¹. В действительности потребность в детях, как отмечает А. И. Антонов², есть определенное социально-психологическое состояние индивида (добавим к этому — и семьи в целом)³, когда при отсутствии детей индивид испытывает затруднения как личность, а семья, по нашему мнению, — дискомфортность по отношению к другим семьям, если большинство их имеет детей.

Не касаясь здесь подробно роли потребностей в детях, возможностей удовлетворения одной потребности разными элементами, отметим, что роль детей все более и более сводится к престижному их значению, а значит, в какой-то мере к заменяемому другими элементами компоненту обязательного набора жизненных ценностей

¹ Убедительный, по нашему мнению, разбор несостоятельности этой концепции содержится в работе: *Борисов В. А. Перспективы рождаемости*, с. 174—183.

² См.: *Антонов А. И. Социология рождаемости*. М., 1980.

³ Отметим, что потребности в детях супругов могут различаться, как и представление о желаемом числе детей у разных поколений в сложной семье. Поэтому само понятие «мнение семьи» достаточно условно, хотя масштаб различий в мнениях супругов по мере перехода от многодетной к малодетной семье уменьшается.

семьи. Если же дети все более и более становятся ценностью не материальной, а, скорее, психологической, то тем шире проявляется возможность замены ее, точнее, компенсации этой потребности, другими ценностями, новыми жизненными благами. Следует при этом учесть и огромный объем информации о новых жизненных благах, которые получает семья ежедневно и даже ежеминутно. Вспомним, что еще сравнительно недавно, лет 30—40 назад, одно-двухдетная семья в русском селе была явлением исключительным, даже осуждаемым общественным мнением. Сейчас же однодетная семья считается там терпимой и даже вполне приемлемой.

Все это говорит о том, что в принципе нельзя исключить возможность не только перехода к массовой однодетной, но даже и бездетной семье, хотя темпы перехода от одного типа семьи к другому в процессе этого перехода замедляются. О том, что такой вариант развития тенденций рождаемости нельзя полностью исключить, косвенно свидетельствует увеличение протогенетических (между вступлением в брак и первым рождением) интервалов и их существенная дифференциация в зависимости от образовательного уровня матери.

Так, по данным ряда обследований, проведенных кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения 1-го Московского медицинского института, в Тамбове среди супругов со средним образованием протогенетический интервал составлял 11,6 месяца, а с высшим — 14,9 месяца. Только 15,3% обследованных семей Вильнюса (большинство женщин было в возрасте от 25 до 29 лет и это сказывается на их намерениях скорее иметь первого ребенка) считают, что желательно иметь первенца на первом году брака. В то же время 32,3% опрошенных желаемый протогенетический интервал определили от 1 до 2 лет, 33,3% — от 2 до 3 лет и примерно 19,1% — более 3 лет. Однако чем раньше рождается первый ребенок, тем больше шансов (при прочих равных условиях) для рождения второго, тем чаще он появляется в семье¹.

Рост протогенетических интервалов — один из косвенных признаков усиления ограничения рождаемости и свидетельство принципиальной возможности перехода не

¹ См.: Каткова И. П. Особенности демографического поведения семьи в первые годы брака. — В кн.: Молодая семья. М., 1974.

только к массовой однодетной, но даже в ряде случаев и бездетной семье. Подчеркнем, что это достаточно косвенный аргумент в пользу возможности массовой бездетной семьи, а точнее говоря, супружеской пары. Выявить реальность существования этих процессов можно лишь на основе данных о динамике численности супружеских пар, которые при хорошем состоянии здоровья не хотят иметь совсем детей. Уточним, что речь идет о тех парах, которые могут, но в силу каких-то причин вообще (а не в данный конкретный момент) не желают иметь детей. Этот вопрос нуждается в специальном глубоком исследовании, сейчас информации такого рода почти нет.

Конечно, темпы роста этого процесса, если он будет иметь место, могут быть совсем иными, чем, скажем, переход от шестидетной к пятидетной семье. Они будут значительно медленнее, но в принципе исключить появление таких тенденций, на наш взгляд, нельзя. Надо учесть при этом и большую устойчивость во времени таких вновь сложившихся стандартов демографического поведения, а значит, и длительность возможных мер по их исправлению.

Но ведь общество заинтересовано в поддержании определенного режима рождаемости, который, как показывает ряд исследований, должен обеспечивать, как минимум, простое воспроизводство населения, чтобы не допустить появления суженного воспроизводства¹. Таким образом, на первый взгляд общество заинтересовано больше, чем каждая семья, в поддержании определенных темпов роста населения, в недопущении создания массовой двухдетной и тем более однодетной и бездетной семьи.

Но такие противоречия между интересами общества и семьи существуют чисто внешне, поскольку долгосрочные цели социалистического общества состоят в ускоренном развитии экономики и культуры нашей страны, росте материального благосостояния населения, развитии его культуры, т. е. в конечном счете направлены на дальнейшее развитие семьи, рост ее материального благосостояния, а значит, и создание условий (экономических, юридических и психологических) для формирования нового (или реализации существующего) типа репродук-

¹ Говоря о суженном воспроизводстве, мы имеем в виду режим, который характеризуется не просто нетто-коэффициентом меньше единицы, но целой системой разных характеристик (см. гл. I).

тивного поведения. Этому будет способствовать и комплекс мер демографической политики.

Остановимся еще на одной проблеме формирования оптимального типа воспроизводства, опять-таки лишь с позиций цели демографической политики. Представляется, что у демографической политики в нашей стране должна быть одна определенная цель — создание принципиально единого для страны типа воспроизводства населения, т. е. в перспективе в стране должен сформироваться единый по *интенсивности тип воспроизводства населения*, прежде всего единый (естественно, в статистическом смысле) тип рождаемости. Когда мы говорим о едином типе интенсивности процесса, например рождаемости, то имеется в виду прежде всего близость характеристик исчерпанной рождаемости по когортам, несущественная разница в окончательных итогах репродуктивной деятельности поколений. Это важно отметить, поскольку график рождений и их годовые числа в тех или иных районах страны могут варьировать по разным причинам (семейным, бытовым, климатическим, из-за влияния конъюнктурных моментов и др.) и достаточно существенно.

Несколько иначе дело обстоит с тенденциями смертности. Здесь в силу ряда причин социально-гигиенического плана, различий в природных условиях районов и их экономической структуры возможны и даже неизбежны некоторые, но не принципиальные, региональные вариации продолжительности жизни. Однако масштаб таких расхождений может и будет постепенно уменьшаться. Разумеется, речь идет о больших демографических совокупностях, поскольку всегда будут существовать те или иные профессии, связанные с повышенным риском для здоровья и даже жизни.

Постепенно будут сглаживаться и этнические различия в интенсивности миграции, хотя это достаточно длительный процесс и во многом он будет идти за счет быстрого роста интенсивности перемещений тех национальностей, территориальная подвижность которых в прошлом (и пока сейчас) невелика.

Что касается развития демографических структур, то в силу неизбежных различий в экономике отдельных частей страны будет существовать и дифференциация демографических структур. Это в течение определенного

периода может вести к существованию принципиальных различий в качестве населения отдельных регионов.

В целом тенденция к сближению интенсивности процессов движения населения регионов объективно предопределена общностью генеральных целей развития нашей страны, постепенным выравниванием существующих еще (хотя и несущественных) различий в образовательном уровне населения, сближением социалистических наций.

Генеральные тенденции развития процессов движения населения, в первую очередь рождаемости, ведут к формированию в перспективе принципиально единого по стране типа воспроизводства населения (опять-таки с позиций интенсивности явлений), близости окончательных параметров движения населения поколений. Все это говорит о том, что оптимальный тип воспроизводства должен быть принципиально единым по стране. Естественно, что это не исключает, а в определенной мере даже предполагает, в течение длительного периода (3—4 поколений) колебаний годовых чисел демографических событий, особенно браков и рождений, вызванных влиянием структурных факторов.

Одной из кардинальных проблем исследования демографического оптимума как цели демографической политики является определение его параметров. Если не останавливаться детально на вопросах выбора характеристик для определения параметров того или иного предпочтительного типа воспроизводства¹, то главное в этой проблеме — определение этих оптимальных характеристик.

Проведенные исследования и расчеты на основе разного рода моделей показывают, что параметры оптимального типа воспроизводства населения теоретически находятся в достаточно узких границах. Это связано с тем, что понятие оптимального типа воспроизводства применимо в тех случаях, когда практически закончились переходные этапы в развитии населения и прежде всего завершился переход от высокой к низкой рождаемости, от многодетной к малодетной семье. Иначе говоря, это

¹ Отметим в этом плане, что это должны быть именно характеристики воспроизводства населения, т. е. степени сменяемости поколений, а не те или иные темпы роста населения, которые могут маскировать, скрывать за формальной схожестью величин показателей разные типы воспроизводства населения.

возможно лишь тогда, когда сформировался принципиально устойчивый во времени тип рождаемости. Как уже отмечалось, процесс этот практически завершился у основной массы населения страны — примерно 80% населения, он активно идет у почти 14% населения страны и еще не начался у примерно 6% населения.

Конечно, можно предполагать, что для определенного этапа развития, причем достаточно короткого в историческом плане, и очень высокая рождаемость была желательна с позиций каких-то критериев, например сохранения национальных традиций. Но поскольку в исторической перспективе это преходящее явление, то говорить об его оптимизации можно лишь после окончания неизбежной в недалеком будущем эволюции этого явления.

В принципе же границы оптимальных параметров воспроизводства населения с позиций долгосрочных интересов общества и реальных возможностей реализации этих интересов, так сказать, «через семью» с учетом генеральных тенденций развития населения достаточно ограничены. Ясно, что такой тип воспроизводства, как уже отмечалось, «сверху» ограничен пределами малодетной семьи, т. е. максимально в среднем тремя детьми. Естественно, что и при таком типе воспроизводства будут и многодетные, и однопородные семьи, как были малодетные семьи, точнее, малорождавшие женщины, в прошлом, но модальное число их будет около 3.

Нижняя граница этой зоны определяется уже исходя из несколько других моментов — долгосрочных интересов развитого социалистического общества, оценки комплекса последствий различных типов воспроизводства населения. Исследование этого вопроса, как уже отмечалось, позволяет предполагать, что переход к суженному воспроизводству населения нежелателен для развитого социалистического общества. Поэтому в принципе параметры оптимального типа воспроизводства находятся в пределах от верхней границы малодетной семьи до уровня простого воспроизводства, т. е. с позиций одной только рождаемости в интервале примерно от 2,5 до 3 детей в среднем на семью к концу детородного периода.

Эти границы еще более сужаются, если учесть влияние на среднее число детей, необходимое для простого замещения поколений, процессов смертности, разводимости, доли бесплодных браков и т. д. Словом, границы оп-

тимального типа воспроизводства населения в принципе достаточно жестко ограничены.

Известно, что колебания годовых чисел демографических событий значительно осложняют решение ряда социально-экономических и демографических задач, в том числе стабилизацию демографических процессов. Поэтому оптимизация возрастно-половой структуры населения является частью задачи создания оптимального типа воспроизводства в целом. Однако эта проблема по сути своей весьма разноплановая.

Начнем с того, что следует различать проблему оптимальности не только возрастного состава населения, но и соотношения населения по полу. Для больших масс населения и крупных административно-территориальных единиц с большой численностью населения наиболее желательным является пропорциональное (с учетом различий в режиме смертности) распределение численности мужчин и женщин. Такое сочетание благоприятно не только для воспроизводства населения, но и для экономического развития.

Но такие пропорции практически в жизни встречаются очень редко, поскольку «внешние» по отношению к собственно демографическим явлениям события (войны, крупные миграционные перемещения, диспропорциональное развитие отраслей экономики) существенно влияют на половую структуру населения.

Проблема оптимизации полового состава населения для отдельных районов страны решается с большими трудностями, поскольку критерием оптимальности в этом случае часто становятся интересы производства, ориентированного преимущественно на мужской или женский («текстильные городки») труд, и если с чисто экономических позиций такая структура на первый взгляд имеет определенные преимущества, то в социальном плане диспропорция полов ведет к целому ряду негативных последствий¹. Это и высокая доля в городах с преимущественно женским населением неполных семей (мать и ребенок), и повышенная миграция из-за невозможности создать семью, и многое другое. В результате страдают интересы и населения, и производства. Поэтому, в принципе, и для отдельных

¹ Подробнее об этом см.: Котляр А. Э., Турчанинова С. Я. Занятость женщин в производстве. М., 1975.

регионов страны (исключение, очевидно, составляют районы пионерного освоения) оптимальной является пропорциональная структура населения по полу.

Особой является задача оптимизации возрастного состава населения. Опять-таки ее следует решать раздельно применительно к стране в целом и ее отдельным частям. Для всей страны при решении этой задачи важной является проблема критериев оптимальности и, что весьма специфично, время, с позиций которого подходят к определению критериев оптимальности этой структуры.

Проблема оптимальной структуры населения достаточно сложна. А. Я. Боярский в одной из работ показал, что с позиций предпочтительности наибольшей доли трудоспособного населения во всем населении (т. е. если взять за критерий оптимальности максимизацию доли лиц в возрасте 18—59 лет у мужчин и 18—54 у женщин) по данным таблиц смертности 1958—1959 гг. оптимальным будет стабильное население при коэффициенте прироста (коэффициенте прогрессивности) 2‰ и коэффициенте рождаемости 15‰¹.

В литературе приводятся различные варианты «прогрессивных», т. е. наиболее желательных, возрастных структур². В основу их, правда, в основном чисто интуитивно, т. е. без детального обоснования на базе каких-либо критериев, положены соотношения долей различных возрастных групп. Например, по весьма распространенной классификации Г. Зундберга прогрессивной считается возрастная структура, в которой младшее поколение (дети) составляет 40%, взрослые (родители, по Зундбергу) — 50% и старшее (прародители) — 10%.

Однако при определении пропорций оптимальной возрастной структуры населения для больших по численности населения регионов необходимо учитывать генеральные тенденции развития населения, с одной стороны, и долгосрочные социально-экономические интересы общества — с другой, т. е. ответ на этот вопрос не может быть однозначным.

¹ См.: Боярский А. Я. Население и методы его изучения, с. 24—30.

² См.: Россет Э. Процесс старения населения. М., 1968, с. 59—61.

Как уже было сказано ранее, снижение рождаемости до определенного уровня является объективной тенденцией. Поэтому в перспективе дети будут всегда занимать при стабилизации режима воспроизводства меньшую, чем у «прогрессивного» населения Зундберга, долю. В принципе будет продолжаться снижение смертности, но гораздо более медленными, чем в прошлом, темпами. Поэтому будущее население будет иметь достаточно высокую долю лиц старших возрастов, возможно, гораздо большую, чем по классификации Г. Зундберга. В результате уменьшится и доля лиц трудоспособных (родителей, по Г. Зундбергу) возрастов. Словом, структура оптимального населения может не совпадать с классификацией Г. Зундберга.

Другим важным условием оптимальности возрастной структуры для больших совокупностей населения является ее равномерность, отсутствие резких диспропорций в численности отдельных возрастных групп, так сказать, плавность ее изменений. Причины таких диспропорций могут быть различными—это и последствия войн, и колебания уровня рождаемости, для районов страны сказываются различия в интенсивности миграции.

Известно, что такого рода диспропорции, в первую очередь различия в численности отдельных возрастных групп, существенно сказываются не только на самом числе демографических событий, но и на многих социально-экономических явлениях, например на степени нагрузки детских и медицинских учреждений; влияют они и на спрос детских товаров и многие другие социально-экономические явления. Так, по данным переписи населения 1970 г. численность контингентов в возрасте от 30 до 34 лет составляла 10,4 млн., а в возрасте 25—29 лет—6,8 млн., т. е. на 34,6% меньше, поскольку меньшую по численности возрастную группу составляют люди, родившиеся в годы Великой Отечественной войны¹.

В целом можно предположить, что после стабилизации режима воспроизводства населения для страны в целом оптимальной будет возрастная структура ста-

¹ См: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. II, с. 13.

бильного населения, соответствующая сложившимся уровням рождаемости и смертности.

Как же измерить уровень оптимальности реальной возрастной структуры населения? Если полагать, что оптимальным является соответствующий тип стабильной возрастной структуры, то для больших демографических совокупностей этой характеристикой может быть степень различий реальной и соответствующей ей по параметрам стабильной возрастной структуры населения. В этих целях, как уже указывалось, можно использовать предложенные С. И. Пирожковым показатели нестабильности возрастного состава населения.

Эти величины показывают, по сути дела, обобщенную степень различия между реальным и стабильным населением, обусловленную влиянием различных причин. Напомним, что, чем ближе величина коэффициента нестабильности к единице, тем меньше расхождения реальной и соответствующей стабильной возрастной структуры. Так, по расчетам С. И. Пирожкова коэффициент нестабильности женского населения Украинской ССР составлял для 1926—1927 гг. 0,915, для 1958—1959 гг. — 0,872 и для 1969—1970 гг. — 0,926. Как видим, в 1958—1959 гг. степень суммарного отклонения реальной возрастной структуры от стабильной увеличилась по сравнению с 1926—1927 гг., что во многом было связано с последствиями Великой Отечественной войны.

Проблема оптимизации демографических процессов сложна и с позиций сроков ее реализации; здесь также не может быть однопланового подхода¹. Если говорить, например, о процессах рождаемости, то одно дело, когда речь идет о создании условий для претворения в жизнь уже сложившихся, фактически имеющихся демографических идеалов, т. е. об использовании возможностей уже сформировавшегося, но в силу каких-то причин нерасализуемого «демографического климата». Тогда и сроки оптимизации, и необходимые экономические ресурсы будут значительно меньше.

Более сложный случай, когда речь идет о формировании нового, отличного от фактически сложившегося демографического поведения, соответствующего опти-

¹ Более подробно мы рассмотрим это в гл. III, в разделе об эффективности демографической политики.

мальному типу воспроизводства населения. Тогда потребуются и более значительное время, и более крупные средства.

Еще более длительным должен быть срок оптимизации возрастной структуры в масштабе страны, для чего необходимо время, измеряемое длиной нескольких демографических поколений, поскольку при отсутствии внешней миграции только время при длительно стабильном режиме воспроизводства может сгладить «пики» возрастной структуры. Все это говорит о необходимости своевременного введения мер демографической политики при точном понимании ее задач.

В целом основными чертами оптимального типа воспроизводства (по сути дела, типа воспроизводства будущего), основанного на генеральных тенденциях развития общества и демографических явлений как компонента тенденций социального развития, анализе последствий разных типов воспроизводства населения, можно назвать следующие:

невысокая, сознательно ограничиваемая рождаемость, обеспечивающая слегка расширенное воспроизводство населения в пределах типовой (до трех детей) семьи;

постоянно увеличивающаяся, хотя и разными темпами, средняя продолжительность жизни, как при рождении, так и по возрастам;

увеличивающаяся интенсивность миграции внутри страны;

постепенная ликвидация исторически сложившихся диспропорций возрастно-половой структуры в масштабе страны и сближение ее с соответствующей структурой стабильного населения;

постоянный и возрастающими темпами рост качества населения.

Естественно, что в наши дни эти черты проявляются лишь как генеральные тенденции развития населения.

Особо следует отметить, что важнейшей задачей демографической политики должно быть формирование таких качественных характеристик населения, которые отвечали бы долгосрочным целям будущего общества. Определение, хотя бы в самом общем виде, параметров этого явления требует глубоких специальных исследований.

Вместе с тем одно очень важное положение совершенно очевидно — необходимость и возможность постоянного роста качества населения, ибо прекращение или даже замедление темпов этого процесса, особенно в условиях стабилизации темпов естественного прироста населения, чревато крайне серьезными последствиями.

Как уже отмечалось, одной из важных проблем определения целей демографической политики является определение параметров (или границ их вариации) оптимального типа воспроизводства населения. Многообразие и порою противоречивость критериев оптимальности демографических процессов, сложность факторов, определяющих изменение интенсивности демографических процессов, обуславливают необходимость использования в этих целях разного рода моделей с их неизбежным упрощением системы реальных связей и зависимости¹.

Как уже отмечалось выше, достижение устойчивых оптимальных параметров воспроизводства населения, если они известны, возможно лишь при состоянии возрастной структуры населения, близкой к стабильной. Об этом пишет и А. Я. Боярский в своей работе по демографическому оптимуму, приводя расчеты параметров стабильного населения с наибольшей долей населения трудоспособного возраста². Но отсюда следует очень важное для разработки моделей определения параметров оптимального типа воспроизводства населения положение, которое состоит в том, что такого рода построения могут базироваться не на реальном, а на стабильном населении и, чем ближе реальное население к стабильному, а такой процесс объективно неизбежен, тем (при прочих равных условиях) модель точнее.

Известно, что одна из первых попыток создания действующей модели, позволяющей определить оптимальные темпы прироста населения, была предпринята в советской демографии А. Я. Боярским. Достоин-

¹ С обзором подходов к определению параметров демографического оптимума можно познакомиться в работах: *Кваша А. Я.* Демографический оптимум Курс лекций. М., 1974; *Рубин Я. И.* Оптимум населения: что за этим понятием? Минск, 1979.

² См.: *Боярский А. Я.* К проблеме демографического оптимума — В кн.: *Изучение воспроизводства населения.* М., 1968.

ством ее, как уже отмечалось в литературе, является непосредственная связь демографических и экономических факторов, а также возможность определения границ зоны, в которых будет варьировать этот оптимальный темп (причем именно темп, а не показатели воспроизводства) прироста населения в более или менее длительном промежутке времени.

Известно, что на теории стабильного населения базируется наиболее известная в нашей литературе модель для определения оптимальной величины неттокоэффициента, предложенная на основе разработок Ж. Буржуа-Пиша венгерскими демографами Р. Андорка и К. Мильтеньи в докладе на международном симпозиуме в Либлице (ЧССР, 1965 г.)¹. На основе этой модели были исчислены оптимальные величины неттокоэффициента для СССР, Венгрии, Польши, ГДР, отдельных союзных республик СССР. Расчеты показывают, что для стран и районов, где закончился переход к низкой рождаемости, оптимальная величина нетто-коэффициента лежит в основном в пределах 1,1—1,2².

Трудность расчетов по этой модели обусловлена тем, что практически отсутствуют новые повозрастные шкалы производства и потребления по ряду стран, поэтому часто используют венгерскую шкалу 1959—1960 гг. Учитывая примерно одинаковую структуру населения в социалистических странах Европы, единство общих целей развития в условиях практически единообразного типа воспроизводства (для СССР это районы, где уже закончился переход к низкой рождаемости), можно полагать, что результаты этих расчетов вряд ли будут существенно искажать действительность. Это подтверждают исчисленные для Латвийской ССР в 1975 г. аналогичные по характеру (хотя и полученные по несколько иной методике) показатели по-

¹ Русский перевод см. в кн.: Рождаемость и ее факторы. М., 1968 (под названием «Экономические причины и последствия низкой рождаемости»).

² В сводном виде эти расчеты опубликованы в ст.: *Кваша А. Я.* Демографический оптимум. — *Общественные науки*, 1978, № 4. Анализ этой модели см.: *Валкович Э.* О некоторых методологических аспектах определения цели демографической политики. — В кн.: *Проблемы населения*. М., 1977.

возрастной производительности и потребления населения¹.

Как видим, более или менее заметные расхождения в величине этих показателей появляются лишь в старших возрастах, особенно с пенсионного возраста. Все это говорит об относительной устойчивости во времени такого рода величин.

Таблица 14

Шкала соотношений повозрастной производительности в Венгрии (1959—1960 гг.) и Латвийской ССР (1975—1976 гг.)

Возрастные группы, лет	Коэффициент производительности населения Латвийской ССР	Шкала производительности населения Венгрии	Возрастные группы, лет	Коэффициент производительности населения Латвийской ССР	Шкала производительности населения Венгрии
16—19	0,77	0,74	40—44	1,04	1,12
20—24	0,95	0,90	45—49	1,05	1,09
25—29	1,06	1,05	50—54	0,98	1,07
30—34	1,07	1,10	55—59	0,91	1,06
35—39	1,10	1,11	60 и старше	0,69	0,87

В то же время эта модель базируется на ряде допущений, достаточно существенно ограничивающих ее возможности. Э. Валкович убедительно показал весьма большую условность ряда допущений, положенных в основу этой модели². В то же время нельзя забывать о том, что это практически одна из первых моделей, позволяющих при достаточно ограниченной информации определять оптимальную с позиций выбранных в модели критериев величину нетто-коэффициента воспроизводства населения. Важно и то, что в этой модели определяются оптимальные показатели именно воспроизводства всего населения, а не только трудоспособной его части.

¹ См.: Звидрина М. А. Составление экономических возрастных пирамид населения Латвийской ССР. — В кн.: Вопросы статистики. Проблемы уровня жизни и демографии. Рига, 1977, с. 43—44.

² Отметим, что Э. Валкович подчеркивает необходимость расчета параметров оптимального типа воспроизводства на основе разных вариантов стабильного населения (см.: Валкович Э. Указ. соч., с. 62—63).

В 1974 г. Э. Валкович более подробно изложил свой подход к определению параметров демографического оптимума, который также базируется на использовании различных вариантов стабильного населения. Еще в работе 1972 г. Э. Валкович предложил подбирать среди возможных вариантов стабильного населения те, которые наилучшим образом отвечают выбранным критериям оптимальности. После рассмотрения ряда вариантов такого населения и их критериев он приходит к выводу, что критерием оптимизации численности и темпов роста населения является максимум превышения производства над потреблением в расчете на одного человека или (при прочих равных условиях) максимум валового объема производства.

Однако сам Э. Валкович далее подчеркивает, что этот показатель не является обобщающим критерием оптимизации демографических процессов. Ведь требование максимизации средней величины производства на душу человека может прийти в противоречие с рядом других критериев оптимизации, например с требованием максимизации доли активного населения во всем населении; однако (при прочих равных условиях) максимум превышения производства над потреблением может быть при убывающем по численности стабильном населении. Но это противоречит ряду других социальных критериев. Поэтому оптимальным, по мнению Э. Валковича, является стационарное население.

Следует отметить, что работа Э. Валковича не содержит в отличие от разработок Р. Андорки и К. Мильтеньи модели, позволяющей непосредственно производить исчисление показателей оптимального типа воспроизводства; это приходится делать на основе перебора разных вариантов.

Новые интересные гипотезы о возможностях определения параметров демографического оптимума содержатся в опубликованной в 1976 г. книге болгарского демографа М. Минкова и его докладе по этим проблемам на научной конференции в Варшаве в 1977 г.¹

¹ См.: Минков М. Население и основные социальные структуры. София, 1976, с. 219—250; Минков М. Комплексная оценка демографических процессов и определение их оптимального протекания. Докл. на науч. конф. «Преобразования в народонаселении и общественная политика». Варшава, 26—28. X 1977. Варшава, 1977.

Основная идея этой работы состоит в том, что определяется потенциальная эффективность человеческой жизни, в данном случае разность превышения производства над потреблением, при постоянных величинах повозрастной эффективности труда, но при различных гипотезах роста населения, который задается той или иной величиной нетто-коэффициента.

В работе анализируются на базе исходных данных таблиц смертности и уровня повозрастной экономической активности 1965 г. варианты роста населения с нетто-коэффициентом от 0,5 до 1,5 с шагом 0,1.

Исследуя величины разности между производством и потреблением в целом при разных вариантах роста населения, М. Минков приходит к выводу о существовании оптимальной зоны величины R_0 (нетто-коэффициента), которая по его расчетам находится для Болгарии в интервале от 1,0 до 1,3 при наиболее благоприятной ее величине в 1,2.

В этой же работе исследуются и возможности использования межотраслевого баланса для определения оптимальных социальных структур. Следовательно, и в этом подходе используется, по сути дела, метод перебора вариантов демографического развития на основе фиксированного экономического критерия для определения оптимальной величины нетто-коэффициента, причем поскольку расчет сводится к определению оптимальной величины этого коэффициента, то и эти расчеты в конечном счете базируются на концепции стабильного населения.

Концепция оптимального типа воспроизводства как цели демографической политики встречает возражения, и порой весьма резкие, со стороны отдельных советских авторов. В наиболее концентрированном виде они изложены в ряде работ В. П. Пискунова и В. С. Стешенко¹. На сути этих возражений мы и остановимся.

Прежде всего, возражения против возможности постановки той или иной научной проблемы на том осно-

¹ См.: Пискунов В. П. Эскиз общей схемы демологического представления о самовоспроизведении народонаселения.—Демографические тетради. Киев, 1974, вып. 9; Стешенко В. С. Актуальные проблемы развития советской демографии в свете решений XXV съезда КПСС.—В кн.: Социально-экономические особенности воспроизводства населения в условиях развитого социализма (Тезисы докладов и сообщений II республиканской демографической конференции, Одесса, 1976 г. Секция 1). Киев, 1976 и некоторые другие работы.

вании, что она мало изучена или трудно изучаема вообще, вряд ли правомерны с позиций марксистской философии, в частности логики научного анализа. Вместе с тем следует согласиться, что разработка проблемы оптимизации демографических процессов—очень сложная задача; ее можно решать как элемент оптимизации развития всей социальной системы. Но трудность проблемы — не довод против ее анализа, это лишь аргумент в пользу развития этих исследований, разумеется, если эта задача имеет теоретическое и практическое значение.

Так, В. С. Стешенко полагает, что вся деятельность социалистического общества в конечном счете направлена на создание объективных и субъективных условий для становления коммунистического типа самовоспроизводства населения и поэтому необходима не «сверхактивная демографическая политика» (термин В. С. Стешенко), а налаживание «всеобщего и эффективного демографического контроля за мероприятиями, осуществляемыми во всех областях и сферах социалистического общества»¹.

Такой подход, по нашему мнению, неправомерен. Всякая социальная программа имеет свою определенную цель, например обеспечение достаточно высокого уровня жизни ветеранов труда, стимулирование притока и «закрепление» населения в той или иной части страны и т. д. Другие цели в этом плане могут учитываться лишь побочно; по сути дела, они могут быть приняты во внимание лишь с позиций определенного компромисса между главной и вспомогательной целями. Естественно, что на первом плане стоит в любой социальной программе основная цель, ибо лишь в этом случае ее можно выделить из системы разных социально-экономических мер. В противном случае такие меры растворяются в системе других социально-экономических акций, теряют свою определенность и специфическую направленность и поэтому не могут выполнить свою главную задачу.

В нашем случае отсутствие четкой цели демографической политики означает вообще отрицание необходимости направленных мер общества по управлению

¹ Социально-экономические особенности воспроизводства населения в условиях развитого социализма..., с. 11.

демографическими явлениями. Рассматривая систему социальных целей общества как иерархическую, следует четко определять цель каждого из ее элементов; лишь в этом случае можно надеяться на успех.

Конечно, вся система социальных программ в нашей стране является иерархической, объединенной одной главной задачей — построением коммунистического общества. Именно это главная цель нашего народа, на ее достижение направлена вся деятельность нашего общества. Создание, выражаясь термином В. С. Стешенко, «коммунистического типа самовоспроизводства населения» является важной, но отнюдь не основной целью нашего общества, и ее нельзя понимать чрезмерно широко, подменять ею другие задачи общества.

Все сказанное не означает, что в разработке различных социальных программ не должны участвовать демографы. Учет «демографических интересов» должен присутствовать в каждой социальной программе, как минимум, с позиций известного медицинского принципа «не повреди». И это действительно необходимо и важно, но отнюдь не заменяет, по нашему мнению, самостоятельной демографической политики в виде специально нацеленных и разработанных мер нашего общества.

Свою точку зрения на задачи демографической политики В. С. Стешенко развивает в статье «Актуальные вопросы дальнейшего развития теоретических основ демографической политики», написанной с В. П. Пискуновым¹. В этой работе содержится много интересных теоретических соображений о характере демографической политики в развитом социалистическом обществе, прежде всего о том, что основой успешности проведения демографической политики являются высокие темпы развития общественного производства. Однако одно из основных положений статьи — понимание цели демографической политики, — на наш взгляд, несколько спорно. Авторы видят ее в создании коммунистического типа воспроизводства (в терминологии авторов самовоспроизводства) населения и отмечают, что не следует сводить задачу демографической политики только к улучшению современной демо-

¹ См.: Теоретические проблемы демографии в свете решений XXV съезда КПСС. Киев, 1978.

графической ситуации, ее, так сказать, «исправлению», «ремонту».

Отметим, что сам по себе тезис о формировании коммунистического типа воспроизводства вполне правомерен. Верно и то (мы неоднократно это подчеркивали), что демографическая политика необходима вне зависимости от сложившейся ситуации. Даже при самом благоприятном ее варианте (как оценить ситуацию — это другой вопрос) управление демографическими процессами необходимо как элемент управляющих действий по отношению ко всей социальной системе.

В то же время, как правильно отмечают украинские демографы, по мере развития нашего общества будет увеличиваться необходимость в мерах управления демографическими процессами; более того, само развитие будет расширять объективные возможности для такого рода действий.

Но каковы же эти параметры благоприятного, идеального типа воспроизводства, какими они должны быть с учетом долгосрочных интересов общества, выраженных через систему определенных критериев? Иначе говоря, тип воспроизводства населения будущего надо определить не только качественно, но и количественно, с позиций избранных критериев, т. е. опять-таки речь идет о демографическом оптимуме.

«Коммунистический тип самовоспроизводства населения» должен обрести в работах ученых конкретную количественную размерность, обеспечивающую определенные преимущества этого типа перед другими возможными типами воспроизводства населения, естественно, с точки зрения принятого критерия или их системы.

С позиций концепции В. С. Стешенко целью демографической политики является формирование желательного для общества «осознанного демографического поведения его членов»¹. Такое же по сути определение целей демографической политики несколько раньше дал и В. П. Пискунов². В одной из последних работ они также пишут, что демографическая политика

¹ Социально-экономические особенности воспроизводства населения в условиях развитого социализма, с 11

² См.: Демографические тетради, 1974, вып. 9.

должна быть направлена на создание «новых, более совершенных, прогрессивных механизмов демофункционирования...»¹. Такое определение целей демографической политики представляется нам достаточно неопределенным.

Начнем с того, что само понятие «осознанное демографическое поведение» весьма неконкретно. Ведь осознанной может быть установка и на неограничиваемую рождаемость, и на малодетную, и на среднететную семью. Однако в современных условиях вряд ли возможен (нужен ли — другой вопрос) массовый идеал многодетности, и наиболее типичной может быть ориентация на малодетную или в крайнем случае среднететную семью.

Однако и в этом случае приведенное выше определение целей демографической политики достаточно расплывчато. Современные исследования показали, что у населения представления об идеалах демографического поведения количественно конкретны, они выражаются всегда в определенном числе детей². Не определив количественно желаемый тип репродуктивного поведения, нельзя говорить о желаемых стандартах рождаемости вообще. От желаемого типа репродуктивного поведения зависит система мер поощрения рождений. Ведь одно дело система мер поощрения рождений двоих детей в семье, другое — система мер по стимулированию рождений троих-четверых детей, поскольку теоретически возможен и такой тип демографической политики. От выбора системы мер демографической политики во многом зависит и необходимый объем средств на эти цели, и набор используемых мер, хотя в жизни часто бывает и наоборот — меры демографической политики выбираются исходя из имеющихся средств. Словом, не определив количественно параметры оптимального типа воспроизводства, нельзя говорить и о цели демографической политики.

Современный механизм «демографического поведения» практически является элементом социального развития общества, он создан в ходе построения нашего

¹ Теоретические проблемы демографии в свете решений XXV съезда КПСС, с. 20.

² См., например: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1973, с. 42.

общества, и вряд ли можно говорить о создании «нового механизма». Другое дело, что необходимо улучшить работу существующего механизма, полнее использовать его возможности.

В. С. Стешенко и В. П. Пискунов говорят о том, что поиски оптимального типа воспроизводства правомерны лишь в системе оптимизации всех сторон социальной жизнедеятельности населения и при разработке иерархии критериев оптимизации всех в комплексе демографических явлений¹. В принципе, вряд ли можно возразить против этих положений при условии, что трудность их разработки не должна быть основанием для отказа от исследований этих вопросов.

Проблема целей демографической политики исследуется и в работе М. Б. Татимова, где она рассматривается как «оздоровление современной демографической ситуации в стране и снижение некоторой напряженности в использовании трудовых ресурсов, достижение наиболее гармоничного сочетания процесса воспроизводства народонаселения с процессами производства материальных благ и духовных ценностей»².

Такое определение является, на наш взгляд, достаточно дискуссионным. Прежде всего, вряд ли целью демографической политики является уменьшение напряженности использования трудовых ресурсов. Это вообще не цель демографической политики, поскольку решение этой задачи прежде всего связано в ближайшие годы с интенсификацией производства. Неточно и само понятие «оздоровление демографической ситуации», поскольку непонятно, что вкладывается в понятие «здоровой ситуации». Вряд ли стоит и так тесно связывать проблемы демографической политики с интересами производства. Тем не менее сама по себе эта попытка интересна стремлением достаточно четко определить задачи демографической политики.

В целом анализ проблемы оптимума населения как цели демографической политики имеет большое теоретическое и практическое значение.

¹ См.: Демографическое развитие Украинской ССР. Киев, 1977, с. 213.

² Татимов М. Б. Развитие народонаселения и демографическая политика. Алма-Ата, 1978, с. 69.

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СССР

Проблемы демографической политики в СССР в последние годы приобрели особую актуальность не только в теоретическом, но и в практическом отношении. Разработка комплекса мер *эффективной* (отметим это особо) демографической политики является важной задачей, поставленной перед советской наукой, учеными разного профиля XXV съездом КПСС.

Общество на всех этапах своего развития воздействовало на демографические явления, но это воздействие в большинстве случаев не было специально направленным, особенно в прошлом, когда характер демографических процессов менялся коренным образом под влиянием социально-экономических преобразований¹. Говорить, что такие изменения носили чисто стихийный, «внеплановый» характер, нельзя, поскольку в целом характер демографических изменений соответствовал (естественно, с разрывом во времени) генеральным тенденциям изменения социальных явлений. Именно изменение последних и было аппаратом управления. Но четко поставленная цель управления в этом случае отсутствовала.

Следующий этап управления демографическими явлениями — когда общество на основе генеральных тенденций развития экономики и населения с помощью специальных мер формирует желательный в долгосрочной перспективе тип воспроизводства населения. Это

¹ К пониманию необходимости направленного воздействия общества на демографические процессы человечество пришло уже давно. Так, в России о необходимости государственного вмешательства в процессы населения писал еще в XVIII в. М. В. Ломоносов, а в начале нашего века — многие другие. (См.: Большая энциклопедия/Под ред. С. И. Южакова Спб., 1903, т. 13, с. 606)

уже более высокий, сложный этап управления. Конечно, при этом надо учитывать особенности социального, исторического и демографического развития страны или ее части.

Однако за последние годы актуальность разработки и особенно внедрения комплекса мер демографической политики в нашей стране значительно возросла, что связано с целым рядом обстоятельств. Выделим среди них некоторые, представляющие наибольшую важность в современных условиях.

Прежде всего в условиях, когда наша страна переходит на долгосрочное социально-экономическое планирование, причем не только в масштабах страны, но и отдельных регионов, значительно возрастает необходимость учета демографического компонента в экономическом и тем более социальном планировании, даже вне зависимости от сложившейся демографической ситуации. Социалистическое общество не может оставить вне сферы своего планомерного воздействия такой важный компонент общественного развития, как демографические процессы. Обострение демографической ситуации лишь увеличивает (но не определяет) необходимость, теоретическую и практическую актуальность разработки комплекса мер демографической политики.

В этом плане правомерен вопрос: можно ли вообще планировать развитие населения, т. е. закладывать в планы долгосрочного социально-экономического развития достижение тех или иных параметров воспроизводства населения? Видимо, учитывая, что примерно на длину одного поколения (с определенными пределами точности) можно определить будущую величину демографических параметров, в принципе такое планирование возможно. Естественно, такие наметки нельзя рассматривать как план-директиву, они, скорее, являются своеобразными ориентирами.

Более трудно обстоит дело, если речь идет о формировании с помощью мер демографической политики нового, отличного от складывающегося фактически, типа воспроизводства населения, т. е. об активном влиянии общества на демографические процессы. В этом случае возможность планирования зависит от эффективности мер управления демографическими процессами.

ми, от результативности этих акций. Но именно эта проблема и нуждается в детальном изучении.

Следующая важная в этом плане задача — сроки планирования. Традиционная и проверенная временем «дистанция» планирования — пятилетка — в демографическом аспекте достаточно короткий период, если исходить из основной единицы времени в демографии — длины поколения, равной 25—30 годам¹. Именно за этот период, равный 5—6 пятилеткам, может существенно измениться не только ежегодное число событий, что во многом связано с влиянием структурных факторов, но и интенсивность самих демографических явлений. Но и за более короткий период, например 10—15 лет, могут произойти заметные сдвиги в интенсивности демографических явлений.

При этом возможны три варианта масштабов таких изменений. Если речь идет о районах, где еще не началось снижение рождаемости от высокого к низкому ее уровню, то за период 10—15 лет такой процесс может идти достаточно быстрыми темпами. Если этого не учесть при планировании, могут возникнуть определенные проблемы и в использовании сети детских учреждений, и в планировании производства предметов детской одежды, и во многих других отраслях.

Начало снижения рождаемости, особенно среди молодежи, может способствовать росту ее территориальной мобильности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наконец, изменение образа «демографического мышления» есть элемент дальнейшего изменения общего образа жизни соответствующих этнических групп населения со многими его социальными последствиями.

За период 10—15 лет может существенно измениться интенсивность демографических процессов и в тех районах, где, как уже отмечалось в гл. I, быстро идет процесс снижения рождаемости. Масштабы таких изменений могут быть достаточно велики, а их последствия могут весьма серьезно сказаться на многих социально-экономических явлениях. А о том, что за

¹ По данным таблиц смертности населения СССР в 1968—1971 гг. длина женского поколения составляла 27,5 года (см.: Курс демографии/Под ред. А. Я. Боярского М., 1974, с. 130), а в 1958—1959 гг. для женского населения она составляла 28,4 года (см.: Курс демографии. М., 1967, с. 247).

10—15 лет рождаемость может снизиться достаточно существенно, можно показать на примере Армении и Молдавии.

Т а б л и ц а 15

**Величина повозрастных коэффициентов рождаемости
в некоторых республиках в 1976—1977 гг.
(в процентах к уровню 1958—1959 гг.)**

	Возрастные группы, лет							
	15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	15—49
Армянская ССР	106,4	107,5	58,8	38,9	23,9	19,8	12,2	53,0
Молдавская ССР	103,2	95,8	74,0	55,4	41,5	29,5	12,1	66,8
РСФСР	125,3	100,4	68,9	58,9	41,1	35,7	16,7	69,6

Источники: Вестник статистики, 1978, № 11, с. 82; Население СССР. 1973, с. 137—138.

Обращает на себя внимание некоторое увеличение показателей рождаемости в молодых возрастах, что вызвано снижением среднего возраста вступления в первый брак и концентрацией рождений первых детей в этих возрастах, и последовательное, с нарастающим темпом, снижение показателей рождаемости по мере увеличения возраста женщин, что свидетельствует об усилении ограничения интенсивности деторождения в семьях.

Снижение интенсивности деторождения может идти и в районах, где уже ряд лет типовой стала малодетная семья¹. Уловить эти изменения очень трудно, поскольку при таком типе рождаемости структурные факторы, особенно изменение графика рождений, наиболее сильно искажают суть происходящих процессов, поскольку сам масштаб изменений интенсивности может быть очень небольшим по сравнению с прошлым. Итак, уловить эти изменения достаточно трудно, но что они за

¹ Точнее, следует говорить об изменении интенсивности деторождения, поскольку в этой группе может быть в силу ряда причин и рост интенсивности этих процессов.

10—15 лет могут проявиться, весьма вероятно. Об этом свидетельствуют и приведенные в табл. 15 данные по РСФСР. Конечно, по величине повозрастных показателей трудно судить о масштабах таких изменений, нужны более точные измерители. Но даже эти показатели подтверждают, что за 10—15 лет могут произойти достаточно серьезные, более того, принципиальные изменения, в частности может быть пройден рубеж от расширенного к суженному воспроизводству населения.

Все это означает, что при планировании на длительные сроки нельзя не считаться с возможностью серьезного изменения типа воспроизводства населения, так как это может непосредственно сказаться и на ряде экономических явлений.

Особенно важно учитывать возможные изменения характера демографических процессов на 10—15 лет вперед в региональном плане. Миграционные потоки часто создают структуру населения, значительно отличную от оптимальной с позиций критериев регионального развития. Эти критерии, как уже отмечалось, могут быть разнообразными. При этом «чисто экономические» интересы могут прийти в противоречие с другими, в том числе демографическими, критериями.

Примером этого могут быть так называемые «текстильные городки», где с позиций сиюминутных интересов производства половая структура населения (преобладание женщин) вполне приемлема, но с позиций более широких, социальных, целей оставляет желать лучшего. Половые диспропорции ведут к низкому уровню брачности и, как следствие этого, ко многим социальным проблемам.

Актуальность разработки комплекса мер демографической политики в последние годы возросла, как уже отмечалось, и в связи с обострением демографической ситуации в нашей стране.

Другая сторона этой проблемы состоит в том, что при увеличении горизонтов планирования сила влияния демографических процессов на экономические явления возрастает. На протяжении периода долгосрочного планирования могут неоднократно наблюдаться эпизодические колебания чисел демографических событий под влиянием диспропорций возрастной структуры. Так, если рассматривать период от 1970 по 2000 г., т. е. примерно длину одного поколения, то за этот период

можно дважды ожидать роста числа браков и рождений под влиянием диспропорций возрастной структуры — в 1970—1978 гг. и в начале 90-х годов. Это требует принятия ряда экономических мер (рост производства детской одежды, расширение сети педиатрической помощи и многое другое) с целью обеспечения этих контингентов жизненными благами, что нужно предусмотреть при планировании. При планировании же, например, на 5 лет с такими «демографическими качелями» практически сталкиваться приходится гораздо меньше.

Наконец, следует помнить, что те задачи, которые решает развитое социалистическое общество на современном этапе, требуют вообще при планировании учета долгосрочных тенденций развития многих явлений. Например, строящиеся сейчас дома и города в целом, их транспортные системы будут служить людям и за пределами нашего века. Поэтому без хотя бы самого общего, примерного учета генеральных тенденций размещения населения, динамики семейного состава населения, тенденций развития семьи в целом нельзя разрабатывать долгосрочные народнохозяйственные планы. Следует также учесть, что и само по себе расширенное производство тех или иных товаров в связи с демографическими причинами требует определенной перестройки экономики, для чего также необходимо время.

Таким образом, демографическая политика является необходимым элементом комплексного долгосрочного социально-экономического планирования в целом. Более того, любое, особенно долгосрочное, эффективное социально-экономическое планирование невозможно в современных условиях без учета влияния демографических факторов. Социалистическое общество, заинтересованное в скорейшем и наиболее эффективном социально-экономическом развитии, не может оставить вне своего направленного воздействия демографические процессы, развитие населения. Целью такого воздействия является формирование и поддержание оптимального типа воспроизводства (а в более широком плане — развития) населения. Поэтому демографическая политика является *необходимым* элементом любого, особенно долгосрочного, социально-экономического планирования.

Важно, однако, подчеркнуть, что необходимость проведения демографической политики отнюдь не определяется одними только потребностями общества в трудовых ресурсах, возможным их дефицитом в перспективе. Следует согласиться с мнением В. А. Болдырева, что решение проблемы дефицита трудовых ресурсов прежде всего состоит в использовании внутренних резервов производства за счет улучшения организации труда и роста его производительности. «Скрытые» резервы рабочей силы на заводах и фабриках составляют по некоторым оценкам 10—15%¹.

Но важно не только это. Даже если в стране будет проводиться эффективная демографическая политика, ее влияние на численность населения трудоспособного возраста как результат роста рождаемости и снижения смертности может проявиться, как будет показано далее, отнюдь не сразу². Но и после этого нужно будет 16—18 лет, чтобы эти люди, родившиеся в период повышенной рождаемости, вступили в трудоспособный возраст, и еще время для их обучения и приобретения необходимого трудового навыка. Словом, «демографический путь» решения проблемы дефицита трудовых ресурсов вряд ли практически реален в пределах нашего столетия.

Говоря о проблемах демографической политики, следует отметить, что в последнее время в отношении комплекса мер направленного воздействия на демографические процессы используется понятие *управление*. В общем виде задачей управления как функции системы является сохранение определенных ее качеств либо достижение определенной цели³. В демографическом плане это можно интерпретировать как систему мер, направленных на сохранение уже сложившихся параметров развития населения, если они соответствуют оптимальным, или на формирование желаемого типа воспроизводства. По сути дела, понятие «управле-

¹ См.: Болдырев В. А. Экономические аспекты проблемы рождаемости — В кн.: Рождаемость М., 1976, с. 67.

² Миграционные процессы могут меняться под влиянием мер демографической политики значительно быстрее, чем другие компоненты демографических процессов, и в этом их специфическая черта с позиций управления этими явлениями.

³ См.: Математика и кибернетика в экономике М., 1975, с. 592

ние демографическими процессами» близко к понятию демографической политики¹.

Естественно, что управление демографическими явлениями как система направленных мер воздействия для достижения определенной, достаточно четко сформулированной цели имеет свои специфические черты, определяемые особенностью процессов населения как объекта управления.

Прежде всего отметим, что объектом этих воздействий должны быть все *демографические процессы в комплексе*. Демографические процессы в реальной жизни настолько связаны между собой, что разработка системы управляющих мер лишь для одного из них практически малореальна. Принцип *комплексности* является одним из важнейших элементов в проведении демографической политики.

Более того, принцип комплексности подразумевает наряду с мерами по управлению процессами движения населения систему мер прямого и косвенного направляющего воздействия на различные структуры населения, включая образовательную и профессиональную. Но, изучая влияние структур населения, мы, по существу, анализируем динамику качества населения, которое проявляется в конечном счете в формировании новой интенсивности демографических процессов, т. е. в формировании нового типа воспроизводства, а в дальнейшем и развития населения.

Жизнь все время подтверждает необходимость комплексного подхода к проведению демографической политики. Например, проблему повышения рождаемости и снижения смертности в сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР нельзя решить без оптимизации миграционных потоков и возрастно-половой структуры населения, в первую очередь без прекращения оттока молодежи из этой части страны. Все это говорит о том, что эффективная демографическая политика должна быть комплексной по воздействию как на демографические процессы, т. е. она должна быть направлена одновременно и на рождаемость, и на смертность, и на миграцию, так и на демографические структуры, хотя

¹ Подробнее об этом см.: Система знаний о народонаселении. М., 1976, гл. IX; Валентей Д. И. Управление процессами развития народонаселения. — Вопросы философии, 1978, № 2.

и в разной мере. Без комплексного подхода к решению этих проблем, без учета единства количественных и качественных факторов проведение такого рода мер может оказаться малоэффективным.

Принцип комплексности демографической политики подразумевает и еще один важный элемент — необходимость путем направленных мер общества формировать желательное в перспективе качество населения. Это достигается путем развития соответствующих параметров в движении населения и желательных пропорций демографических структур, характеризующих качество населения. В этом смысле качество населения является синтезом компонентов демографического развития¹.

Конечно, полностью выдержать принцип комплексности в отношении одновременного воздействия на все демографические процессы достаточно трудно. Это связано не только с экономическими возможностями общества воздействовать в данный момент на те или иные процессы, но и с тем, что скорость изменения интенсивности различных процессов под влиянием управляющих мер далеко не одинакова. В этом смысле наиболее быстро (в историческом плане) меняются миграционные процессы, а наиболее медленно — интенсивность рождений и возрастно-половая структура населения страны. Однако воздействие на один процесс часто ведет к количественным изменениям другого. Уже указывалось, например, что в Нечерноземной зоне РСФСР оптимизация процессов миграции может достаточно быстро привести к увеличению числа рождений в регионе.

Когда речь идет о необходимости демографической политики, нельзя, по нашему мнению, исходить из положения о ненужности специальных мер такого рода, основываясь на том, что уровень демографических процессов, соответствующий определенному уровню социального развития, сформируется со временем «автоматически», т. е. без воздействия специальных мер общества.

В целом, конечно, любая социально-экономическая система имеет в той или иной мере свойство гомеоста-

¹ См.: Система знаний о народонаселении; *Васильева Э. К.* Социально-экономическая структура населения СССР. М., 1978.

за, это касается и постепенной приспособляемости интенсивности демографических процессов к характеру сложившихся социально-экономических условий. И в этом смысле население нашей страны, процессы брачности и рождаемости в ней также «приработаются» к сложившимся условиям, возникнет состояние определенного равновесия. Правда, это возможно лишь тогда, когда дальнейшие изменения в социально-экономических условиях не будут очень существенными, принципиальными или же темпы этих изменений будут достаточно низкими, не требующими существенной психологической перестройки¹.

Но вопрос — и весьма важный — состоит в том, на каком уровне воспроизводства наступит это «равновесие» — на уровне, например, массовой однодетной или же трехдетной семьи? Уже неоднократно отмечалось, что одно дело — использовать возможности имеющихся идеалов демографического поведения, другое — создавать, формировать их заново; последнее во много раз труднее и требует большего времени.

Нельзя забывать и о существовании силы инерции демографических процессов; например, чем дольше наблюдается снижение рождаемости, тем труднее его остановить или даже притормозить.

В. С. Стешенко и В. П. Пискунов в свое время высказали мысль о том, что демографическая политика необходима лишь тогда, когда есть серьезные доказательства того, что без специальных мер общества снижение темпов прироста населения может иметь серьезные отрицательные последствия и что только направленные меры общества в этом плане могут дать желаемый эффект. При этом надо также учитывать реальные материальные возможности общества².

Говоря об оценке современного демографического положения в стране, нужно определить тот рубеж, за пределами которого негативные последствия сложив-

¹ Важной в этом смысле является и проблема длительности во времени состояния такого равновесия. Иначе говоря, можно поставить вопрос так: что более длительно во времени в демографической системе — состояние равновесия или состояние перехода, приближения к нему?

² См.: Пискунов В. П., Стешенко В. С. К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества. — Демографические тетради. Киев, 1972, вып. 6—7, с. 72, 110.

шегося типа воспроизводства населения будут существенно и в самых главных направлениях превышать влияние его положительных аспектов, поскольку любой тип воспроизводства не может иметь одни только положительные или отрицательные последствия. Таким рубежом, видимо, является суженное воспроизводство населения. Нежелательность, более того, недопустимость для социалистического общества в долгосрочной перспективе суженного воспроизводства для значительной массы населения страны или союзной республики отмечается многими исследователями.

Однако существует проблема не только определения самого понятия суженного воспроизводства населения, но и выработки системы характеристик, которые позволяют установить существование такого типа воспроизводства населения для реального, а не гипотетического населения.

Известно, что многие общие характеристики процессов движения населения, например демографические коэффициенты, настолько зависят от влияния структурных факторов, что по сути своей указывают лишь на то, что «что-то происходит», и это «что-то» выражается в том-то. Это своеобразный термометр, который показывает температуру «демографического организма». Диагноз же поставить и тем более лечить, если это необходимо, на основе этих данных практически нельзя.

Если перейти от аналогий и сравнений к примерам из жизни, то можно, например, отметить, что в ряде сельских районов Нечерноземной зоны РСФСР число рождений в отдельные годы было меньше смертей, но причиной этого была прежде всего серьезная деформация возрастно-половой структуры населения этого региона при сохранении ориентации «оставшегося» населения на двух-трехдетную семью. Иначе говоря, мы возвращаемся к вопросу о том, что же такое суженное воспроизводство.

Под ним, в первом приближении, как уже говорилось, следует понимать систематическое, т. е. в течение длительного периода, сокращение общей численности населения в результате превышения числа смертей над числом рождений. Подчеркиваем, что речь идет именно о долговременном, т. е. в течение ряда

лет, «отрицательном естественном приросте»¹, а не об эпизодически встречающемся явлении. Такой подход особенно важен в условиях деформированной, существенно отличной от стабильной, возрастной структуры населения.

Положение в этом плане осложняется тем, что в масштабе отдельных регионов страны число рождений может быть меньше, чем смертей (или приближаться к нему), а общая численность населения может расти за счет миграции. Более того, сама миграция, в первую очередь прибытие молодежи, может привести к экстенсивному росту числа рождений. Поэтому длительный рост общей численности населения отнюдь не всегда означает существование расширенного (по интенсивности процессов) типа воспроизводства населения.

С позиций интенсивности процессов естественного движения населения для характеристики того или иного типа воспроизводства часто используют нетто-коэффициент воспроизводства населения. Однако, как показывают детальные исследования, он характеризует режим воспроизводства не фактического, а по сути своей модельного, теоретического населения со стабильной возрастной структурой. Поэтому возможности использования его для реального населения весьма ограничены, особенно для населения регионов.

Видимо, единственной достаточно корректной характеристикой типа воспроизводства населения может быть характеристика, показывающая степень замены одного поколения другим. Возможность таких исчислений показана Р. И. Сифман и Е. М. Андреевым, подсчитавшими, что когорта женщин 1925—1929 гг. рождения, т. е. практически закончивших воспроизводительный цикл, с учетом реально существующей смертности возобновлялась на 114%. В целом, по мнению авторов этого расчета, степень возобновления поколения женщин, цикл деторождения которых заканчивается в начале 70-х годов, была несколько выше простого воспроизводства².

Однако сложность такого рода исчислений помимо информационных трудностей состоит в том, что, имея

¹ Сам по себе термин звучит не очень удачно, поэтому он дается в кавычках, хотя довольно часто используется в литературе

² См. Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР М., 1974, с. 52—62

данные о степени возобновления отдельных когорт, закончивших полностью или в основном воспроизводительный цикл, трудно оценить тип воспроизводства для страны или региона в целом, поскольку трудно оценить достаточно точно итоги воспроизводительной деятельности молодых когорт и особенно агрегировать данные по отдельным поколениям для всего населения.

Поэтому в качестве палиативного решения, позволяющего установить наличие тенденций к суженному воспроизводству, может быть констатация долговременного превышения числа смертей над числом рождений

Другим приближенным методом комплексной оценки реальной ситуации может быть сопоставление среднего числа детей у женщин разных поколений, тенденций этого процесса, с их числом, необходимым для простого воспроизводства. Конечно, ожидаемое и фактическое числа детей у поколений могут (и даже должны, хотя и незначительно) расходиться, но при отсутствии серьезных потрясений вряд ли эти различия могут быть существенными.

Существуют ли сейчас для больших территорий в нашей стране тенденции к суженному воспроизводству? Напомним в этой связи, что по расчетам Б. Ц. Урланиса, которые справедливы в принципе и сейчас, для простого возобновления поколений в среднем на брачную пару надо 2,34 ребенка, а на каждую женщину—2,1 ребенка¹. Посмотрим теперь с позиций приведенных ранее определений, есть ли угроза (или реальное существование) суженного воспроизводства.

Прежде всего отметим, что по данным обследования мнений, проведенного НИИ ЦСУ СССР в 1969 г., среднее ожидаемое число детей у замужних женщин в возрасте до 40 лет было ниже 2,34 — уровня простого воспроизводства — у женщин, проживающих в Латвийской ССР, Украинской ССР, РСФСР, Эстонской ССР, Молдавской ССР и Литовской ССР². По данным близкого по характеру обследования 1972 г. ожидаемое число детей ниже уровня простого воспроизводства было у замужних женщин крупнейших по численности национальностей страны: русских, белорусок, украинок, а также у

¹ См. Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР, с 285—288

² См. Белова В. А., Царский Л. Л. Статистика мнений в изучении рождаемости, с 102

эстонок, литовок и евреек. Примечательна в этом плане и тенденция к систематическому снижению из года в год среднего ожидаемого числа детей в среднем у всех женщин страны.

Если у женщин, вступивших в первый брак в 1930—1934 гг., это число составляет 3,76 ребенка, в том числе у городского населения — 3,25, а у сельского — 4,30, то для когорты 1950—1954 гг. вступления в брак эти величины были соответственно 2,70; 2,22; 3,63, а для брачной когорты 1970—1972 гг. — уже 2,06; 1,83 и 2,69¹. Конечно, эти сопоставления достаточно условны, но определенное представление о возможных тенденциях процессов они дают.

Более остро складывается демографическая ситуация в крупнейших городах страны, в первую очередь в Москве. Так, по данным обследования, проведенного отделом демографии НИИ ЦСУ СССР в 1969 г., среднее ожидаемое число детей составляло в столице 1,68, а в целом по РСФСР — 2,21; по данным обследования, проведенного в 1970 г. в Москве Центром по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ, среднее имеющееся число детей составляло 1,04, а желаемое их число — 1,81².

В столице систематически снижается величина естественного прироста населения: если в 1965 г. этот показатель составлял 2,3‰, то в 1975 г. — 2,1‰, в 1977 — 1,5‰, а в 1978 г. — 1,4‰, т. е. разница между числом рождений и смертей в 1978 г. составляла всего 11,0 тыс. человек и была бы значительно меньше, если бы не приток в столицу молодых мигрантов. Конечно, при этом следует учесть и специфику возрастного состава населения Москвы, где значительную часть (около 15% по данным переписи 1970 г.) составляли люди в возрасте 60 лет и старше³.

Достаточно сложная демографическая ситуация и в других крупнейших городах страны. Так, по данным, приводимым в работе И. А. Андерсона, в Риге 70% ра-

¹ См.: Сколько детей будет в советской семье, с. 23, 77.

² См.: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 115; Таубер Н. Условия жизни семьи и среднее число детей. — В кн.: Демографический анализ рождаемости. М., 1974, с. 13.

³ См.: Москва в цифрах. 1979. Стат. сборник. М., 1979, с. 7; Вестник статистики, 1979, № 11, с. 70.

ботающих матерей в возрасте до 35 лет имеют только одного ребенка. В сельской местности республики однопородные семьи составляют около половины всех семей. Между тем для простого воспроизводства в республике необходимо иметь в среднем 215 детей на 100 женщин и 250 детей на 100 замужних женщин¹.

Отметим также, что переход к суженному воспроизводству населения в первую очередь возможен за счет снижения интенсивности рождений, поскольку смертность населения вряд ли может измениться в обозримой перспективе достаточно существенно. Конечно, колебания числа смертных случаев в том или ином году возможны под влиянием диспропорций возрастной структуры, а в региональном плане — и миграции, но мало вероятно, что в ближайшие десятилетия существенно снизятся по возрасту показатели смертности.

Иное дело динамика процессов рождаемости, хотя и здесь для групп населения с уже установившейся низкой рождаемостью диапазон колебаний по сравнению с прошлым не очень велик. Тем не менее главный компонент, изменение которого может привести к образованию суженного воспроизводства населения, — это рождаемость.

О причинах и факторах, определяющих современные тенденции рождаемости, о влиянии экономических факторов, в том числе изменений жизненного уровня, на интенсивность этого процесса писалось очень много. Но правомерно будет поставить и обратный вопрос: почему, в силу каких факторов супруги хотят иметь то или иное число детей — 1—2 ребенка в Москве и многих других районах страны или 8—9 в сельской местности республик Средней Азии? Иначе говоря, нужно наряду с социально-экономическими факторами изучить влияние и промежуточного между экономикой и демографией компонента — меняющегося отношения семьи к детям, понять, какую ценность имеют дети для современной семьи или, иначе говоря, каковы потребности семьи (супругов) в детях.

В этом плане следует различать потребности общества в определенном количестве населения, прежде всего трудоспособного возраста, и потребности семьи в определенном числе детей. Не останавливаясь специаль-

¹ См.: *Андерсон Н. А. Третий ребенок* Рига, 1979, с. 8.

но на проблеме определения рационального уровня занятости¹, отметим, что развитое социалистическое общество, особенно с учетом интересов освоения новых территорий, заинтересовано в постоянной сменяемости поколений трудоспособного и всего населения.

Что касается семьи, то в современных условиях дети занимают в системе потребностей семьи иное, чем в прошлом, положение. Одним из главных в этом плане является вопрос о характере потребности в детях — какой он: биологический, экономический, психологический, или мы имеем дело с сочетанием этих компонентов?

Отметим прежде всего, что с позиций семьи, во всяком случае, малодетной, «чисто экономическая» ценность детей в настоящее время практически отсутствует. Дети не являются кормильцами родителей в старости, что было в прошлом весьма важной их функцией, за выполнением которой общество, особенно русская сельская община, следило очень внимательно². Сейчас эти функции в основном берет на себя общество.

Несмотря на то что обучение (как общее, так и специальное) в нашей стране бесплатное, родители участвуют своими средствами в этом, порой достаточно длительном, процессе. Более того, помощь старшего поколения, учитывая их растущие с годами в результате приобретения опыта доходы, продолжается очень длительное время, часто даже после выделения детей, особенно если их 1—2, в самостоятельную семью. В то же время в условиях социализма родители не передают свое «дело», капитал; само понятие «наследник» у нас значительно изменилось. Эти и некоторые другие моменты ведут к тому, что прямая экономическая заинтересованность семьи в детях сейчас в отличие от прошлого отсутствует или очень сильно ослабла. На этой основе изменилось отношение семей к детям, оценка их роли в системе жизненных ценностей.

Существует точка зрения, и достаточно распространенная, что снижение рождаемости до очень низкого уровня невозможно из-за существования так называем-

¹ Об этом см.: Костаков В. Г. Прогноз занятости населения. М., 1979.

² См. Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX—начале XX в.— В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, с. 97.

мого «инстинкта материнства», «потребности в продолжении рода»¹. Например, положение о том, что естественный инстинкт продолжения рода не могут подавить никакие общественные мотивы, выдвигал Я. Н. Гузеватый². Такой подход встречается и в работах Я. И. Рубина³.

Примеры эти можно умножить, но главное в том, что сторонники этой точки зрения предполагают, что снижению рождаемости, особенно ниже уровня простого воспроизводства, будет препятствовать этот «инстинкт материнства» (точнее, родительства). А раз так, то практически не нужны никакие меры демографической политики, потому что все равно такого рода инстинкт «сработает», так сказать, автоматически на том или ином уровне. Словом, все само собой образуется.

Рассмотрим, хотя бы в первом приближении, вопрос о том, есть ли такой инстинкт у современного человека. Многие потребности человека носят биологический, точнее, физиологический характер: потребности во сне, в воздухе, воде, пище и ряд других, в том числе и половые потребности. Роль каждой из этих потребностей в жизнедеятельности организма различна — без дыхания человек не проживет и нескольких минут, без пищи он может обходиться несколько суток и т. д., т. е. в той или иной степени некоторые из этих потребностей могут подавляться или ограничиваться на разные сроки — от нескольких минут до нескольких лет⁴.

Что касается половой потребности, то даже в животном мире, во всяком случае, у высших животных, и при отсутствии реализации этой потребности особь в конечном счете не гибнет, как при отсутствии воды, пищи и тем более воздуха, хотя испытывает определенное состояние неудовлетворенности. Иначе говоря, это биологическая потребность, так сказать, «второго рода».

Кроме того, как неоднократно отмечалось в демографической литературе, у животных половая потребность связана с продолжением рода, по сути дела, здесь связь функциональная. Следствием реализации половой

¹ Подробный разбор этой концепции содержится в работе: Борисов В. А. Перспективы рождаемости, с. 174—178.

² Вопросы философии, 1974, № 9, с. 88.

³ См.: Рубин Я. И. Оптимум населения: что за этим понятием? с. 115.

⁴ Подробнее см.: Антонов А. И. Социология рождаемости. М., 1980.

потребности является зачатие, в этом и проявляется та самая потребность в сохранении вида, о которой часто говорят и пишут.

Но ведь у человека всегда (или почти всегда) было четкое понимание связи между половым актом и рождением детей, понимание возможности отделить эти события друг от друга. Не случайно различные методы ограничения рождаемости были известны людям много тысяч лет назад. Произошел (или стал возможным) разрыв между действительно физиологической половой потребностью и следствием ее реализации — рождением детей. Удовлетворение половой потребности в результате соответствующих мер могло и не приводить к рождению ребенка.

Однако одно дело — понимание связи между этими явлениями, другое — активное стремление к их «разрыву». Очень долгое время, как известно, население исходило из неизбежности и даже обязательности рождений как следствия половых сношений. Не случайно поэтому в далеком прошлом у многих народов или у отдельных групп населения появились разного рода запреты на половые сношения в то или иное время. Это в какой-то степени вело к ограничению рождаемости. Конечно, основные массы людей не ограничивали рождаемость многие столетия в силу влияния целого ряда социально-экономических причин и сложившихся на этой основе стандартов демографического поведения. Но важно подчеркнуть, что единство этих функций в прошлом, в том числе и в России, считалось аксиомой¹. Все это создавало устойчивое представление у ряда исследователей о существовании инстинкта размножения на основе естественной связи половых сношений и рождаемости, которое подкреплялось экономической целесообразностью высокой рождаемости в прошлом².

Часто в этом плане говорят и об инстинкте продолжения рода, наследниках своей личности. Отметим прежде всего, что каждый человек — личность по-своему неповторимая и уникальная. Однако в прошлом при мало меняющихся социально-экономических условиях и высокой

¹ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч., с. 94.

² С позиций ряда ведущих религий, особенно христианства, в прошлом рождение детей «в муках и страданиях» было искуплением за греховность интимных отношений.

рождаемости существовала не просто «чисто биологическая» наследственность, но и преемственность социальная, экономическая, профессиональная, кастовая, религиозная. Дети (в основном сыновья) принимали у отцов, а порой и дедов, их «дело», они учились непосредственно у них различным трудовым навыкам, перенимали все бытовые и иные традиции семьи. Иначе говоря, дети были действительно часто продолжателями и преемниками рода и даже во многом психологического стереотипа личности родителей. Более того, без помощи родителей они не могли получить трудовые навыки, найти свое место в обществе¹.

В наши дни положение изменилось коренным образом. Значительная часть населения СССР различными методами ограничивает рождаемость. Напомним еще раз, что использование различных методов ограничения рождаемости (аборты, контрацепция или другие методы) — это результат стремления к малодетной семье, возникшей под влиянием ряда сложных социально-экономических факторов. Когда в семьях возникает и укрепляется ориентация на малодетную семью, четкая убежденность в том, что другого типа быть не может, то для реализации этой потребности используются любые методы ограничения рождаемости. Если одни из этих методов запрещены законом (например, аборты) или не одобряются бытовыми или религиозными традициями, то всегда будут использованы какие-то другие: с большими или меньшими потерями для здоровья, но конечный результат будет достигнут.

В этом плане с позиций демографической политики можно говорить лишь о выборе и внедрении в широкую практику тех средств ограничения рождаемости, которые наименее вредны для организма. Во многом это медицинская проблема; она решается с учетом индивидуальных особенностей организма, отдаленных последствий использования тех или иных средств контрацепции.

¹ Важно также отметить, что многодетная семья в прошлом была не только (возможно, и не столько) экономически сильнее, она обладала большим социальным, общественным весом, причем в этом случае повышался не только авторитет родителей, но и самих детей. Наконец, в прошлом семьи с большим числом сыновей легче могли противостоять разного рода внешним угрозам, через дочерей и сыновей устанавливались многочисленные родственные связи с другими семьями и общинами.

С точки зрения выбора мер демографической политики важно понять, что никакими запретами нельзя остановить, а тем более повернуть вспять, генеральные тенденции развития населения. Если обратиться к рождаемости, то переход к малодетной семье — явление необратимое на данном этапе развития. Поэтому, когда в тех или иных публикациях, особенно медицинских, пишется о вредности для организма различных контрацептивов, сравнивать их негативные влияния на организм надо с последствиями абортов, ибо альтернатива здесь проста — или контрацепция, или аборт¹. Но даже если аборты и продажа контрацептивов будут запрещены, рождаемость будет ограничиваться при наличии стремления к этому так называемыми «естественными методами» или нелегальными и поэтому чаще всего более опасными для здоровья абортами².

Все это говорит о том, что население, сориентированное на ограничение рождаемости, не только осознает, но и осуществляет в массовом масштабе «разрыв» между половыми потребностями как определенным видом физиологических потребностей и зачатием. В этом смысле и существовавшее ранее, при высокой неограничиваемой рождаемости, представление людей о «естественном единстве» этих явлений практически исчезло, во всяком случае, у большинства населения страны, как исчезло достаточно само по себе трансформированное представление о продлении рода. Конечно, и сейчас существует в ряде районов страны высокая рождаемость, но это, ско-

¹ Еще один метод ограничения рождаемости — стерилизация — в силу ряда социальных и гуманистических моментов не применяется в широких масштабах ни в социалистических странах Европы, ни в развитых капиталистических странах. Таким образом, единственной альтернативой аборта является использование эффективных средств контрацепции. О реальности этого пути говорит пример Венгрии. Здесь число абортов снизилось со 170 тыс. в 1973 г. до 96 тыс. в 1975 г. По мнению венгерских демографов (см.: *Сабеди Э. Проблемы населения Венгрии на современном этапе.* — В кн.: *Население и трудовые ресурсы в социалистических странах.* М., 1979, с. 39—40), это связано с увеличением числа людей, систематически применяющих противозачаточные средства.

² Известно, что и в развитых странах, в том числе в СССР, значительная часть населения в целях ограничения рождаемости использует метод «coitus interruptus». Доля этого населения колеблется в пределах от 1/3 до 2/3 лиц, ограничивающих рождаемость (см.: *Борисов В. А. Перспективы рождаемости,* с. 168—170).

рее, сознательная ориентация на определенный и специфический тип демографического поведения.

В современных условиях значительно ослабла и, так сказать, прямая трудовая преемственность поколений. И сейчас имеется много семейных династий, но конкретная преемственность профессий у разных поколений семьи стала встречаться гораздо реже, чем ранее, во всяком случае, перестала быть обязательной. Более того, даже если сын (или дочь) работает по той же специальности, что и отец или мать, то научно-технический прогресс ведет часто к тому, что старшее поколение может передавать детям лишь общие принципы подхода к производству, к данной конкретной профессии. Поэтому вряд ли можно считать, что в современных условиях «инстинкт» продолжения рода влияет существенно на формирование желания иметь очередного ребенка.

Медики часто (и, видимо, справедливо) отмечают, что рождение оптимального числа детей благотворно действует на организм женщины. Однако влияние этого фактора на принятие супругами решения о рождении ребенка вряд ли стоит переоценивать, поскольку эти проблемы мало кто знает, а самое главное, последующие реальные трудности в воспитании детей часто перевешивают в глазах супругов получаемую в этом случае пользу.

Таким образом, основное значение детей в малодетной семье, видимо, определяется их социально-психологической функцией¹. Необходимо учитывать прежде всего роль и место детей в системе жизненных ценностей семей той группы населения, к которым принадлежат супруги либо на которую они ориентируются. Это достаточно сильный, естественно, в осредненном влиянии, фактор. По сути дела, речь идет, хотя это и не очень точно, о том, сколько «модно», «прилично» иметь в семье детей. Именно воздействие разными методами на пути формирования этих идеалов или на создание условий для реализации существующих оптимальных идеалов и должны быть направлены меры демографической политики.

¹ Мы не хотим специально разбирать проблему понятия и места потребности в детях в системе потребностей семьи, поскольку эта тема требует самостоятельного анализа. Об этом см.: Управление развитием народонаселения СССР. По нашему мнению, в этом плане все большее значение приобретает эмоциональное общение родителей и детей, своего рода функция покровительства старшего поколения по отношению к младшему.

Такого рода «подсказывание» семье того или иного типа демографического поведения в интересах общества с учетом долгосрочных тенденций развития демографических процессов и возможностей семьи позволит во многом ликвидировать противоречие, которое иногда существует между заинтересованностью общества в том или ином типе рождаемости и фактическом ее уровне в семьях.

Все вышеизложенное позволяет еще раз сделать вывод о том, что негативные тенденции воспроизводства вполне реальны как вариант развития населения.

Могут ли они быть преодолены «автоматически», т. е. без специальных мер демографической политики, за счет одного только общего поступательного социально-экономического развития нашего общества? Во избежание встречавшегося ранее неправильного понимания нашей точки зрения повторим, что *демографическая политика всегда есть в конечном счете элемент общей социально-экономической политики общества и может быть успешной лишь в системе поступательного развития общества в целом.*

Ранее уже говорилось о необходимости комплексного использования мер демографической политики, но ее нельзя сводить и к использованию одного из рычагов социальной политики (например, системы общественных фондов) для решения задач демографической политики. По сути дела, вопрос состоит в том, достаточно ли одних мер по развитию общественных фондов потребления, использование которых, по мнению В. П. Пискунова и В. С. Стешенко¹, является основным путем решения демографических проблем социалистического общества, или это должен быть комплекс специально разработанных в этих целях мер.

Как известно, система распределения материальных благ через общественные фонды преследует иные социальные цели, чем стимулирование рождаемости или прямое воздействие на другие демографические процессы. При всей своей значимости они не будут психологически ощущаться как формы направленного стимулирования деторождения, хотя в чисто материальном плане они являются весьма ощутимой помощью

¹ См.: Пискунов В. П., Стешенко В. С. К теоретическому обоснованию. ., с. 109—119.

семье. В. П. Пискунов и В. С. Стешенко считают, что только быстрое развитие сети коммунально-бытовых учреждений и общественного воспитания детей при расширении мер идеологического воздействия может решить демографические проблемы. Следует согласиться, что эти меры в разной степени влияют на интенсивность процессов рождаемости, смертности и миграции, на развитие демографических структур.

Однако если касаться только проблем рождаемости, то одним развитием сети бытовых услуг и общественного воспитания вряд ли можно добиться создания желательного в перспективе для развитого социалистического общества уровня рождаемости, соответствующего типа детности семей. Это связано с целым рядом обстоятельств.

В современных условиях семья выполняет трудовые, воспитательные и воспроизводительные функции; задача направленных мер общества как раз и состоит в том, чтобы найти оптимальные динамические их сочетания¹. Это означает, что семья с определенным, отвечающим потребностям общества числом детей должна иметь такой уровень жизни (и в материальном, и в духовном плане), который в наибольшей степени соответствовал бы стандартам, существующим в данной общественной группе. Сюда входит и образ жизни в целом, система потребностей и привычного ритма жизни, благоприятного бюджета времени. Между тем с рождением детей, особенно 2-го и 3-го ребенка, образ жизни подавляющего большинства семей существенно меняется, уменьшается доход на одного члена семьи, а иногда абсолютный среднегодовой доход и, что особенно важно, меняется бюджет времени супругов, их стиль жизни, возрастает нагрузка на мать, женщина надолго отрывается от работы. Все это создает обстановку дискомфорта, не только материального, но и «временного», и психологического.

Вместе с тем рождение детей является важнейшей функцией семьи, ее долгом перед обществом. И если

¹ Следует учесть, что проведение демографической политики не только может способствовать укреплению семьи и тем самым общего нравственного климата в обществе, комплексное ее влияние может положительно сказаться через семью и на многих других социальных проблемах, в том числе на воспитании коммунистических нравственных идеалов у молодежи.

возникают в этом плане противоречия между интересами семьи и общества, их разрешение необходимо. Разрешить эти противоречия в чисто теоретическом плане можно двумя путями.

Наиболее радикальный способ, и его предлагают В. П. Пискунов и В. С. Стешенко, состоит в полной, или почти полной, передаче воспитания детей в руки общества. В этом случае схематически жизненный путь человека можно было бы представить следующим образом: детские ясли — детский сад — школа-интернат, учреждения профессионального обучения разного типа — трудовая жизнь до пенсии и, исходя из этой логики, дома для пенсионеров. За семьей остается в этом случае, и то лишь до новых биологических открытий, принятие решения о рождении ребенка и решение проблем, связанных с собственно рождением, причем в период беременности мать также может находиться под контролем врачей в специальных учреждениях. Словом, это жизнь почти полностью в пределах тех или иных учебных, бытовых и производственных коллективов.

Конечно, такой подход к воспитанию детей имеет определенные достоинства. Во-первых, воспитание детей в этом случае будет доверено профессионально подготовленным специалистам-педагогам, а не родителям, не имеющим в большинстве своем не только педагогической подготовки, но часто и природных способностей в этой области. Но эти преимущества обернутся реальностью, если в распоряжении общества будет большое число учителей и воспитателей в дошкольных учреждениях с высокой профессиональной квалификацией, если достаточно совершенная техника обеспечит отбор для этих профессий людей с педагогическим талантом. Высококвалифицированное и эффективное обучение и воспитание подрастающего поколения требует также существенного уменьшения среднего числа учеников, приходящихся на одного учителя (воспитателя), особенно в интернатах. Как видим, проблем в этой области немало. И одна из них — отбор молодежи, стремящейся приобрести профессию учителя, воспитателя. В 1978 г. в народном образовании и культуре 74% работающих составляли женщины¹; вряд ли можно признать оптималь-

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 466.

ным такое соотношение полов среди владеющих этой профессией.

В 1978/79 учебном году в среднем на одного учителя (включая руководящий состав школ) в дневных общеобразовательных школах приходилось 18 учеников. С 1965/66 по 1978/79 г. число педагогических работников дневных общеобразовательных школ выросло с 2251 тыс. до 2335 тыс. человек, а число учащихся под влиянием тенденций к снижению рождаемости сократилось с 43,4 млн. до 39,9 млн.¹ Чтобы снизить среднюю нагрузку учителя вдвое (при прочих равных условиях), в 1978/79 г. пришлось бы увеличить численность учителей примерно до 4,7 млн., что трудно даже с внеэкономических позиций. Кроме того, потребовались бы огромные ассигнования и на строительство новых помещений для детских учреждений и школ. Словом, переход к такой системе обучения вряд ли возможен в ближайшем будущем.

Аналогичная проблема встает и с детскими дошкольными учреждениями. По данным, приводимым З. А. Янковой, в 1977 г. детские дошкольные учреждения посещало около 40% детей дошкольного возраста². На содержание одного ребенка в яслях в год расходуется свыше 500 руб., а в детских садах — свыше 450 руб., родители максимально оплачивают 20% общей стоимости содержания ребенка в этих учреждениях. Расходы государства на одного учащегося в общеобразовательной школе за год составляют около 180 руб. Чтобы довести уровень обеспеченности детскими дошкольными учреждениями до 80%, даже без учета расходов на строительство нужно было бы дополнительно выделять при современной численности дошкольных контингентов по ориентировочным оценкам до 6 млрд. руб. в год.

Но наряду с социально-экономическими проблемами такой путь поощрения рождаемости, так сказать, ее «полное обобществление», имеет и другие спорные проблемы. Например, возможно ли полноценное нравственное воспитание и правильное психическое развитие детей вне повседневного влияния родителей, прежде всего матери и семьи в целом?

¹ См. Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 466, 470.

² См. Янкова З. А. Городская семья. М., 1979, с. 175.

Этот вопрос сам по себе достаточно сложен и малоизучен, видимо, вообще трудно поддается какому-либо измерению. Ведь речь идет о том, можно ли количественно измерить то влияние, которое оказывает забота в первую очередь матери, ее душевные качества на развитие личности ребенка, особенно в первые годы его жизни. Этот душевный, личностный контакт матери и ребенка, отца и ребенка не смогут заменить даже самые квалифицированные педагоги.

В этом плане следует согласиться с замечанием В. А. Борисова в адрес некоторых положений работы В. П. Пискунова и В. С. Стешенко, которые пишут о том, что в будущем чувства материнства и отцовства могут удовлетворяться не только своими детьми¹.

И сейчас люди развитого социалистического общества относятся с большой любовью и вниманием ко всем, а не только к своим детям. Но это отнюдь не заменяет того психологического контакта, имеющего большое нравственно-воспитательное значение, который существует между родителями и детьми. Во всяком случае, последствия такого «обобществленного» воспитания, а следовательно, его возможность и необходимость надо тщательно и детально изучить. Следует также учесть, что всегда будут семьи, которые захотят воспитывать сами своих детей, вне дошкольных учреждений.

Отчуждение детей от семьи приведет к тому, что в условиях высокого материального благосостояния единственным фактором, который будет скреплять семью, останутся, так сказать, «лирические» контакты. Это может привести к очень сложным проблемам в развитии семьи, ее устойчивости.

Таким образом, полное (или почти полное) отчуждение детей от семьи — дело очень сложное, неясное по своим последствиям и экономически малореальное в ближайшие годы и даже десятилетия. Хотя в этой форме воспитания имеются свои достоинства, но нельзя закрывать глаза и на возникающие проблемы в этой области.

Как отмечают советские социологи, занимающиеся

¹ См.: Пискунов В. П., Стешенко В. С. К теоретическому обоснованию..., с. 90; Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976, с. 225—226.

проблемами развития семьи¹, в нашей стране за годы Советской власти сложилась и постоянно совершенствуется система воспитания детей, которая представляет гармоничное и неразрывное сочетание участия в этом процессе семьи, школы и общественности. Каждый из этих элементов в такой системе является обязательным и не может быть полностью вытеснен другим. Так, воспитание в семье, имея свои особенности, способствует развитию у детей навыков адаптации в малой социальной группе, содействует выработке у детей необходимых эмоциональных качеств, в том числе навыков партнерства и ряда других, без которых не будут вырабатываться установки на создание семьи вообще. Данные проведенных обследований² показывают, что наилучшие успехи в развитии имели те дети, успешное домашнее воспитание которых сочеталось с посещением детских дошкольных учреждений. Да и само наследие считает сочетание семейного и общественного воспитания наилучшей формой воздействия на развитие детей.

Все это говорит о том, что еще многие годы на семью будет ложиться значительная и материальная, и «временная» нагрузка, поэтому помощь общества семье для поощрения рождаемости необходима. Естественно, что демографическая политика не исключает, а наоборот, подразумевает развитие сети бытовых и детских учреждений. Она должна также включать и меры экономической помощи семье с учетом повышения ее расходов после рождения ребенка в виде разного рода прямых денежных выплат. Нельзя однако преувеличивать значение такого рода мер, считая их панацеей от всех бед, но и отрицать их значение, как это практически делают В. П. Пискунов и В. С. Стешенко, вряд ли правомерно.

Следует при этом учитывать, что такого рода выплаты имеют целевое, четко определенное назначение, поэтому они психологически более ощутимы семьей как элемент формирования нового репродуктивного поведения, чем другие меры по росту уровня жизни населения. В то же время такого рода пособия, да и другие меры демографической политики, должны рассматри-

¹ См.: Янкова З. А. Городская семья, с. 176—178.

² Там же, с. 177—178.

ваться как элементы единой программы помощи семье со стороны общества.

Говоря о таком методе поощрения рождаемости, как прямые денежные выплаты семье, иногда пишут, что эти меры не имеют реального экономического значения, поскольку исследования показывают, что брачные пары, как правило, недооценивают свои материальные возможности в воспитании детей. По сути, речь идет о предположении, что жизненный уровень семей после рождения детей практически не меняется (или меняется несущественно).

Проведем в этих целях достаточно условный расчет, памятуя о том, что в настоящее время семьи, имеющие двоих и троих детей, не получают в большинстве своем непосредственной систематической материальной помощи от государства в форме прямых выплат¹. Предположим, что молодожены, вступившие в первый брак, работают и получают оба заработную плату, соответствующую современной средней. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих (без выплат из общественных фондов) составляла в 1977 г. 155,2 руб.², т. е. на двоих 310,4 руб. Если учесть, что возраст молодых супругов 23—25 лет, то даже после окончания обучения по специальности они по понятным причинам отнюдь не всегда получают заработную плату на среднем общесоюзном уровне.

В свое время была сделана примерная оценка расходов на содержание одного ребенка в городах, согласно которой эта величина составляет в возрасте 3—4 лет в среднем в месяц около 52 руб., а на первом году жизни — 48 руб.³ Учитывая, что расчет был сделан для середины 60-х годов и что за прошедшее после этого время в силу ряда причин и прежде всего роста уровня жизни расходы на содержание детей выросли, их мож-

¹ Пособия на детей тем семьям, где среднедушевой доход менее 50 руб. в месяц, в большинстве своем также получают многодетные семьи.

² См.: Народное хозяйство СССР в 1977 г., с. 385.

³ См.: *Кваша А. Я.* О некоторых инструментах демографической политики.— В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 76. При этом мы не учитывали денежной помощи старшего поколения, что возможно не для всех семей. Вряд ли у молодых семей могут быть и свои большие сбережения.

но оценить в середине 70-х годов примерно в 65—70 руб. для ребенка в возрасте до трех лет.

Видимо, и на первом году жизни расходы родителей на содержание ребенка будут также достаточно велики. Если принять, что в среднем на питание ребенка на первом году его жизни (с учетом усиленного питания матери в период грудного кормления) тратится ежедневно в среднем не менее 1 руб., то только на это уйдет в год около 365 руб. Допустим также, что предметы домашнего обихода ребенка на первом году жизни обойдутся семье примерно в 100 руб.

Если предположить, что мать выходит на работу через 6 месяцев после рождения ребенка, т. е. очень рано, а неоплачиваемая часть отпуска по случаю болезни ребенка в последующие 6 месяцев составит около 2 недель, то в этом случае потери семьи в среднем за год исходя из среднемесячной заработной платы в 155,2 руб. составят примерно 548 руб. Всего же при этих условиях среднемесячные расходы на содержание ребенка (прямые и потери в заработной плате матери) на первом году жизни составят около 84 руб. в месяц¹. Таким образом, размер среднедушевого дохода такой гипотетической молодой пары уменьшится на первом году жизни ребенка со 155 до 71 руб., т. е. практически вдвое.

Как уже отмечалось, все эти расчеты условны и весьма приблизительны, но они в принципе показывают одно — материальные возможности семьи после рождения оптимального для общества числа детей в настоящее время отнюдь не улучшаются, а, скорее, наоборот. И молодые супруги отлично понимают это, они видят эти трудности на примере многих своих знакомых и друзей.

Таким образом, чтобы получить конкретный результат в области повышения рождаемости, должен быть разработан специальный комплекс разносторонних и долгосрочных мер, в том числе разного рода выплат семье. И именно такая ориентированность на достиже-

¹ Эти оценки, естественно, весьма условны и далеко не полны. В них, например, не учтены (и методически сделать это весьма сложно) расходы времени и труда супругов и других членов семьи по уходу за ребенком. Между тем с ростом качества населения величина этих затрат увеличивается.

ние определенного результата, конкретной цели — а в нашем понимании это параметры оптимального типа воспроизводства населения — позволяет выделить демографическую политику из системы других социально-экономических мероприятий общества и определить ее результативность (эффективность).

Такая программа должна быть долгосрочной, чтобы семьи могли или реализовать уже имеющиеся и отвечающие оптимальному уровню демографические идеалы, или сформировать новые. Учитывая большое значение психологического фактора в формировании демографического поведения, такая политика должна быть и экономически, и психологически ощущаема семьями, ее меры должны проявляться в виде определенной, конкретно ощутимой помощи семье.

Известно, что помощь государства семье через систему общественных фондов в наших условиях достаточно велика и имеет важное значение для населения, а значит, и для семей. Трудно переоценить их роль в бюджете семьи. Так, в 1979 г. среднемесячная заработная плата с добавлениями выплат и льгот из общественных фондов потребления составляла 224 руб., т. е. с учетом общественных фондов она была выше денежной заработной платы на 36,6%. С 1960 по 1978 г. среднемесячная заработная плата с добавлением выплат и льгот из общественных фондов выросла более чем в 2 раза¹. И тем не менее еще раз подчеркнем, что чисто психологически рост выплат из общественных фондов не ощущается так наглядно, как непосредственная выплата тех или иных, особенно достаточно существенных, сумм семье. Поэтому, придавая большое значение мерам демографической политики, проводимым через систему общественных фондов (например, развитие сети детских дошкольных учреждений, а только в 1977 г. на дошкольное воспитание было израсходовано 14,5 млрд. руб.), не следует отрицать и материального и морального значения прямых денежных выплат семье.

Спорным вопросом является выбор форм выплаты этих пособий — или в виде определенного (фиксированного или меняющегося) процента к заработной плате родителей, или в виде определенной конкретной суммы

¹ См.: СССР в цифрах в 1979 году. М., 1980, с. 171.

вне зависимости от доходов семьи. И та и другая форма имеет свои положительные и негативные стороны.

Но оценивать плюсы и минусы разных вариантов, преимущество одного по сравнению с другим имеет смысл в том случае, если нужно выбрать единственную форму стимулирования рождаемости. Если же речь идет о системе разнообразных инструментов демографической политики, эти меры вне зависимости от их формы могут сыграть положительную роль. При этом, конечно, большое значение будут иметь размеры денежных выплат. Но в любом случае такого рода пособия, особенно если они достаточно существенны по величине, будут создавать с материальных позиций благоприятный климат для деторождения.

Не следует преувеличивать, но не надо и преуменьшать роль разного рода выплат семье в системе мер демографической политики. Это один и достаточно важный ее элемент. Его роль зависит от целого ряда социально-экономических факторов, в том числе от уровня жизни населения. При высоком и постоянно растущем уровне жизни такие меры могут отходить на второй план, а на первый план будут выступать меры психологического, воспитательного плана и наоборот.

Вряд ли следует опасаться и того, что такие пособия снизят, как полагают В. П. Пискунов и В. С. Стешенко, материальную заинтересованность людей, особенно матерей, в их труде и основном виде дохода — заработной плате. Размеры такого рода выплат, как показывает опыт социалистических стран Европы, даже при максимальном размере на троих детей не могут превысить среднемесячную заработную плату.

Но дело не только в деньгах. Работа для основной массы женщин в социалистических странах стала элементом престижности, привычным жизненным стереотипом. Наконец, на работе мы получаем большую часть своей жизненной и бытовой информации. Поэтому бояться того, что после введения семейных пособий значительная часть женщин станет плохо работать или совсем оставит работу, не следует. Этому будут противодействовать не только материальные факторы, но и весь образ жизни населения.

Отметим также, что опыт социалистических стран Европы, в том числе Чехословакии и Венгрии, где разного рода выплаты семьям получили наибольшее развитие,

показывает, что там не произошло принципиального изменения уровня занятости женщин¹.

В то же время не следует преувеличивать, в том числе в пропаганде, место женщины в общественном производстве, забывая о ее ролевой функции матери и воспитательницы детей. Психологическая ориентация многих женщин прежде всего на работу ведет к тому, что воспитание детей, ведение домашнего хозяйства часто представляются им делом неинтересным, второстепенным. Если добавить к этому все еще недостаточное развитие сферы услуг и сохраняющиеся пережитки недооценки роли работы в семье со стороны ряда мужчин, то все это ведет к возникновению многих дополнительных конфликтов в семье, к ограничению числа детей или даже к распаду семьи. Стереотипы мышления у многих женщин и мужчин таковы, что они видят свое самоутверждение в роли «я прежде всего художник», «прежде всего инженер» и т. д., а потом уже все остальное, в том числе демографические роли.

Велико значение активной и тактичной пропаганды необходимости гармоничного сочетания трудовой и воспитательной функций в семье. В этом плане важно влияние стереотипов поведения старшего поколения, чье мнение также имеет большое значение (подчас раздается реплика, что «не для того мы дали ей образование, чтобы она стирала пеленки»).

Но важна и другая сторона этого вопроса — необходимость широких мер общества, направленных на то, чтобы создать наилучшие условия жизни супругов, прежде всего с позиций облегчения их бюджета времени, особенно для женщин. В этих целях определенное значение имело бы более широкое использование частью матерей права работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. Такая мера могла бы несколько осложнить и без того напряженный баланс трудовых ресурсов, особенно в так называемых «женских» отраслях, где ощущается дефицит трудовых ресурсов. Однако и здесь рост интенсификации и улучшения организации труда могли бы нейтрализовать эти

¹ Например, с 1960 по 1976 г. в Чехословакии доля женщин в общей численности рабочих и служащих выросла с 39,8 до 46,1% а в Венгрии — с 32,5 до 43,7% (см. Народонаселение стран мира М, 1978, с. 297—298).

трудности. Потери в доходах семьи можно компенсировать путем разного рода пособий.

Конечно, такую форму поощрения рождаемости, или, как иногда иронически говорят, «платное материнство», нельзя считать единственной и решающей, но и полностью отрицать значение этих мер нельзя. Без этого элемента успех демографической политики также маловероятен. И хотя введение этой меры связано с рядом экономических проблем, в том числе с поступлением в продажу достаточного количества товаров повышенного спроса, без чего такие выплаты малоэффективны, но в целом в условиях социалистической экономики эти проблемы принципиально разрешимы.

Одной из важных проблем демографической политики является выработка у населения оптимального графика рождений. Критерии оптимальности определяются в данном случае социальными и особенно медицинскими соображениями. Добавим также, что вариации интервалов между рождениями, сравнительно безвредных для организма женщины, растут с расширением использования современных эффективных контрацептивов и уменьшением числа абортс с их серьезными последствиями.

При определении оптимальных величин как интергенетических, так и протогенетического интервалов важным фактором является возраст супругов, причем чем старше они, тем опаснее для здоровья матери и ребенка откладывание на длительный срок рождения нового ребенка. Но и в этом случае существует определяемая биологическими причинами минимальная величина таких интервалов (до трех лет). Частое рождение детей с меньшими интервалами нежелательно. Однако этот вопрос нуждается в дальнейшей разработке не только медиками, но и демографами.

Формирование оптимальных интервалов между рождениями возможно лишь на основе широкой воспитательной кампании, во время которой необходимо пропагандировать преимущества такого оптимального графика. Естественно, что и в этом случае недопустимы никакие меры принуждения, даже косвенные.

В сфере демографической политики в области рождаемости большое значение будут иметь меры по усилению охраны здоровья женщины на производстве, прежде всего полная ликвидация их труда на тяжелых

и вредных для здоровья работах. Эти меры проводятся систематически в нашей стране. Так, в десятой пятилетке должно было быть высвобождено с таких работ около полумиллиона женщин¹. Эту работу необходимо продолжать и в дальнейшем.

В целом нужно еще раз подчеркнуть, что лишь использование разностороннего комплекса мер демографической политики в области рождаемости позволит учесть интересы разных групп населения и в сравнительно равной мере воздействовать на них.

В нашей стране существуют и некоторые специфические по сравнению с другими социалистическими странами проблемы, которые значительно осложняют разработку комплекса мер эффективной демографической политики. Это прежде всего существование различных типов воспроизводства.

Известно, что для большей части населения страны задача состоит в поддержании (или формировании) оптимальной рождаемости, в нашем случае — стимулировании рождения 2 и 3 детей в семьях. Но эта задача должна решаться не только применительно к тем республикам, где уже сейчас низкая рождаемость, — РСФСР, Украина, Белоруссия, Прибалтийские союзные республики, Грузия. В таких республиках, как Молдавия, Армения, Казахстан, Азербайджан, также идет процесс снижения рождаемости. Если его не остановить на уровне оптимальной рождаемости, то и эти регионы со временем могут оказаться перед угрозой перехода к суженному воспроизводству. Поэтому меры поощрения рождаемости необходимы фактически для подавляющего большинства населения СССР.

В тех же регионах, где сейчас существуют многодетные семьи как массовое явление, необходимо сохранить (и по возможности расширить, в том числе за счет средств предприятий и колхозов) различные формы помощи таким семьям со стороны общества. По сути своей такие меры являются актами социально-экономической помощи, ибо они призваны помочь этим семьям содержать и воспитывать большое число детей, которые появляются в них вне зависимости от прямого стимулирующего воздействия общества. Именно такое направление социально-экономической политики позволит учесть

¹ См.. Советское государство и право, 1978, № 6, с. 28

дифференциацию демографических установок разных союзных республик и национальностей СССР в условиях единой социалистической общности нашего народа.

Важный вопрос, который обычно задают, когда речь идет о проведении демографической политики вообще и прежде всего в отношении поощрения рождаемости, состоит в том, где взять средства на эти цели¹. Действительно, проведение любой долгосрочной и дорогостоящей программы возможно или за счет возросших экономических возможностей общества, или же путем перераспределения используемых средств. Иначе говоря, речь идет о степени приоритетности той или иной социальной программы, о значении решения этой проблемы для долгосрочных интересов общества. Только с этих позиций и, естественно, с учетом актуальности выделения средств на другие цели общества можно говорить о материальном обеспечении эффективной демографической политики. Таким образом, речь идет о системе стратегических целей развития общества в целом.

Определить объем и эффективность необходимых для этого средств достаточно сложно прежде всего из-за необходимости учета разностороннего эффекта введения таких мер, в том числе их демографических последствий. Например, чтобы определить объем расходов на так называемые пособия временно не работающей женщине с детьми, т. е. выплаты (помимо семейных пособий), предоставляемые женщине после окончания оплачиваемого послеродового отпуска до достижения ребенком определенного возраста, нужен большой объем информации.

Прежде всего необходимо знать установленные ставки таких пособий, в идеале дифференцированные в зависимости от очередности рождения, а также длительность их выплат. Но помимо этого надо иметь данные, причем на перспективу, о будущем числе рождений, их распределении по порядку рождения, об уровне детской и младенческой смертности, об интервалах между рож-

¹ Интересно, что такой вопрос, в принципе, реже возникает, когда речь идет о снижении смертности или рационализации миграции. Это, видимо, во многом объясняется более тесной и очевидной их связью с конкретными вопросами жизни и экономического планирования, в том числе с проблемами обеспечения трудовыми ресурсами.

дениями. Если такие пособия выплачиваются достаточно длительное время (например, в Венгрии — в течение трех лет со дня рождения ребенка), то необходимо знать, сколько женщин предпочитают не работать и получать такие пособия на первом году жизни ребенка, на втором и на третьем.

Опыт Венгрии показал, что если на первом году жизни ребенка не работает и получает пособие основная масса матерей, то на втором и особенно третьем году число их существенно снижается, причем это снижение варьирует в зависимости от образовательного уровня матери¹.

Сложность такого рода расчетов не ограничивается этим. Для эффективного народнохозяйственного планирования необходимо определить и те экономические последствия, которые возникнут в связи с отвлечением значительной части женщин от трудовой деятельности во время дополнительного послеродового отпуска. Аналогичные последствия надо учесть и при увеличении длительности различных форм отпуска матери, будь то очередной отпуск (а это, как известно, одна из форм стимулирования рождаемости) или оплачиваемый (полностью или частично) отпуск по случаю болезни ребенка.

Словом, такого рода расчеты требуют не только разработки детальной методики, но и большой разносторонней информации, которая для нашей страны в основном может быть получена лишь по данным переписи населения 1979 г., расширения программы текущего учета в предпереписной период и различных выборочных исследований.

Сейчас, пока еще не разработаны полностью материалы переписи населения 1979 г., да и другой информации недостаточно, можно очень условно оценить такого рода расходы. При этом следует учесть, что надо сохранить те расходы на выплату пособий многодетным и одиноким матерям, малообеспеченным семьям, а также расходы на содержание детей в дошкольных учреждениях, кото-

¹ Так, с 1967 по 1973 г. доля пользующихся этим пособием увеличилась у женщин с неполным средним образованием с 77 до 85%, а с высшим — лишь с 34 до 56% (см.: Политика народонаселения в странах — членах СЭВ. М., 1977, с. 27).

рые государство уже взяло на себя и которые растут из года в год.

Таблица 16

**Расходы по Государственному бюджету СССР
на выплату пособий матерям и обслуживание детей, млн. руб.**

	1950	1960	1970	1979
Пособия по беременности и родам, многодетным и одиноким матерям, на предметы ухода и кормление ребенка и на детей малообеспеченным семьям	542	1005	1301	2603
Расходы на обслуживание детей в детских домах, яслях, садах и учреждениях по внешкольной работе с детьми	1283	1725	4298	6911

Особое место в демографической политике занимают вопросы брачности и разводимости. Следует подчеркнуть, что в этой области демографическая политика должна быть особенно осторожной и деликатной, всемерно избегать «силовых приемов», т. е. административно-запретительных мер, противоречащих генеральным тенденциям развития брака.

В этой области демографическая политика развитого социалистического общества базируется на большом опыте. Напомним, что уже в первые годы Советской власти были отменены все сословные, этнические и религиозные ограничения для вступающих в брак, была создана гуманистичная процедура развода, оберегающая, по выражению В. И. Ленина, «азбучные права гражданина и гражданки»¹. Законом особо охраняются права детей при разводе, существует равенство, причем не только юридическое, но и фактическое, закрепленное и законом, и бытовыми традициями нашего общества,

¹ Процедура оформления развода за годы Советской власти неоднократно менялась, что отражало разные этапы развития нашего общества, жизненной практики в этой сложной сфере законодательства. Действующая в настоящее время процедура является одной из самых демократичных в мире.

детей, рожденных в юридическом браке и вне его.

Главное направление демографической политики в этой области состоит в настоящее время в том, чтобы всемерно снизить число и долю распавшихся и даже неудачных в силу тех или иных причин браков путем оказания квалифицированной и рациональной помощи населению. Прежде всего это помощь в разъяснении тех трудностей, которые могут возникнуть в молодой семье, советы специалистов, каким путем лучше преодолеть эти трудности, обучение молодежи основным правилам «семейного общежития». Важно в этом плане в скорейшие сроки ликвидировать «демографическую неграмотность», которая пока еще существует среди населения¹. Иначе говоря, чтобы было меньше «брачной хирургии» (разводов), надо больше заниматься профилактикой «брачных болезней», их терапией. Следует при этом учитывать и очень сложные процессы, происходящие в современной семье, в частности утрату в ней доминирующего влияния мужа (отца), как материального, так и духовного. На смену семье авторитарной пришла семья демократическая, а часто — с преимущественным влиянием женщины. Это происшедшее сравнительно недавно изменение ролевых функций, так сказать, «непритертость» нового стереотипа семьи, сейчас обуславливает многие конфликты и разводы.

Как уже отмечалось, важным элементом развития населения являются тенденции смертности, их направленность и структура². Планомерное воздействие общества на этот компонент естественного движения населения имеет очень большое значение, хотя в этой сфере демографическая политика тесно связана с социальной политикой, с перспективами развития здравоохранения. Применительно к условиям нашей страны меры демографической политики в этой сфере могут, в принципе,

¹ Напомним в этом плане один любопытный парадокс. Очень многие литературные произведения, как правило, кончаются, когда молодые люди, преодолев ряд препятствий, вступают в брак. Но будет ли он счастливым, этот брак? Где ответ на этот вопрос?

² Проблемы демографической политики в области смертности и миграции, безусловно, заслуживают более детального разбора. Однако это связано с информационными трудностями, да и важность этих проблем обуславливает необходимость особого их рассмотрения.

иметь два направления. Первое, наиболее эффективное для ближайшего исторического периода, состоит в дальнейшем снижении смертности от ряда заболеваний, в первую очередь в практической ликвидации смертей от экзогенных заболеваний. Этого можно добиться достаточно быстро на основе широкого использования уже имеющихся достижений медицинской науки и повышения эффективности функционирования органов здравоохранения. Решение этой задачи может быть осуществлено в исторически короткий период.

Другой важный, хотя и более трудный, элемент — дальнейшее снижение смертности от эндогенных заболеваний (прежде всего от болезней сердечно-сосудистой системы и злокачественных новообразований) на основе новейших достижений науки. Сроки их внедрения в широкую практику и освоения достаточно велики. Успешность борьбы с этими сложными и трудными для лечения заболеваниями во многом зависит от таких факторов, как состояние окружающей среды, образ жизни людей. Иначе говоря, это направление в области борьбы со смертностью требует и больших затрат, и большего времени.

Наконец, следует напомнить о прямом и косвенном влиянии войн на здоровье людей. Сейчас в возрасте 50 лет и старше находятся контингенты, понесшие наибольшие потери, как прямые, так и в виде ослабления здоровья, в годы Великой Отечественной войны. Понятно, что смертность этих поколений также может быть несколько выше. Следует учесть, что и дети, родившиеся в военные годы и даже бывшие в этот период в младшем возрасте, несмотря на помощь нашего общества, могут иметь несколько ослабленное здоровье. Наше здравоохранение и общество в целом принимает ряд мер по ослаблению силы влияния этих причин, но устранить их полностью вряд ли возможно.

Все это говорит о необходимости реализации большого комплекса мер по дальнейшему снижению смертности в нашей стране. В частности, на это направлено постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дальнейшем развитии здравоохранения в нашей стране, принятое в 1977 г.

Наконец, надо всемерно усиливать борьбу за дальнейшее снижение смертности от несчастных случаев и

травм на производстве и в быту. В этом плане большое значение имеет дальнейшее усиление борьбы со злоупотреблением спиртными напитками¹.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС говорилось о том, что важной задачей естественных и общественных наук является «разработка эффективной демографической политики»². Подчеркнем, что речь идет именно о разработке эффективной демографической политики. Такая постановка задачи отвечает современным требованиям и развитию нашего общества, сформулированным в проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года»³. Поэтому когда речь идет о разработке такого важнейшего элемента социально-экономической политики, как демографическая политика, то необходимо подходить к ней именно с точки зрения ее эффективности, прежде всего самого понятия эффективности применительно к этому виду направленных действий общества.

Следует с позиций общего подхода различать проблему эффективности самих социально-экономических процессов и тесно связанную с ней, но не тождественную ей задачу эффективности управления этими явлениями.

Проблема эффективности экономических процессов является одной из важнейших в экономике, она широко исследуется наукой, по этим вопросам имеется большое число публикаций⁴. Поскольку это самостоятельная и скорее политэкономическая, чем демографическая, тема,

¹ По данным, приводившимся в печати (см. Литературная газета, 1978, 21 июня), чистый доход от продажи спиртных напитков в Грузии составил 146 млн руб, а общие суммарные потери — около 200 млн руб.

² Материалы XXV съезда КПСС М., 1976, с. 73.

³ См. Правда, 1980, 2 дек.

⁴ Одной из последних работ в этой области, в которой содержится обзор подходов к определению эффективности общественного производства, является книга А. И. Вострокурова «Эффективность общественного труда» (М., 1978, с. 17, 22—35).

нас в первую очередь интересует общий подход к этой проблеме. При всем разнообразии рассматриваемых показателей эффективности общественного производства можно выделить два направления ее измерения.

Во-первых, выявление соотношения между эффектом (результатом) и затратами на его достижение, причем эффективным может быть только такой процесс, при котором результаты будут выше затрат. Как известно, и об этом будет говориться далее, такой подход применим в определенной мере к оценке эффективности (точнее, экономической эффективности) демографической политики

Во-вторых, — и это более широкий подход — выявление наряду с чисто экономическим эффектом при оценке результатов экономического и особенно социального явления целого ряда социальных последствий и достижений. В социально-экономическом плане это может быть и улучшение условий труда, и выравнивание уровней развития города и деревни, и многое другое. Именно такой комплексный подход наиболее правомерен в отношении оценки предпочтительности того или иного типа воспроизводства населения со многими его сложными отношениями и последствиями.

Несколько иначе можно подойти к оценке эффективности процессов управления. По имеющимся определениям критерием эффективности управления является либо оптимизация параметров управляемой системы, либо адаптация ее к меняющимся условиям внешней среды, позволяющая обеспечить жизнедеятельность и достижение соответствующих целей¹.

Эффективность любого управляющего решения в общем виде состоит в выборе такого варианта действий, который позволяет достигнуть поставленной цели с наименьшими затратами и в кратчайшие сроки. Таким образом, речь идет о выборе из системы возможных решений такого, которое наилучшим образом отвечало бы выдвинутым требованиям. Принципы выбора наиболее эффективного пути решения той или иной экономической (или большей частью экономической) проблемы достаточно хорошо разработаны в экономической науке, хотя и здесь есть ряд нерешенных проблем. Но почти во всех случаях выбор варианта решения той или иной

¹ См. Философская энциклопедия М., 1970, т V, с 283

конкретной задачи (например, эффективности того или иного варианта капитальных вложений) осуществляется большей частью на основе определенных количественных критериев, например величины фондоотдачи, выхода продукции на 1 руб. затрат, сопоставления других конкретных экономических показателей.

Значительно более сложно обстоит дело с принятием решений о выборе тех или иных путей в области социально-экономических проблем, т. е. там, где при оценке предпочтительности того или иного варианта развития необходимо учитывать не только (а зачастую и не столько) чисто экономические, но и многие, и порой противоречивые, социальные, моральные, политические критерии. Именно к таким объектам относятся демографические процессы, где чисто экономические цели могут конкурировать и даже вступать в противоречие с целями социальными. В этом случае встает задача выбора главного критерия эффективности развития населения, а значит, и демографической политики.

Поэтому сама проблема определения эффективности демографической политики по сути сводится к нескольким основным моментам: а) определение системы критериев демографической политики и на этой основе — цели демографической политики; б) разработка системы измерителей эффективности демографической политики для исследования самого процесса формирования желательного уровня явлений.

Если же говорить несколько упрощенно, то эффективная демографическая политика — это наиболее результативные с позиций достижения поставленных целей управления действия. Следовательно, сначала нужно определить на основе выбранных критериев цель, а затем разработать и меры контроля за ее достижением.

В самом первом приближении понятие эффективности демографической политики можно определить как *достижение поставленных инициаторами политики цели в исторически кратчайшие сроки с минимальными экономическими затратами при соблюдении действующих в обществе социальных норм*. Понятно, что это определение можно рассматривать лишь как отправную базу для дальнейшего анализа, поскольку каждый из элементов такой формулировки требует расшифровки.

Прежде всего подчеркнем то очень важное обстоятельство, что понятие цели демографической политики

отнюдь нельзя сводить только к тем или иным параметрам естественного движения населения и пропорциям возрастно-половой структуры. Такой подход, исключающий из анализа миграционные процессы и тенденции развития демографических структур, т. е. во многом качество населения, не позволяет выявить все основные взаимосвязи компонентов демографических процессов, а следовательно, механизм и генеральные тенденции развития демографических явлений. Поэтому речь идет о цели демографического развития с позиций широкого понимания предмета изучения демографии как науки, с позиций системы демографических знаний.

В этом плане важно также отметить, что цели демографической политики не сводятся к формированию каких-то одних количественных характеристик процессов воспроизводства населения; речь идет о создании (если им не является фактический) типа воспроизводства населения с новыми качественными параметрами. Это особенно важно с позиций будущего, поскольку в отдаленной перспективе при возможных больших социально-экономических изменениях параметры ряда демографических процессов (особенно рождаемости и в меньшей мере смертности) будут по интенсивности варьировать незначительно. В этом случае особое значение приобретает создание (или развитие) нового качества населения¹.

Цель демографической политики является соподчиненным элементом общих задач долгосрочного развития нашего общества, в этом смысле она является элементом иерархической системы целей, т. е. соподчинена с другими важными задачами. В то же время трудно повышать эффективность функционирования общества в целом, не создав наиболее рационального типа развития населения. В этом смысле необходимость повышения эффективности функционирования всего народнохозяйственного и социального организма страны неизбежно обуславливает необходимость создания и рационального (т. е. оптимального) типа развития населения (именно развития, а не только его воспроизводства).

В решении этой проблемы огромная роль принадлежит теоретическим исследованиям, которые должны поз-

¹ Подробнее об этом см.: Валентей Д. И. Управление процессами развития народонаселения — Вопросы философии, 1978, № 2

волють определить в общем виде те черты типа воспроизводства и развития населения будущего общества, которые будут наиболее рациональны с позиций общих закономерностей развития социализма. В наше время это становится возможным с демографических позиций еще и потому, что практически, как уже отмечалось, вряд ли можно ожидать принципиальных изменений в интенсивности ряда демографических процессов.

Об окончательной эффективности демографической политики можно будет судить лишь после того, как оптимальные и реальные характеристики развития населения существенно сблизятся, причем такого рода совпадение должно быть не случайным, а устойчивым состоянием, хотя полное, стопроцентное, совпадение вряд ли возможно.

О ходе же этого процесса можно судить по скорости устойчивого сближения фактических и теоретических, желательных, характеристик процесса, по динамике уменьшения различий этих характеристик.

Говоря об эффективности демографической политики, следует, видимо, различать ее общую, генеральную и долгосрочную эффективность в приведенном выше смысле и эпизодические, частные, ближайшие по времени результаты мер демографической политики в той или иной социальной области. Эти частные эффекты могут проявляться в разных областях. Например, строительство детских учреждений, улучшение качества их работы может привести к увеличению общей занятости женщин, в том числе за счет снижения числа пропущенных по случаю болезни ребенка рабочих дней. Увеличение оплачиваемой части послеродового отпуска женщин может привести к улучшению здоровья детей, а в конечном счете и к уменьшению потерь выпуска продукции из-за пропуска работы матерями в связи с уходом за больным ребенком. Такого рода эффекты не всегда «на виду», но их значение достаточно велико, и они могут проявиться в историческом плане достаточно быстро.

Иногда эффективность демографической политики определяют, как уже отмечалось, сопоставляя в той или иной форме затраты государства на ее проведение, в частности на повышение рождаемости, и полученный в результате разного рода экономический эффект. Один из путей этого подсчета — сопоставление того дохода, который может получить общество за счет увеличения

прироста населения в результате демографической политики, а значит, через определенное время и новых работников, с расходами общества на эти цели¹. Он, в принципе, возможен, по нашему мнению, но лишь как чисто экономическая часть системы оценок комплексной эффективности демографической политики, поскольку результат ее мер проявляется не только в экономической, но и во многих других областях — социальной, политической, морально-этической.

Следует также отметить, что сопоставление расходов государства на демографическую политику с «экономической отдачей» — объемом продукции, произведенной дополнительно родившимися детьми на протяжении всей их жизни, рассчитываемым на основе методов условного поколения, само по себе в силу метода расчета достаточно спорно, не говоря уже о сложностях сколь-либо полной оценки вклада каждого гипотетического поколения. Методически более приемлемым было бы, видимо, сопоставление вклада каждого реального поколения и его расходов, что позволило бы учесть специфику жизни каждого поколения, а следовательно, более полно определить эффект «прироста» числа детей. В целом же в чисто экономическом плане, как показывают некоторые расчеты, каждый человек на протяжении своей жизни создает ценностей значительно больше, чем потребляет, поэтому материальные вложения в демографическую политику, естественно, в разумных пределах, всегда будут рентабельны.

Так, если продолжить проведенные С. И. Пирожковым расчеты (правда, весьма условные) соотношения производства и потребления населения Украинской ССР в 1969—1970 гг., то превышение объема производства над потреблением на одного мужчину составит в среднем 23,4 тыс. руб., а на одну женщину — 11,4 тыс. руб.² В среднем на один год жизни условного поколения это составит 352 руб. на одного мужчину и 154 руб. на одну женщину. При всей спорности и условности этих оценок они лишней раз подтверждают, что если даже все это «среднегодовое превышение» использовать на нужды

¹ Этот подход использовал в одной из своих работ чехословацкий демограф В. Срб.

² См.: Воспроизводство населения в условиях развитого социализма. Киев, 1978, с. 74—81.

демографической политики, то с учетом возрастной структуры населения республики в 1970 г. это составит около 2,6 млрд. руб. в год.

Исследование «экономической рентабельности» человека — дело сложное и в теоретическом и методическом плане. Следует при этом учесть, что люди старшего поколения потребляют по нормам сегодняшнего дня, а максимальная производительность их труда достигалась лет 30 назад, по стандартам того времени. Иначе говоря, во все такого рода расчеты надо вводить поправку на разность уровней производительности труда во времени.

Остается весьма острой проблема соотношения ближайших и долгосрочных целей, вопросы оценки эффективности тех или иных мер с позиций сегодняшнего и завтрашнего дня. С позиций краткосрочного эффекта, в нашем случае, как минимум, 10—15 лет, вложения в демографическую политику даже при высокой ее конечной эффективности могут влиять на экономические процессы лишь косвенно — через улучшение состояния здоровья детей и матерей и ряд других компонентов. Лишь значительно позже они могут сказаться на увеличении численности потенциальных трудовых ресурсов.

Как уже отмечалось, одним из теоретически возможных критериев эффективности управляющих действий может быть быстрота адаптации управляемой системы к окружающей среде. Такой критерий эффективности для демографической политики, на наш взгляд, использовать достаточно сложно в силу ряда причин. Во-первых, он не позволяет сформулировать четко цель демографической политики, что затрудняет ее «вычленение» из системы других управляющих социальных акций. Во-вторых, само понятие «адаптация к окружающей среде» нуждается в определенных количественных измерителях степени расхождения тех параметров, которые «диктуются» реальными условиями окружающей среды, и рационального их уровня.

Наконец, что очень важно, если исходить из того, что сама окружающая среда (естественно, в широком, социальном, смысле) меняется под влиянием управляющих мер в желаемую сторону, т. е. в конечном счете оптимизируется, то в этом случае при отсутствии мер демографической политики во всей социальной системе одни лишь демографические процессы будут меняться

вне прямых управляющих мер. Это, в свою очередь, не только может привести к большим издержкам и потерям, но и затруднит процесс оптимизации системы в целом.

Важной проблемой определения эффективности демографической политики является, как уже отмечалось, соотношение ближайших и последующих ее результатов. Генеральный эффект демографической политики может проявляться далеко не сразу. Но с позиций современных интересов общества, диктуемых чисто внеэкономическими моментами, часто бывает желательным получить в ближайшее время ощущаемый эффект от тех или иных мер. В этом случае необходимо, чтобы такие частные эффекты не усложняли существенно решение генеральной задачи демографической политики.

Важной проблемой является также вопрос о соотношении региональной и общесоюзной демографической политики. По этому вопросу ведется много дискуссий¹. При рассмотрении его необходимо учитывать несколько моментов. Прежде всего необходимо подчеркнуть существование общего направления, общей генеральной линии развития демографических процессов в исторической перспективе — это переход всего населения к низкой рождаемости на базе малодетной семьи, рост интенсивности миграции, рост (хотя и разными темпами) продолжительности жизни. Таким образом, по интенсивности процессов (подчеркнем, что речь идет именно об интенсивности) оптимальный тип воспроизводства населения будет единым по всей стране; здесь нет иной альтернативы. Другое дело, что число событий может из года в год варьировать под влиянием структурных факторов. С этих позиций критерий эффективности (или их система) един по стране в целом.

В то же время наряду с генеральными целями и критериями эффективности демографической политики могут быть и частные, локальные, критерии, отражающие специфику экономических или иных задач той или иной части страны и иерархически подчиненные главному. Эти задачи могут сказаться на особенностях проявления демографических процессов в отдельных районах

¹ См., например: Маневич Е. Л. Воспроизводство населения и использование трудовых ресурсов — Вопросы экономики, 1978, № 8, Урданис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР, с. 303

страны. В области миграции, например, они будут проявляться через разную ее интенсивность в тот или иной период времени. В отношении рождаемости при принципиально единой интенсивности может меняться, как уже отмечалось, годовое число рождений.

Дифференцированы в региональном плане должны быть методы демографической политики — в зависимости от местных условий, но с принципиально единой направленностью. Иначе говоря, при единой цели могут быть разные методы. При этом всегда будет какая-то группа мер, в первую очередь экономических, особенно денежные выплаты на детей, которые должны использоваться во всех районах. Но ряд других мер (особенно психологические) может различаться по районам страны.

Обратимся к системе показателей, по динамике которых можно судить об эффективности используемых мер.

Исходя из приведенного выше определения эффективности демографической политики, в первом приближении об этом можно судить по разнице оптимальных и фактических показателей воспроизводства населения, например нетто-коэффициентов воспроизводства. Однако каждый показатель воспроизводства населения по сути своей является синтетической, обобщающей характеристикой, поэтому ее необходимо дополнить целой системой формально частных, а фактически очень важных показателей.

Если говорить о процессах смертности, то такими характеристиками могут быть показатели продолжительности предстоящей жизни мужчин и женщин, достигших определенного возраста, причем в идеале не только по условному поколению, но и для отдельных когорт. Большое значение может также иметь анализ тенденций смертности по причинам, так как это способствует выявлению реальных резервов снижения смертности.

Более сложно обстоит дело с анализом тенденций рождаемости. Ведь речь идет о формировании нового типа демографического поведения (если реальный тип не соответствует оптимальному), а это означает не только определенное число детей в семьях к концу детородного возраста, но и наиболее рациональные (со многих точек зрения) интервалы между рожденьями. Такая «стандартизация» распределения рождений по возрасту должна стать своеобразной демографической модой, что

значительно облегчит решение многих социально-экономических проблем Конечно, это должен быть именно наиболее желательный, но отнюдь не обязательный, эталон демографического поведения Ведь всегда будут и семьи, которые в силу тех или иных (чаще всего медицинских) причин не могут иметь ребенка или, наоборот, желают иметь много детей

О перестройке демографических идеалов могут свидетельствовать не только изменения ожидаемого числа детей в семьях и интервалов между рождениями, но и динамика распределения детей по порядку рождения, свидетельствующая о генеральных тенденциях рождаемости. Разумеется, для достоверных выводов о динамике таких процессов надо иметь данные за ряд лет, чтобы исключить возможность случайных, эпизодических колебаний.

Определение эффективности демографической политики связано также с оценкой того временного интервала, который, исходя из приведенного ранее определения, можно назвать исторически кратчайшим сроком. Если, как и прежде, отталкиваться от проблем демографического оптимума как цели эффективной демографической политики и основываться на том, что это не только те или иные параметры воспроизводства населения, а и определенные соотношения демографических структур, то здесь возможен различный временной подход

Например, для оптимизации возрастной структуры населения, понимая под ней ликвидацию (т. е. постепенное сглаживание) всех диспропорций возрастной структуры населения для страны в целом, сложившихся в результате ряда особенностей ее исторического развития, потребуется несколько демографических поколений (60—90 лет) при сравнительно стабильной интенсивности всех процессов воспроизводства населения, прежде всего рождаемости. В этом смысле возрастная структура выступает, если можно так сказать, как «верхний лимитирующий» по времени фактор.

Если же говорить об оптимизации интенсивности демографических процессов и других демографических структур (кроме возрастной), то под исторически кратчайшим сроком можно понимать период, в течение которого в нашей стране будет закончен переход населения к всеобщей сознательно ограничиваемой рождаемости,

т. е. сложится принципиально единый по интенсивности тип воспроизводства населения на основе малодетной семьи. Создание такого типа воспроизводства сейчас зависит от скорости демографического перехода в сельской местности республик Средней Азии. Если он будет идти достаточно быстро¹, то, вероятно, для достижения поставленной цели потребуется около одного демографического поколения (или немного больше), предполагая, что активное снижение рождаемости начнется примерно во второй половине текущего десятилетия.

Обращаясь к проблеме оптимизации возрастной структуры в региональном плане, надо признать, что это в значительной мере трудно решаемая задача, поскольку социально-экономические задачи региона могут меняться. Поэтому о такой стабилизации можно ставить вопрос лишь по отношению к стране в целом, т. е. как синтез разного типа региональных возрастных структур.

Длина одного демографического поколения (около 30 лет) в принципе достаточна и для создания оптимальных пропорций (если они ясны в теоретическом плане) таких социально-демографических структур, как профессиональная, образовательная и некоторые другие. Поэтому представляется, что под исторически кратчайшим сроком следует понимать период около 30 лет.

В предложенном нами выше определении эффективности демографической политики говорилось также и о таком ее критерии, как наименьшие затраты средств. Решение этого вопроса требует изучения эффективности различных вариантов проведения этой политики, различного набора используемых мер. При этом, естественно, нельзя не учитывать, как уже отмечалось ранее, что достаточно точное выявление результативности той или иной меры демографической политики (или группы таких мер) представляет собой чрезвычайно сложную проблему. Это, однако, следует рассматривать лишь как довод в пользу более глубокой и энергичной разработки теории и практики демографической политики, а не как основание для отказа от постановки этой задачи.

И наконец, вопрос о нравственных нормах. Эти нор-

¹ В пользу такого предположения говорят не только теоретические выкладки, но и опыт ряда стран (например, Японии), где долгое время сохранялся и даже поддерживался высокий уровень рождаемости, а потом ее снижение пошло очень быстрыми темпами.

мы в отношении рождаемости практически были сформулированы еще В. И. Лениным в его статье «Рабочий класс и неомальтузианство»¹. Однако необходимость дальнейшей разработки такого рода норм и вопросов их практической реализации применительно к смертности, брачности, разводимости представляет собой актуальную и трудную задачу.

Оптимизация демографических процессов происходит в условиях, когда женщина стала экономически и психологически независимой, когда расторжение брака не означает для нее ни экономической, ни социальной катастрофы. Проблема определения оптимального уровня брачности в связи с этим приобретает новые оттенки.

Важно отметить также и то, что снижение смертности населения трудоспособного возраста, как и смертности населения вообще, приведет даже при неизменной рождаемости к росту и общей численности населения и отдельных его возрастных групп, в частности трудоспособного населения.

Проиллюстрируем это условным расчетом. Если взять численность мужского населения СССР в возрасте от 15 до 59 лет по данным переписи 1970 г. и принять повозрастные коэффициенты смертности мужчин на уровне 1972—1973 гг., то общее число умерших мужчин этого возраста можно оценить примерно в 407 тыс. в год. Если же подсчитать число умерших при той же возрастной структуре, но с уменьшением на 0,1 повозрастных коэффициентов смертности, то общее число умерших мужчин трудоспособного возраста составит уже 364 тыс. Иначе говоря, условный прирост трудовых ресурсов только за счет снижения мужской смертности составит 43 тыс. человек. Учитывая современный сложный и противоречивый характер развития процессов смертности в нашей стране в последние годы, меры, направленные на увеличение продолжительности жизни, могут дать большой эффект и в отношении роста численности трудовых ресурсов.

Когда говорят о необходимости роста рождаемости для ликвидации дефицита трудовых ресурсов (есть ли он или нет — другой вопрос) как цели демографической политики, то обычно исходят из положения о том, что население — это прежде всего «поставщик» трудовых ре-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 255—257.

сурсов, а все другие его свойства имеют в лучшем случае второстепенное значение. Такой подход никогда не отвечал действительности, а в развитом социалистическом обществе не отвечает больше, чем когда бы то ни было. Не люди существуют для производства, а производство — для людей. В конечном счете именно рост материального благосостояния людей, развитие социалистического образа жизни, а не рост производства сам по себе составляют высшую цель нашего общества.

Все эти соображения позволяют сделать вывод о том, что значение проблем народонаселения, в том числе и управления им, в кругу других социально-экономических проблем достаточно велико.

С нашей точки зрения, заслуживают внимания соображения, высказанные чехословацкими демографами В. Србом и А. Конечной. Они показали на основе ряда расчетов, что меры по поощрению рождений, проводившиеся в Чехословакии в больших масштабах, не снизили темпов роста национального дохода страны; в то же время стимулируемый ими рост численности будущих тружеников открывает перспективы большего увеличения доходов общества: ведь каждый человек производит при прочих равных условиях больше, чем потребляет¹. Выше уже приводились примеры такого рода и для нашей страны. Специалисты Чехословакии показали также, что популяционистские мероприятия дали значительный прирост числа рождений в этой стране — примерно на 10% по сравнению с тем уровнем, который существовал бы без осуществления мер демографической политики².

Опыт проведения демографической политики в социалистических странах Европы, прежде всего в Чехословакии, Венгрии, Болгарии, показывает, что для ее реализации с неослабевающей, а тем более растущей эффективностью необходимо, чтобы стимулирующее значение мер демографической политики возрастало. Это означает, что реальное значение таких мер, как разного рода виды помощи семье со стороны государства для наилучшего сочетания ее трудовой и воспроизводительной функции, для рационализации бюджета времени

¹ См. Срб В, Конечна А. Эффективность мероприятий по регулированию населения.— Демоста IX, 1976, № 1, с. 14—16.

² Там же.

смысл, для роста ее материального благосостояния, должно все время увеличиваться, хотя и разными темпами.

По мере роста материального благосостояния семей все бóльшую роль, и это показывает опыт социалистических стран Европы, будет играть не рост одних денежных доходов сам по себе, а возможность получения конкретных благ, например улучшения жилищных условий при рождении очередного ребенка, возможность приобретения необходимых товаров для детей и многое другое. При высоком жизненном уровне населения возрастает также роль психологических, воспитательных мер демографической политики, умелой и тактичной пропаганды новых демографических идеалов.

В этом плане весьма интересно обсуждение итогов проведения демографической политики в Венгрии, состоявшееся на заседании демографической комиссии АН ВНР в ноябре 1978 г.¹ Отмечая определенные успехи комплекса мер демографической политики, и прежде всего рост числа рождений и снижение числа абортс с их тяжелыми последствиями, доктор Э. Сабади вместе с тем подчеркнул, что пока не удалось добиться перехода большинства семей к трехдетной системе. А именно это необходимо для расширенного воспроизводства. В выступлениях ряда венгерских ученых и практических работников на этом заседании говорилось о необходимости не только расширения системы материальных льгот для семей, но и особенно перестройки «факторов сознания», т. е. о формировании новых стандартов демографического поведения, с одной стороны, и устранении тех причин, которые мешают семьям реализовать уже имеющиеся семейные идеалы — с другой.

Так как важным условием успешного проведения демографической политики является ее единая направленность на всей территории страны, то наиболее предпочтительно одновременное введение всего комплекса мер демографической политики в стране в целом при определенной дифференциации в зависимости от местных условий отдельных инструментов демографической политики.

Однако на практике одновременное введение во всеобщем масштабе всего многообразного комплекса мер

¹ Demografia, 1979, № 1, s 130—133.

демографической политики не только требует очень больших средств, но и связано с рядом проблем. Одна из них — неидентичность значения тех или иных мер демографической политики в разных районах страны, учитывающая различия в характере региональной демографической ситуации.

Учитывая современные тенденции развития населения в большинстве районов страны, демографическая политика по направлению, в принципе, должна быть пронаталистической, стимулирующей интенсивность рождений, оптимизацию направлений миграции, снижение смертности, развитие качества населения. Иначе говоря, она должна воздействовать не только на каждый процесс воспроизводства населения и его тенденции, а на взаимодействие всех процессов, а также на существующие в ряде случаев диспропорции демографических структур.

Как уже говорилось, интенсивность снижения рождаемости идет разными темпами, и сейчас демографические идеалы даже в пределах одних и тех же крупных административных единиц неодинаковы. Особенно сложная ситуация сложилась в крупнейших городах страны (Москве, Ленинграде, Киеве), являющихся ведущими историческими и научно-культурными центрами страны и потому признанных эталонами социального, в том числе демографического, поведения для большей части населения страны. Между тем режим рождаемости в этих городах в силу ориентации населения преимущественно на однодетную семью давно уже находится на уровне суженного воспроизводства и численность населения этих городов во многом растет лишь за счет миграции. В 1969 г. по данным обследования НИИ ЦСУ СССР среднее идеальное число детей у москвичек составляло 2,35 ребенка, в среднем по РСФСР — 2,63, в Эстонии — 2,74 и Узбекистане — 4,55.

Демографические установки населения столицы и других крупнейших городов значительно влияют на репродуктивное поведение всего населения. Не случайно поэтому одна из первых комплексных программ по улучшению демографической ситуации принята была в 1977 г. в Москве.

Существуют и другие районы страны, где демографическая ситуация не отвечает условиям осуществления даже простого воспроизводства населения. В первую

очередь это сельская местность Нечерноземной зоны РСФСР, а в последние годы и некоторые другие районы, где в результате интенсивного оттока молодежи число рождений стало в ряде случаев меньше числа смертей. Решение проблемы в этих районах состоит не только в прекращении оттока молодежи, но и в создании условий для стимулирования ее притока и обеспечения высокой приживаемости здесь.

Наряду с моральным стимулированием могут применяться некоторые материальные льготы для живущих в этих районах страны. Возможно, в какой-то мере стоит даже распространить на эти районы систему льгот, которая существует в районах Севера. В этих частях страны необходимо резко улучшить снабжение товарами широкого потребления, ускоренными темпами строить здесь детские учреждения и развивать инфраструктуру в целом. Такого рода льготы должны действовать не некоторый период, а длительное время; только тогда они дадут эффект.

Следует также учесть, что требуется время для того, чтобы более четко проявились формирующиеся под влиянием социально-экономических факторов тенденции снижения рождаемости в сельской местности республик Средней Азии, начали складываться новые стереотипы демографического поведения. Время требуется и для детального исследования проблем демографической политики в нашей стране, выбора наиболее эффективного ее варианта, особенно с позиций минимизации используемых средств. Расширение научных исследований—важнейшее условие успешности демографической политики.

Исходя из всех этих соображений, можно предложить последовательность введения мер демографической политики. При этом следует учесть, что одновременно с предлагаемыми мерами будет реализован ряд других экономических мер, предусмотренных соответствующими решениями партии и правительства, направленными на повышение уровня жизни населения СССР, охрану здоровья матерей и детей, на стимулирование миграции в восточные районы страны.

На первом этапе разработки и внедрения мер демографической политики начали создаваться и проводиться в жизнь широкие комплексные программы по оздоровлению демографической ситуации в крупнейших го-

родах страны. В десятой пятилетке такие программы разработаны для Москвы, некоторых других регионов РСФСР. В одиннадцатой пятилетке работа в этом направлении будет продолжена.

Одновременно необходимо внедрять в широкую практику новые и эффективнее использовать уже имеющиеся меры по резкому изменению направления и интенсивности миграционных потоков, в частности, в некоторых сельских районах страны, в первую очередь в сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР. Опыт широкого использования такого рода мер в восточных районах страны позволяет надеяться, что они могут быть эффективными.

Одновременно необходимо развить и организационно укрепить базу научных исследований проблем населения в нашей стране.

На втором этапе, обобщив опыт использования мер демографической политики в отдельных районах, необходимо вводить комплексы разносторонних мер, направленных на поощрение рождаемости, на всей территории страны, кроме районов с высокой рождаемостью. В системе мер следует предусмотреть и повышение размеров пособий по многодетности для рождений старших порядков — от 4-го ребенка в семье и выше. Одновременно по всей стране следует проводить комплекс мер по дальнейшему снижению смертности и оптимизации миграционных потоков из сельской местности республик Средней Азии.

На третьем этапе следует распространить комплекс мер демографической политики на все население страны.

Предполагаемая последовательность введения мер демографической политики, разумеется, является ориентировочной и может быть уточнена в ходе дальнейших исследований.

Сложность связей социально-экономических и демографических процессов, их разностороннее переплетение и взаимозависимость, долгосрочный характер изменения их интенсивности и в то же время необходимость и возможность планомерного воздействия общества на эти процессы обуславливают необходимость, даже обязательность программно-целевого подхода к разработке комплекса проблем демографической политики. Его организационным воплощением должна стать комплексная долгосрочная программа развития населения СССР.

Такой подход позволяет при принятии ряда ответственных решений в области демографической политики учесть специфические (или «внутридемографические») связи, т. е. связи как между отдельными видами движения населения, так и между демографической и другими социально-экономическими системами.

Эта программа позволит ясно представить систему связанных между собой целей направленного воздействия общества на демографические процессы.

Наконец, такой программно-целевой подход к проблемам демографической политики позволит наиболее эффективно использовать преимущества научного планирования, лежащего в основе управления развитием нашего общества. Все это делает разработку комплексной долгосрочной программы развития населения СССР важным и обязательным компонентом управления всеми социально-экономическими процессами в развитом социалистическом обществе.

О КОМПЛЕКСНОЙ ДОЛГОСРОЧНОЙ ПРОГРАММЕ РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР

Перед советскими учеными XXV съезд КПСС поставил задачу разработать эффективную демографическую политику, важность которой подтверждена также проектом ЦК КПСС к XXVI съезду партии. Эта задача должна решаться, учитывая сложность и многогранность факторов, детерминирующих изменение интенсивности процессов, происходящих в населении, представителями разных научных дисциплин. Иначе говоря, речь идет о комплексном научном подходе к изучению народонаселения.

Хотелось бы еще раз вернуться к той важной истине, что любые меры по управлению демографическими процессами могут быть успешными лишь как элемент управления всем социально-экономическим развитием общества, как подсистема всего комплекса управляющих действий. В то же время отсутствие одного блока, в нашем случае — демографического, в комплексе управляющих действий может значительно затруднить реализацию программы управления в целом.

Детерминированность демографических процессов социально-экономическими проявляется во многих направлениях. На демографические процессы влияет уровень социально-экономического развития страны и ре-

гионов, исторически сложившиеся традиции населения, нравственные и социальные его принципы, сложившийся уровень жизни населения, причем важно выделить сложившиеся стандарты потребления. Лишь учитывая реальный уровень и структуру потребления, можно оценить возможность использования различных мер демографической политики, особенно эффективность денежных выплат семьям.

Меры управления демографическими процессами должны учитывать еще одну их особенность — длительность изменений по сравнению с другими социально-экономическими явлениями: для демографических явлений основная единица времени — не год или пятилетие, а длина поколения (25—30 лет).

Наконец, необходимо учитывать при разработке мер управления демографическими процессами их тесную связь и взаимообусловленность. Нельзя разрабатывать меры по управлению процессами рождаемости, не учитывая тенденций смертности; при управлении миграционными процессами надо учитывать и сложившиеся тенденции естественного движения в районах «входа» и «выхода» мигрантов. Наконец, во всех случаях управления процессами народонаселения необходимо учитывать их качественные аспекты, т. е. динамику демографических структур. Меры управления должны быть направлены на *развитие* населения в целом.

Все это позволяет говорить о необходимости разработки комплексной долгосрочной программы развития населения СССР (КДПРН) как компонента общей системы программного подхода к управлению социально-экономическим развитием СССР. О необходимости программного долгосрочного подхода к решению ряда сложных социально-экономических проблем говорилось на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС и в проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии. Это должно стать важным и обязательным элементом планирования развития населения¹.

Сразу же подчеркнем, что такая программа не должна быть чем-то застывшим, неизменным. Напротив, отдельные ее элементы (но именно отдельные, а не глав-

¹ О необходимости разработки КДПРН уже говорилось в нашей литературе (см.: Валентей Д. И. Общесметодологические основы долгосрочной программы развития населения СССР в долгосрочной перспективе. — Экономические науки, 1979, № 10).

ная линия) должны дополняться, используемые меры демографической политики — совершенствоваться.

Разработка такой программы должна, по нашему мнению, проводиться в несколько этапов¹.

На *первом этапе* должна проводиться разработка теоретических основ и основополагающих принципов построения такой программы. Значение этого этапа чрезвычайно важно, без его успешной реализации все дальнейшие исследования могут оказаться ошибочными.

В этой работе необходимо в первую очередь опираться на такие фундаментальные основы теоретической демографии, как политическая экономия, марксистская философия, теория научного коммунизма². Разработка теоретических основ комплексной программы среди других вопросов должна включать изучение следующих проблем:

роль народонаселения в развитии общества и его экономики;

соотношение процессов общественного развития, материального производства и воспроизводства, с одной стороны, и развития и воспроизводства населения — с другой, т. е. речь идет о соотношении воспроизводства средств жизни и воспроизводства самой жизни;

генеральные тенденции развития населения и особенности их проявления в различных формациях;

последствия различных типов воспроизводства населения. При разработке этой проблемы весьма перспективным представляется использование сложных имитационных экономико-демографических моделей, позволяющих анализировать в комплексе многогранные последствия различных управленческих решений;

генеральные тенденции развития семьи как основной демографической ячейки общества, эволюция ее функций на разных этапах развития общества;

¹ Такая последовательность достаточно условна, и отдельные этапы могут совпадать по времени. Однако разработка теоретических основ должна быть всегда начальным этапом этих работ, в этом залог успеха реализации программы.

² Ряд интересных положений в области теории демографической политики содержится в работах В. С. Стешенко и В. П. Пискунова, в том числе в статье «К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества» (см.: Демографические тетради, 1972, вып. 6—7.), а также в докладе В. С. Стешенко «О теоретической значимости исследований экономики демо процесса» (Киев, 1979).

закономерности изменения роли детей в системе ценностей общества и семьи.

Разработка этих проблем, а здесь приведен отнюдь не исчерпывающий их перечень, позволяет обосновать *возможность и необходимость* проведения демографической политики и может послужить методологическим основанием для определения эффективности КДПРН.

Важным элементом первого этапа разработки программы является обоснование цели КДПРН. В самом широком смысле это должно быть формирование оптимального типа развития населения¹ СССР. На этом этапе необходимо также выработать условия успешности такой программы. Об этом уже говорилось в данной работе, напомним лишь наиболее важные из них:

комплексный подход к реализации таких программ; долгосрочный их характер;

стабильная направленность и цель демографической политики.

Следующий важный этап — разработка *методических основ* этой программы на основе ее теоретических принципов. Сюда входит прежде всего разработка методов оценки эффективности различных мер управления демографическими процессами. При этом важно не только оценить прямые и косвенные затраты общества и семьи на воспитание и содержание детей, но и учесть разного рода последствия при введении тех или иных мер демографической политики.

Например, введение значительных по величине денежных выплат семье может привести к некоторому уменьшению занятости женщин, особенно молодых. Поскольку интергенетические интервалы могут быть у молодых женщин достаточно короткими — 3—4 года, как в жизни часто и бывает, рождение двоих-троих детей приведет к длительному отвлечению молодых тружениц от участия в общественном производстве. Это скажется не только на общем уровне занятости женщин, но может снизить и качество их труда в дальнейшем ввиду постепенной дисквалификации из-за длительного перерыва в работе.

В то же время более длительное пребывание женщины

¹ Суть понятия «развитие населения» рассматривается в ряде работ, в том числе в коллективной монографии «Система знаний о народонаселении» (М, 1976).

дома с малолетними детьми позволит снизить заболеваемость последних, перегрузку молодых матерей, в определенной мере уменьшит нагрузку на детские дошкольные учреждения, в первую очередь детские ясли.

При разработке методических основ проведения КДПРН необходимо изучить, хотя бы в общем виде, принципы влияния на демографические процессы некоторых принимаемых социальных решений, затрагивающих в той или иной мере интересы населения. Разумеется, предусмотреть все эти меры на перспективу трудно, но общие принципы их влияния знать необходимо. Примером такого рода решений (реальность и необходимость таких мер — особый вопрос) может быть изменение возраста ухода на пенсию по старости¹. Так, при снижении этого возраста для женщин может появиться добавочное число бабушек-пенсионерок, могущих взять на себя уход за внуками, что поможет «разгрузить» молодых родителей. Естественно, не все пенсионеры захотят сидеть с внуками, поэтому необходимо на базе специальных обследований выявить долю контингента, которая предпочитает, или хотя бы не отказывается, часть времени после выхода на пенсию посвятить их воспитанию.

Это лишь единичный пример, но он показывает необходимость большой методической работы и обширного информационного обеспечения решения такого рода проблем.

Важным элементом этого этапа является определение на основе принятых теоретических предпосылок параметров оптимального типа воспроизводства населения, сформулированного в первой части программы как по всем видам движения, так и по всему комплексу процессов воспроизводства.

Третий этап разработки программы — *определение ее содержания и тех уровней*, на которых она будет проводиться. Под уровнями мы понимаем степень охвата мероприятиями демографической политики различных элементов организации нашего общества — от высших народнохозяйственных до низших звеньев, т. е. от страны в целом до отдельного предприятия, колхоза, совхоза, института и т. д. Это «вертикальный срез» программы.

¹ Отметим, что эта проблема имеет не только экономический, но в значительной мере социальный и политический характер

Охват программой КДПРН всех уровней является практической реализацией одного из важнейших условий успешности проведения демографической политики — ее комплексности. Демографическое поведение населения формируется под воздействием различных сторон жизнедеятельности общества, выпадение из этой «системы влияния» хотя бы одного звена может ослабить эффективность системы в целом.

Если, например, пропаганда почетности и важности родительства (материнства и отцовства), системы льгот и преимуществ семьям с определенным числом детей будет осуществляться на всех уровнях, кроме самих предприятий и организаций, где работают люди, то значение этих мер сильно обесценится. Ведь именно на этом низовом уровне, где в основном формируется демографическое поведение человека, люди получают и значительный объем жизненной информации, и основную часть своих доходов. Поэтому четкая и активно пропагандируемая ориентация на приоритетность для общества семей с определенным числом детей будет ощущаться семьями достаточно явственно прежде всего благодаря усилиям на низовом уровне.

Естественно, что материальные возможности и компетенции организаций на разных народнохозяйственных уровнях в этой сфере должны быть различны. Но необходимо подчеркнуть обязательность, как уже говорилось выше, единства в направлении демографической политики по стране в целом, на всех уровнях.

В интересах демографической политики могут быть использованы определенные меры, проводимые самими предприятиями исходя из их собственных возможностей. Это, так сказать, «горизонтальный разрез» программы. С этих позиций следует изучить опыт некоторых колхозов, особенно рыболовецких, в Эстонской ССР, которые часть средств используют для поощрения развития семьи и материнства, не говоря уже о ставших традиционными в таких крупных хозяйствах больших затратах на развитие сети детских учреждений и учреждений культуры.

Некоторое время могут быть различия в уровне затрат отдельных организаций, прежде всего колхозов, поскольку в государственных предприятиях в определенной мере можно использовать механизм перераспределения средств. Эти различия сейчас достаточно заметны,

особенно в отношении возможностей строительства жилого фонда и детских дошкольных учреждений; видимо, они могут сохраниться еще не один год, хотя надо подчеркнуть их непринципиальный характер. Предприятия, используя свои возможности в осуществлении демографической политики, могут снизить текучесть кадров и способствовать тем самым дальнейшему улучшению работы.

Различия в участии разных организаций в реализации элементов КДПРН объективно вытекают, в частности, из того, что даже в условиях единой социальной общности имеется дифференциация и типа воспроизводства населения, и исторических особенностей его развития. Поэтому на высшем уровне должны быть разработаны прежде всего *основы КДПРН*, в которых определяются общие принципы и цели проведения программы.

В основах должны быть определены размеры денежных выплат семьям при рождении детей разных порядков, направления рациональной с точки зрения общества миграции и пути формирования миграционных потоков¹, общие направления и принципы демографической пропаганды, основные направления мер по дальнейшему росту продолжительности жизни, снижению заболеваемости и смертности. В основах КДПРН должны указываться и важнейшие юридические документы, на которых базируются такие программы.

Программа должна предусматривать и основные направления развития демографических структур, в том числе пути оптимизации возрастно-половой структуры в отдельных регионах, а также ряда других структур, например образовательной и профессиональной.

На основе единой для страны комплексной долгосрочной программы развития населения должны разрабатываться республиканские программы с учетом специфических условий каждой союзной республики. В них уже могут содержаться, исходя из общесоюзных принципов, конкретные предложения по реализации програм-

¹ Напомним, что мы в основном будем касаться лишь проблем естественного движения населения как компонента такой программы. Миграционные аспекты этого комплекса мер описаны подробно А. Топилиным (см.: *Топилин А.* Программно-целевой подход к регулированию миграции — В кн.: Куда и зачем едут люди. М., 1979).

мы. Попробуем изложить содержание, точнее, основные положения, такой программы применительно к условиям РСФСР.

1. Значение КДПРН в системе долгосрочного социально-экономического планирования.

2. Основные теоретические закономерности, определяющие характер связей социально-экономических и демографических явлений.

3. Генеральные тенденции развития семьи и эволюция ее функций.

4. Современное состояние и генеральные тенденции развития населения РСФСР в долгосрочной перспективе¹; оценка комплекса последствий различных вариантов развития населения.

5. Определение комплекса целей КДПРН в теоретическом плане с указанием иерархии критериев оптимизации. Здесь же должны быть приведены характеристики (разумеется, приближенные, с определенными допусками) желаемого типа воспроизводства населения.

6. Система мер по формированию желаемого типа воспроизводства населения и оценка комплекса последствий их реализации на практике.

При разработке этого раздела должны быть оценены различные варианты комплекса используемых мер демографической политики. Применительно к условиям РСФСР это прежде всего акции популяционистского характера, т. е. направленные на стимулирование рождаемости. Такое направление является в этом комплексе главным на весь период программы². Здесь же

¹ Говоря о долгосрочной перспективе, мы имеем в виду два плановых рубежа: первый — ближайший — это 2000 г., второй — долгосрочный — это 2030 г., т. е. речь идет примерно о длине двух поколений. В демографическом плане это не очень большой период, а в социально-экономическом — весьма значительный. Внутри всего периода помимо двух выделенных интервалов могут быть предусмотрены пятилетние рубежи, особенно в отношении введения мер материального стимулирования

² В других республиках, где до сих пор сохраняется высокий уровень рождаемости, в направлении таких программ могут быть определенные различия. При сохранении единых в стране мер демографической политики на каком-то этапе, особенно до перехода основной массы населения к идеалу малодетной семьи, большую роль будут играть меры экономической помощи многодетным семьям.

должны быть предусмотрены меры по оказанию помощи со стороны общества определенным группам семей, прежде всего малообеспеченным.

7. Расчет необходимого объема материальных средств для реализации КДПРН с распределением их по срокам освоения. В данном случае под материальными средствами имеются в виду не только денежные средства, но и лимиты разного рода материалов и трудовых ресурсов, необходимые для реализации такой программы.

8. Завершающим разделом КДПРН должно стать изложение необходимых организационных мер по ее проведению, степени ответственности и участия в реализации этой программы различных министерств и ведомств. В этой связи особое значение приобретает наличие единого организационного центра, который руководил бы реализацией такой программы, координировал усилия в этой области различных организаций.

Так в общих чертах можно представить структуру и организацию КДПРН.

*

* * *

Разработка и реализация комплекса мер эффективной демографической политики в нашей стране является важнейшей задачей, органической составляющей планов экономического и социального развития. Разработка различных аспектов управления демографическими процессами ведется советскими учеными достаточно активно. Опубликованы разнообразные исследования по этим проблемам, в том числе по теоретическим вопросам развития населения, по совершенствованию методов анализа и прогнозирования населения.

Существенно выросла, особенно в связи с переходом на новый этап экономического и социального планирования, практическая актуальность разработки КДПРН. Все это привело к расширению фронта работ в этой области и к постановке новых задач, которые требуют неотложного решения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I Генеральные тенденции демографических процессов	10
Основные этапы развития населения	10
Современное состояние воспроизводства населения Советского Союза	46
Долгосрочные перспективы развития демографических процессов	78
Глава II О целях демографической политики	101
Глава III Проблемы демографической политики	135
Общие принципы проведения демографической политики в СССР	135
Об эффективности демографической политики и последовательности ее проведения	174
О комплексной долгосрочной программе развития населения СССР	191

Александр Яковлевич Кваша
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СССР

Рецензент **Л. Л. Рыбаковский**
Зав редакцией **В. П. Томин**
Редактор **Г. И. Чертова**
Мл редактор **Е. М. Рудый**
Техн редактор **И. В. Завгородняя**
Корректоры **Я. Б. Островский, Н. П. Сперанская**
Худ редактор **Э. А. Смирнов**
Обложка художника **В. С. Сергеевой**

ИБ № 1031

Сдано в набор 25 07 80 Подписано в печать 9 02 81 А 06235 Формат 84×108^{1/32}
Бум тип № 1 Гарнитура «Литературная» Печать высокая П л 6 25 Усл
п л 10 5 Уч изд л 11 24 Тираж 6000 экз Заказ 5213 Цена 1 р 20 к

Издательство «Финансы и статистика» Москва ул Чернышевского 7

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной
торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново 8, ул Типографская, 6